

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»**

**ЦЕНТР ЧАСТНОПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ТРУДОВЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

КАФЕДРА АДВОКАТУРЫ

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сборник статей заочной международной научно-практической конференции
г. Минск, 10–15 декабря 2013 г.

Минск
Международный университет «МИТСО»
2014

УДК 347. 349
ББК 67.404+67.405
*****П 68

Редакционная коллегия:

Н.Л. Бондаренко, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра частноправовых исследований НИИ трудовых и социальных отношений Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»;

С.С. Вабищевич, кандидат юридических наук, доцент, главный научный сотрудник центра частноправовых исследований НИИ трудовых и социальных отношений Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»;

В.А. Витушко, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра частноправовых исследований НИИ трудовых и социальных отношений Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (зам. гл. ред.);

И.А. Маньковский, кандидат юридических наук, доцент, начальник центра частноправовых исследований НИИ трудовых и социальных отношений Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (гл. ред.)

Правовая основа экономических отношений : сб. статей заоч. междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 10–15 декабря 2013 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – 76 с.
ISBN 978-985-497-243-5.

В издании представлены научные статьи, освещающие проблемные вопросы правового регулирования экономической деятельности в Республике Беларусь.

Адресуется научным работникам, преподавателям, магистрантам, а также студентам, интересующимся современным состоянием и перспективами развития частного права.

УДК 347. 349
ББК 67.404+67.405

ISBN 978-985-497/243-5

© Международный университет «МИТСО», 2014

Научное издание

Правовая основа экономических отношений

Сборник статей заочной международной научно-практической конференции
г. Минск, 10–15 декабря 2013 г.

Ответственный за выпуск И.А. Маньковский
Подготовка оригинал-макета И.А. Маньковский

Подписано в печать 30.01.2014.

Формат 60 x 84^{1/8}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 10,24.

Тираж 100 экз.

Издатель и полиграфическое исполнение
Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
ЛИ № 02330/437. Действительна до 14.10.2014 г.
Ул. Казинца, 21-3, 220099, г. Минск.

РАЗДЕЛ I КОНСТИТУЦИОННАЯ ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЛИЧНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кивель Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Стержневым правом из группы личных прав является право на жизнь. Право на жизнь – одно из основных неотчуждаемых прав человека, принадлежащих каждому от рождения. Оно закреплено нормами важнейших международных документов о правах человека (ст. 3 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. [1], ст. 6 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [2]). Это право является стержневым в том смысле, что многие другие конституционные права (например, право на благоприятную окружающую среду, охрану здоровья, личную неприкосновенность и др.) имеют своей конечной целью обеспечение реализации права на жизнь. Право на жизнь гарантируется не только Конституцией: нормы, охраняющие жизнь человека, содержатся в уголовном законодательстве (ответственность за убийство, оставление в опасности, доведение до самоубийства и т.д.) [3], трудовом законодательстве (правила техники безопасности) и законодательных актах других отраслей.

Право на жизнь – естественное право человека на ненасильственную смерть. «Никто не может быть произвольно лишен жизни» (ст. 6 Пакта о гражданских и политических правах) [2].

В связи с этим естественна постановка вопроса о смертной казни как исключительной мере наказания. В последнее время ведется весьма активная дискуссия вокруг проблемы смертной казни. Является ли она фактором, сдерживающим преступность? Нарушает ли она права человека? Применять ли ее в современный период развития общества или отказаться от этого? На эти и многие другие вопросы по-разному отвечают ученые, юристы-практики, общественные и политические деятели, писатели, граждане. И хотя в принципиальном плане практически все они высказываются за отмену смертной казни, никто прямо не выступает против этой идеи. В оценке сроков осуществления данного гуманного акта существуют серьезные расхождения. Если в европейских государствах смертная казнь отменена практически полностью, то в США этот вид наказания применяется более чем в половине штатов [4, с. 276]. Конституция Республики Беларусь [5] закрепляет положение о том, что смертная казнь вплоть до ее отмены может устанавливаться законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления. В Республике Беларусь только в 1998 г. более 40 человек было приговорено к исключительной мере наказания [6, с. 83]. Можно согласиться с мнением высказанным в правовой литературе о том, что «необходимыми условиями для отмены этого страшного возмездия должны быть, в частности, следующие: нормализация социально-экономической обстановки в стране, рост благосостояния населения, реальные успехи в борьбе с преступностью, сокращение числа умышленных убийств вообще и умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах в особенности, повышение общей и политико-правовой культуры граждан и должностных лиц и пр.» [7, с. 260–261].

Одним из дискуссионных вопросов юридической науки является оказание медицинских услуг для безнадежно больного по его просьбе для преждевременного ненасильственного ухода из жизни (эвтаназия). Этот вопрос достаточно активно обсуждается и в зарубежной юридической науке – итальянской [8], германской [9].

В последнее время в мировой научной среде проходит острая дискуссия на предмет клонирования человеческого тела или отдельных человеческих органов в медицинских целях, насколько это соответствует этике, морали, религии, правам человека. Можно согласиться с мнением авторов, полагающих, что право на жизнь состоит из права каждого индивидуума на проживание в биологической среде, не наносящей вреда витальной, физической, психической, генетической, репродуктивной, духовной и интеллектуальной составляющим жизнедеятельности. Исходя из этого безопасность человека определяется как самостоятельный блок социальной безопасности, характеризующий условия, защищающие интересы конкретной личности во всех ее индивидуальных проявлениях [10].

В Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) личные права и свободы стоят на первом месте, они лишь фиксируются и не навязываются гражданам. Вопрос о том, исполнять их или нет, решает каждый гражданин самостоятельно. Кроме вышесказанных, к ним относится право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательств на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство (ст. 28). Закрепляется презумпция невиновности. Никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы (ст. 27).

Конституция обеспечивает неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан (ст. 29). Рассматривая конституционное право на жилище, необходимо уяснить вопрос о самом понятии жилища. К жилым помещениям относятся: жилые дома, квартиры в многоквартирных жилых домах, а также изолированные жилые комнаты в домах либо квартирах. Жилым признается помещение, отвечающее установленным санитарным, противопожарным, градостроительным и техническим требованиям и предназначенное для проживания граждан [11].

В начале XX в. большинство правовых актов нормативно не закрепляло право на неприкосновенность частной жизни. Предпочтение отдавалось лишь праву на тайну переписки, телеграфных, телефонных сообщений.

Лишь после окончания Второй мировой войны при реформировании государственных систем в новых конституциях появилось упоминание о частной жизни человека [12, с. 7].

Граждане Республики Беларусь согласно Основному Закону имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах территории Республики, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно (ст. 30 Конституции). Однако это конституционное право долгое время искажалось подзаконными нормативными актами (так называемым институтом прописки). В настоящее время достигнут значительный прогресс в реализации данного права граждан в связи с введением института регистрации. В Российской Федерации имеются достаточно весомые ограничения в реализации права граждан на выбор места жительства [13].

Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии (ст. 31 Конституции).

Свобода совести включает в себя все многообразие форм систем мировоззренческой ориентации, реализуемых единолично или коллективно на принципах равенства [14]. Интересно мнение, высказанное в научной юридической литературе, с которым нельзя не согласиться: «Если следовать логике максимально широкого понимания свободы совести, то права религиозных сообществ должны рассматриваться как производные от права каждого индивида на свободу совести, а значит, деятельность религиозных объединений должна регулироваться на общих основаниях, как общественных и некоммерческих ... Специального «религиозного» закона вообще не должно быть в правовой системе демократического государства. И для подобного небесспорного предположения есть веские основания. Главное из них – необходимость ограничения регламентации духовно-нравственной сферы, к которой относится свобода совести, со стороны государства. Подразумевается, что структуры демократического государства с целью соблюдения нейтралитета в мировоззренческой сфере не должны иметь возможности на свое усмотрение определять, что является религией, а что нет. Потому что четких правовых критериев для этого нет и быть не может» [15, с. 24–25]. Таким образом, провозглашенный в Конституции принцип светского государства должен иметь логическое продолжение в текущем законодательстве, которое зачастую его искажает, предоставляя привилегии определенным религиозным конфессиям, закрывая глаза на осуществление религиозных культов в государственных и муниципальных учреждениях. Все это свидетельствует о том, что после долгих лет насильственного насаждения атеизма в нашей стране мы начинаем впадать в другую крайность – внедрять религиозное сознание и миропонимание на государственном уровне, хотя для этого есть и некоторые объективные причины [16, с. 27]. Вместе с тем необходимо отметить, что конституции и законодательство национальных государств различаются по регулированию свободы вероисповедания. Например, в США законодательство в области свободы совести более мягкое, чем законодательство ФРГ [17]. В научно-правовой литературе высказано мнение о том, что часто судьи и иные государственные чиновники – это члены доминантной культуры или религии, они имеют свои предубеждения, когда речь идет о решении вопросов, связанных с религией [18, с. 51].

Согласно ст. 32 Конституции Республики Беларусь женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Супруги равноправны в семейных отношениях.

Каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение (ст. 33 Конституции). Можно согласиться с мнением, высказанным в научно-правовой литературе, что право на свободу мысли и слова имеет достаточно сложный характер.

Исследуя право на свободу слова, важно различать его структурные элементы. Во-первых, это свобода каждого человека выражать свои мысли, идеи и суждения при условии следования предписаниям закона. Во-вторых, это свобода печати и других средств массовой информации как свобода от цензуры и права на создание и использование органов информации, позволяющее материализовать свободу выражения мнений и убеждений. Наконец, свобода слова предполагает право быть информированным, т.е. иметь доступ к источникам информации. Указанные элементы этой свободы тесно взаимосвязаны и существуют в неразрывном единстве [19, с. 128].

Необходимо отметить, что отношения неприкосновенности личности, ее жилища, тайной жизни есть не что иное, как форма обеспечения (гарантии) личной свободы граждан.

Гарантированность является одним из важнейших конституционно провозглашенных принципов, получивших правовое выражение в различных формах: как общее начало, которое свойственно реализации всего объема прав и свободы личности, так и закрепление конкретных гарантий каждого права и свободы в отдельности. Одним из элементов гарантированности является юридическая безопасность. Российский ученый А.А. Тер-Акопов указывает, что юридическая безопасность – это категория, органически входящая в систему гарантий [20, с. 95]. Можно согласиться с мнением Ю.Г. Мигачева, что назначение юридических гарантий состоит в возможно полном претворении в жизнь прав, свобод и обязанностей личности. В связи с этим их характер, система и виды должны возможно полнее соответствовать определенным формам реализации прав и свобод, а также содействовать осуществлению обязанностей и привлечению к ответственности. Содержание гарантий весьма динамично и обусловлено их целевой, институциональной и функциональной направленностью, зависит от общественно-политических, духовных и иных процессов, происходящих в стране на определенных этапах ее исторического развития [21, с. 96]. С.В. Калашников под правовыми (юридическими) гарантиями понимает содержащиеся в нормах права средства и способы защиты прав и свобод личности, правомерную деятельность государства, правоохранительных органов, а также местного самоуправления, правозащитных организаций, направленных на их обеспечение. К правовым (юридическим) гарантиям относятся, прежде всего, конституционные нормы-гарантии [22, с. 19].

Субъектом, на которого в первую очередь возлагаются гарантии прав и свобод, является государство. В от-

личие от Конституции Российской Федерации, Конституция Республики Беларусь прямо не указывает на государство как главного гаранта прав и свобод человека, но эта роль вытекает из ряда ее статей (ст. 6, 10, 60 и др.). Каждый имеет право сохранять свою национальную принадлежность, равно как никто не может быть принужден к определению и указанию национальной принадлежности (ст. 50 Конституции). В соответствии с данной нормой внесены изменения в различного рода инструкции, регулирующие порядок заполнения личных листов по учету кадров, паспортов и иных документов.

Каждый имеет право пользоваться родным языком, выбирать язык общения (ст. 50 Конституции).

К личным правам относится и право граждан на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений (ст. 115 Конституции).

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 78–81.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 82–94.
3. Ключко, Р.Н. Преступления против жизни: сравнительно-правовой аспект / Р.Н. Ключко // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф. (Гродно, 26–27 октября 2001 г.). – Гродно. – 2002. – С. 328–330.
4. Мишин, А.А. Конституция США. Политико-правовой комментарий / А.А. Мишин, В.А. Власихин. – М. : Междунар. отношения, 1985. – 334 с.
5. Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдуме от 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2006.
6. Василевич, Г.А. Правовые основы взаимоотношений личности, общества и государства (комментарий к статьям Конституции Республики Беларусь) / Г.А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 1999. – 192 с.
7. Малько, А.В. Теория правовой политики: монография / А.В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
8. Капителли, Паоло. Право на смерть и эвтаназию: сравнительно-правовое исследование / Паоло Капителли // Правоведение. – 2010. – № 3 (290). – С. 56–67.
9. Hohenstein, Anne Die Einführung der aktiven Sterbehilfe in der Bundesrepublik Deutschland. Lässt sich das Recht auf den eigenen Tod verfassungsrechtlich begründen? Logos Verlag / Anne Hohenstein. – Berlin, 2003.
10. Харабет, К.В. Проблема социальной защиты населения в России / К.В. Харабет // Права человека в России: декларации нормы и жизнь : материалы Междунар. конф., посвящ. 50-летию Всеобщ. декларации прав человека / К.В. Харабет [и др.] // Государство и право. – 2000. – № 4. – С. 31–41.
11. Скрипко, В.Р. Конституционное право граждан Российской Федерации на жилище / В.Р. Скрипко // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 31–39.
12. Романовский, Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни / Г.Б. Романовский. – М. : МЗ-пресс, 2001. – 309 с.
13. Миролюбова, С.Ю. Право граждан на выбор места жительства: содержание и перспективы развития / С.Ю. Миролюбова // Государство и право. – 2012. – № 12. – С. 13–21.
14. Мирчук, М.А. Конституция Республики Беларусь и современные проблемы государственно-конфессиональных отношений и свободы совести / М.А. Мирчук // Законотворчество. – 2004. – № 2. – С. 29–32.
15. Бурьянов, С.А. Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести / С.А. Бурьянов // Государство и право. – 2001. – № 2. – С. 21–26.
16. Комкова, Г.Н. Реализация равенства прав и свобод человека независимо от отношения к религии в современной России / Г.Н. Комкова // Правоведение. – 2003. – № 1(246). – С. 19–31.
17. Ulrich, Fülbier Die Religionsfreiheit in der Bundesrepublik Deutschland und den Vereinigten Staaten von Amerika unter spezieller Berücksichtigung der jeweiligen Methodik der Verfassungsinterpretation Fülbier / Fülbier Ulrich. – Duncker & Humboldt GmbH. – Berlin, 2003.
18. Подопригора, Р.А. Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы) : монография / Р.А. Подопригора. – Алматы : Аркаим, 2002. – 165 с.
19. Лукашева, Е.А. Права человека и политическое реформирование (юридические, этические, социально-психологические аспекты) / Е.А. Лукашева ; Ин-т государства и права Российской АН. – М. : РАН, 1997. – 232 с.
20. Тер-Акопов, А.А. Юридические гарантии прав личности в Российской Федерации (по материалам круглого стола) / А.А. Тер-Акопов [и др.] // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 95–107.
21. Мигачев, Ю.И. Понятие и виды юридических гарантий. Юридические гарантии прав личности в Российской Федерации (по материалам круглого стола) / Ю.И. Мигачев [и др.] // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 95–107.
22. Калашников, С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества С.В. Калашников // Государство и право. – 2002. – № 10. – С. 17–25.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Василенко Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Гродненского государственного университета им. Янки Купалы

Бозэр Артур Тадэушевич, студент 5 курса факультета юриспруденции и администрации, специальности юриспруденция Ягеллонского университета, г. Краков

Идея конституционного закрепления права на получение высшего профессионального образования как одного из самых престижных уровней образования является собой квинтэссенцию фундаментальных знаний и практических навыков современных правовых теорий, связанных с провозглашением и применением правил образовательного законодательства.

Содержательной иллюстрацией законодательства служит образовательное право. Хотя оно так или иначе соотносится с комплексной социальной отраслью, но укоренено в специфическом понятийном аспекте, в контексте и посредством которого происходит утверждение и реализация права на образование. В построении соответствующих юридических выводов мы прибегнем к правовым теориям, в рамках целостных суждений о значениях и механизмах правовой регламентации существующего конституционного права.

По сравнению с фактуальными доводами теоретиков о содержательности конституционного права на образование, Конституция Республики Беларусь гарантирует такое право, согласно которому каждый может на конкурсной основе бесплатно получить соответствующее образование в государственных учебных заведениях (ст. 49) [1].

Раскрывая значение нормы конституционного права, мы в первую очередь определяем связь получения образования с прохождением конкурсного отбора гражданами, посредством которого проясняется специфика конкурсного правоотношения как наиболее фундаментального понятия субъективного права. Связь конкурсного правоотношения с учреждением высшего профессионального образования очевидна, она реальна и конкретна. Конституционная возможность успешного прохождения гражданами конкурсного отбора есть не что иное, как юридическая обязанность быть зачисленным в число студентов учреждения высшего профессионального образования государственной формы собственности. Юридические выводы, думается, напрашиваются сами, а равно осмысление социальной действительности и существующее положение дел в правовой регламентации организационно-правовых форм собственности. Детализация резюмирующей части структуры конституционной нормы имеет один существенный момент – это конкретизированный правовой статус образовательных учреждений (статус государственных образовательных учреждений).

Социализируя положение Конституции в гражданско-правовом определении статуса образовательных учреждений (государственных либо частных), основанных на равноправии сторон – участников конкурсных правоотношений, мы думаем, что гарантированность доступности и бесплатности высшего профессионального образования достигается путем усиления способностей граждан (умственных, творческих, личностных, профессиональных). Если в стремлении понимания правоотношения характеризуется способ его определения, то понятийные аспекты определения статуса образовательных учреждений зависят от их правовой природы: государственным вузам присущи социальная и экономическая сферы, а частным – только экономическая. Социальные требования частному вузу диктует государство.

Например, в ст. 70 Конституции Республики Польша, вступившей в юридическую силу 17 октября 1997 г. (принята Национальным собранием 2 апреля 1997 г.; 25 мая утверждена референдумом, результаты которого Верховный суд 15 июля признал действительными; 16 июля Конституция подписана Президентом), сказано, что каждый имеет право на учебу. Учеба до 18-летнего возраста обязательна. Порядок выполнения школьной обязанности определяется законом (п. 1). Учеба в публичных школах бесплатная. Закон может допустить предоставление публичными высшими школами некоторых образовательных услуг за плату (п. 2). Родители вольны выбирать для своих детей не публичные, а иные школы. Граждане и организации имеют право учреждать основные (podstawowe), средние (ponadpodstawowe) и высшие школы, а также воспитательные заведения. Условия учреждения и деятельности непубличных школ и участия публичных властей в их финансировании, а также принципы педагогического надзора за школами и воспитательными заведениями определяются законом (п. 3). Публичные власти обеспечивают гражданам всеобщий и равный доступ к образованию. С этой целью создаются и поддерживаются системы индивидуальной финансовой и организационной помощи ученикам и студентам. Условия предоставления помощи определяются законом (п. 4). Высшее профессиональное образование в Республике Польша регулируется Законом о высшем образовании (Prawo o szkolnictwie wyzszym) от 18 марта 2011 г. В Польше существуют 457 учебных заведений дающих высшее образование, в том числе 131 государственный вуз и 326 негосударственных вузов. Всего в вузах Польши обучаются примерно 2 млн студентов.

Система образования Республики Беларусь ярко выражена государственным сектором экономики, где по интенсивности развития преобладают учреждения высшего образования государственной формы собственности (45) и всего 9 учреждений высшего образования частной формы собственности. По количеству студентов на 10 000 населения Республика Беларусь (467 человек) занимает среди стран Евросоюза девятое место, уступая Греции (568 человек), Латвии (501 человек), Литве (605 человек), Польше (563 человека), Словении (561 человек), Финляндии (567 человек), Швеции (487 человек) и Эстонии (515 человек).

Приспосабливая систему взглядов о современной теории образовательного права к научному поиску идей и

представлений о реализации конституционного права на образование, мы надеемся объяснить сущность такого права, его значение.

В научных работах, защищенных преимущественно в Российской Федерации, речь идет о природе юридических понятий и принципов в образовании, в контексте проблематики конституционного права на образование в системе высшего профессионального образования.

К этим аспектам обращена диссертация С.Л. Серegiной «Конституционное право на высшее образование в Российской Федерации» (Саратов, 2006), в которой предпринята попытка раскрыть сущность и правомочия конституционного права на высшее образование, а также изучить влияние реформ высшего образования на реализацию данного конституционного права [2, с. 5]. Среди фактуальных вопросов, обозначенных в исследовании, во многом носящих описательный и риторический характер, поражает неадекватность познавательных процессов к состоянию образовательных отношений, частая проблематичность системы образовательного права в многообразии и разнородности юридических терминов, к которым относятся унифицирующие законодательные акты, утверждающие о той или иной фактичности. Автор называет причину, искажающую действительность, которая ведет к неспособности граждан в реализации конституционного права на образование – это отсутствие в Российской Федерации Кодекса об образовании. По ее словам, «принятие Кодекса об образовании позволит обеспечить наиболее полное соответствие системы действующих норм права современному состоянию образовательных отношений и устранить большую часть недостатков, имеющихся в действующих федеральных законах и иных нормативных правовых актах, что, в свою очередь, будет способствовать реализации конституционного права на высшее образование» [2, с. 8].

Республика Беларусь, раскрывая значение образования как целостного механизма развития общества, объясняет дефиницию абстрагированного юридического термина «образование» в рамках систематизированного источника правового регулирования – Кодекса Республики Беларусь об образовании [3].

Преображая правовую теорию, мы подчиняем механизм образовательных отношений к исторически сложившейся и устоявшейся системе норм (правил), наполненной определениями и теориями образовательного законодательства. Однако применительно к правовому регулированию Кодексом этих отношений лучше всего конструировать поиск в доктринальной теории права. Именно такой подход раскрывает многозначительные субстанциональные теории развития права (в том числе, теорию систематизации (унификации) правового регулирования гражданско-правовых и трудовых договоров). Среди теоретиков существуют разногласия, связанные со стремлением объяснить правовой механизм реализации конституционного права на образование с позиции условий глобализации, кризисных процессов в социальной сфере. Теория, описанная И.В. Тяпкиной в работе «Правовой механизм реализации конституционного права на образование в средних и высших профессиональных учебных заведениях России» (М., 2009) [4], изучает тождественные вопросы философского спора о правовой аргументации гарантий конституционного права на образование, включая его социальные, экономические, культурные аспекты, которые подобным порядком разьяснялись в российском образовательном праве. Вопросы, аналогичные упомянутым в диссертации, содержат в себе большую неопределенность. Например, озабоченность автором созданием «ярмарки вакансий» на всей территории России посредством разработки единого реестра требуемых специальностей и вакансий для претендентов [4, с. 19].

Дальнейшее развитие и детализация конституционного права на образование были проведены Е.С. Чугуновой в работе «Конституционное право на высшее образование в Российской Федерации в условиях глобализации» (М., 2010), где автор преобразует правовую теорию, наделяя ее таким аналитическим инструментарием, как глобализация информационного пространства, в части технологий обучения, внедрения новых методик обучения [5, с. 8]. Для достижения поставленных целей исследования автор акцентировал внимание на конституционно-правовых гарантиях реализации права на высшее образование в Российской Федерации, в том числе в условиях присоединения России к Болонской декларации. Общая малозначительность выводов автора ведет к опасности смешения с другими инструментами современного процесса глобализации, наделянию юридической теории ненужными аналитическими данными. Разработанные на их основе выводы требуют внимательного изучения в процессе освещения вопросов имплементации норм международного права в российское образовательное законодательство.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2006. – 48 с.
2. Серегина, С.Л. Конституционное право на высшее образование в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / С.Л. Серегина; Федеральный гос. образ. учреждение высшего профессионального образования «Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина». – Саратов., 2006. – 32.
3. Кодекс Республики Беларусь об образовании : Кодекс Респ. Беларусь от 13 января 2011 г., № 243-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
4. Тяпкина, И.В. Правовой механизм реализации конституционного права на образование в средних и высших профессиональных учебных заведениях России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / И.В. Тяпкина; Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия правосудия-я». – М., 2009. – 22 с.

5. Чугунова, Е.С. Конституционное право на высшее образование в Российской Федерации в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Е.С. Чугунова; Поволжский кооперативный институт (филиал) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации». – М., 2010. – 22 с.

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЕССИИ БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Мельник Наталья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО

Поликонфессиональность как историческая черта Беларуси и сегодня остается важным фактором в религиозной сфере на территории современной Республики Беларусь. Эта черта была заложена исторической сменой форм правления и вхождением Беларуси в крупные государственные образования на протяжении последних столетий. Исторически сложившаяся на территории Республики Беларусь поликонфессиональность связана еще и с тем, что на территории современной Беларуси проживало много локализованных этносов, которые впоследствии вписались в жизнь нашей страны. Поликонфессиональность как черта религиозной жизни Беларуси и привела к тому, что на современном этапе развития в Беларуси превалирует несколько религиозных конфессий. Основными из них являются православие и католичество. Однако исторически сложилось, что на нашей территории распространены также протестантизм, иудаизм и ислам. В ходе последних событий, особенно на территории некоторых арабских государств (из-за нестабильной политической обстановки), на территорию Республики Беларусь мигрирует большее количество приверженцев ислама. Все это налагает ответственность не только на государство, но и на простых граждан в мирном сожительстве вне религиозных разногласий.

Согласно законодательным актам [1] в Республике Беларусь признается историко-культурный вклад таких конфессий, как Православная церковь, Католическая церковь, а также «неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама» [1]. Долгое историческое сосуществование различных религиозных конфессий наложили отпечаток на формирование веротерпимости и добрососедства внутри страны. Поэтому религия и верующие для каждого государства имеют важное значение, поскольку последние являются гражданами и могут влиять как на ход развития самого государства, так и на принимаемые в государстве законодательные акты.

Социологический аспект. Исторически сложилось, что первой (по числу приверженцев) остается Русская православная церковь (РПЦ), на втором месте по числу приверженцев стоит Римско-католическая церковь. Согласно проведенным социологическим исследованиям Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь «абсолютное большинство населения (93,5 %) относит себя к различным конфессиям: православной (81 %), католической (10,5 %), другим – 2 % (иудейская – 1 %, протестантская, мусульманская – по 0,5 %). Не считают себя приверженцами религиозных конфессий 5 % участников опроса» [2, с. 44]. По данным социологических опросов одной из черт портрета современного белоруса является православное вероисповедание.

Таким образом, Республике Беларусь как поликонфессиональному государству необходимо разработанное законодательство в сфере религиозной деятельности.

В Республике Беларусь отмечается еще одна закономерность в вопросе об отнесении себя респондентами к верующим. Хотя большинство 93,5 % относят себя к приверженцам определенной конфессии, но 21,5 % населения не могут однозначно ответить, что являются верующими [2]. Данная категория «верующих» верят в потусторонние силы, «а 9 % указали, что не являются верующими. Однозначно заявляют о том, что они верят в Бога, 65 % опрошенных» [2, с. 44].

При этом большинство из 65 % заявивших о своей вере в Бога относятся к пассивной форме религиозного поведения: не участвуют в отправлении религиозных обрядов и служб, редко посещают или вообще не посещают церковь. «Согласно полученным данным, значительно меньшее число респондентов (11,5%) активно ведут себя в религиозном плане: постоянно участвуют в богослужении и отправлении всех религиозных обрядов и таинств (6,5% и 4% соответственно)» [2, с. 44].

В результате проведенного исследования, выявлены следующие закономерности. Во-первых, верят в Бога чаще те респонденты, родители которых занимали активную позицию в вопросах веры. Во-вторых, большинство относящих себя к верующим относятся пассивно к обрядам и посещению церкви.

В ходе социологического опроса по заявлениям респондентов также выявлены следующие тенденции в развитии поликонфессиональности на территории Республики Беларусь. Во-первых, 93 % опрошенных респондентов заявили о мирном и спокойном характере межрелигиозного отношения. Во-вторых, 97 % опрошенных заявили, что не сталкивались в своей повседневной жизни с деструктивными культурами. В-третьих, «большинство жителей страны (64 %, в 2010 г. – 54,5%) исключают возможность возникновения конфликтов на религиозной почве в ближайшие годы» [2, с. 45].

По данным социологического опроса, проведенного в 2011 г. [2] граждане Республики Беларусь «отметили правильность проводимой в данной сфере политики и предложили и в дальнейшем учитывать интересы представителей всех национальностей и религиозных течений. Таким образом, результаты исследования отражают социокультурное единство белорусского общества. Белорусами назвало себя 82 % населения. Столько же (81 %) опрошенных относят себя к одной конфессии – православной» [2, с. 46].

Распределение верующих по конфессиям (по количеству исповедующих православие, католицизм, ислам и др.) имеет сходные черты и с распределением граждан Республики Беларусь по этнонациональному составу населения. Большинство граждан Беларуси, по данным переписи населения за 2009 г. [3], относят себя к национальности «белорус(ка)» и большинство из них исповедуют православие. В отношении Римско-католической церкви эта закономерность не столь ярко выражена, поскольку к национальности «поляк» себя причисляют 3,1 % граждан Республики Беларусь, но считают себя приверженцами католицизма 10,5 % респондентов. Статистически значимых связей между представителями других национальностей и их национально-исторической конфессией на территории Республики Беларусь не выявлено.

Республика Беларусь, как и другие страны Западной Европы, руководствуется международной практикой в отношении религиозных конфессий. Беларусь строит партнерские отношения с представителями религиозных организаций, зарегистрированных на ее территории. Правительство Республики Беларусь в большей мере заинтересовано в сотрудничестве с ведущими конфессиями, которые наиболее широко представлены на территории государства. Такой подход не исключает и другие конфессии из равноправного диалога с государством. Так, «12 июня 2003 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью, что полностью соответствует Конституции Республики Беларусь и ее законодательству. Приоритетными направлениями сотрудничества являются совместное развитие общественной нравственности, воспитание, образование, культурная и творческая деятельность, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия нашего государства» [4]. Такой приоритетный выбор православной церкви обусловлен, во-первых, ее влиянием на большее количество своих приверженцев среди граждан республики, во-вторых, тем, что православная церковь признана одной из исторически формирующих культурное наследие белорусской нации.

В современной Беларуси к перечню основных исторически сложившихся религиозных конфессий добавилось множество новых религиозных движений (НРД), которые повлияли на характер религиозности в нашей стране, особенно в середине 1990-х г.

Так, наряду с исторически сложившимися формами монотеистических церквей на территории Республики Беларусь действуют различные формы религиозных общин и новые религиозные движения. Среди них старообрядческая церковь, католики латинского обряда, греко-католическая церковь, реформатская церковь, лютеранская церковь, евангельские христиане баптисты, иоганская церковь, новоапостольская церковь, пресвитерианская церковь, христиане веры евангельской, христиане полного Евангелия, христиане веры апостольской, церковь Христова, мессианские общины, адвентисты седьмого дня, свидетели Иеговы, мормоны, прогрессивный иудаизм, бахаи, кришнаиты, армянская апостольская церковь.

У всех выше перечисленных религиозных движений есть свои последователи. Самыми многочисленными на территории Республики Беларусь, кроме Православной церкви (11 епархий), Римско-католической церкви (4 епархии – 479 приходов), являются евангельские христиане баптисты, христиане веры евангельской. «В соответствии со своими уставами действуют 142 религиозные организации, имеющие общеконфессиональное значение: религиозные объединения, монастыри, миссии, братства, сестричества, духовные учебные заведения. Четыре из них были зарегистрированы в 2004 г. (3 православных монастыря и 1 миссия ХВЕ). Общая численность религиозных организаций в республике достигла 2829» [4].

Поликонфессиональность сегодня не препятствует диалогу между различными религиозными конфессиями и государством, и ведет к их стабильному сосуществованию на территории Республики Беларусь.

Правовой аспект. Для рассмотрения всей совокупности религиозных конфессий и их взаимодействия между собой и Государством необходимо выделить несколько уровней правовых документов, которые регламентируют их деятельность.

Для регулирования религиозного вопроса в любой стране, в том числе и в Республике Беларусь, существует два вида законодательных актов. Первый вид документов регламентирует отношение Церкви (общины) и государства. Второй – взаимодействие приверженцев той или иной конфессии как граждан государства и право гражданина на исповедание любой религии. Еще одним видом регламентирующих документов являются те, которые регламентируют взаимодействия верующих конкретной религии, но они носят внутриконфессиональный характер и устанавливаются служителями культа.

Основной документ, регламентирующий свободу вероисповедания на территории Республики Беларусь выступает ее Конституция. Статья 16 Конституции Республики Беларусь гласит, что «Религии и вероисповедания равны перед законом» [5]. Это дает основание всем конфессиям зарегистрированным на территории Республики Беларусь равное право на осуществление своей деятельности. Однако, в данной 16 статье Конституции Республики Беларусь уточняется, что регламентация взаимных отношений «государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [5]. Это ограничивает круг тех исторически приемлемых религиозных организаций, которые характерны для территории Беларуси. К ним относятся православие, католичество, протестантизм, ислам и иудаизм. Другие конфессии по умолчанию не оказывали влияния на формирование культурных и духовных традиций белорусской нации.

Статья 16 Конституции Республики Беларусь однозначно указывает, что любая религия или вероисповедание по определению равны в своем статусе для избрания их гражданами Республики Беларусь.

В этой же ст. 16 Конституции Республики Беларусь четко определено, какие конфессии могут быть под запретом, и прописано на каких основаниях они попадают в категорию деструктивных культов. Деструктивные

культы, разрушающие человека как личность и мешающие исполнению его гражданского долга, становятся врагами государства и вне закона. Учения подобных культов находятся под запретом. Ярчайшим примером деструктивного культа является деятельность Аум синрикё.

Другим правовым документом, в котором отражены все аспекты деятельности религиозных организаций, правовое регламентирование гражданских свобод в религиозной сфере и признание исторического вклада ряда религиозных конфессий является Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», принятый 17 декабря 1992 г. [1].

Данный Закон гарантирует право гражданина Республики Беларусь на свободный выбор вероисповедания и защиту его интересов вне зависимости от принадлежности гражданина к определенной религиозной конфессии.

Названия статей закона [1] напрямую характеризует права и обязанности гражданина Республики Беларусь. Так, ст. 4 и 5 регламентируют право на свободу совести и свободу вероисповедания. В законе четко прописано равноправие не только граждан, исповедующих различные религии, но и равенство религий перед законом.

Статья 8 данного закона «Государство и религия» [1] разграничивает сферы влияния государства и религиозной конфессии в отношении политической жизни, внутррелигиозной жизни, национальной и религиозной символики.

В законе четко указана светская направленность образовательной системы Республики Беларусь, однако, допускается по волеизъявлению граждан создание во внеучебное время мероприятий по просвещению в религиозных вопросах.

«Необходимо отметить, что принятый Закон Республики Беларусь «О свободе совести слова и религиозных организациях» не ограничивает права верующих и позволяет в равных условиях развиваться всем конфессиям. Но государство в своем сотрудничестве имеет право выбора и отдает приоритет тем конфессиям, которые внесли наибольший вклад в становление и развитие духовных, культурных и государственных традиций республики» [4].

Немаловажным документом, регулирующим отношения, в том числе связанные с религиозными конфессиями, выступает Уголовный кодекс Республики Беларусь [6].

В уголовном кодексе Республики Беларусь определены ряд статей, которые регулируют отношения между гражданами, исповедующими ту или иную религию и государством, и религиозными организациями и государством.

Так в ст. 193 Уголовного кодекса прописано наказание для представителей религиозной организации за посягание на права и свободы гражданина, а также за причинение физического насилия.

В отношении Государства и религиозной организации важным пунктом является момент регистрации данных организаций. Незарегистрированные религиозные организации или получившие отказ в регистрации являются незаконными, и любая их деятельность становится неправомерной.

В этой же статье (193) прописываются ограничения в деятельности и в вступлении граждан в религиозную организацию. Так, «религиозной организации или фонда, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение уполномоченного государственного органа об их ликвидации или приостановлении их деятельности, а равно организация деятельности либо участие в деятельности ... религиозной организации или фонда, не прошедших в установленном порядке государственную регистрацию, – наказываются штрафом, или арестом на срок до шести месяцев, или лишением свободы на срок до двух лет» [6].

Статья 195 Уголовного кодекса Республики Беларусь указывает на то, что права на деятельность религиозных организаций не могут быть нарушены без последствий. «Воспрепятствование законной деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов, если они не нарушают общественный порядок и не сопровождаются посягательством на права, свободы и законные интересы граждан, – наказываются общественными работами, или штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до двух лет» [6].

Кроме вышеперечисленных правовых документов религиозный вопрос в Республике Беларусь регулируется рядом международных документов: Всеобщая Декларация прав человека, Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости на основе религии и убеждений и другие.

В заключении хотелось бы отметить, что правовая база взаимоотношений между Государством и религиозными организациями (церквями), между гражданами Республики Беларусь и религиозными организациями прописаны в основных документах, которые призваны регламентировать подобные взаимоотношения.

В целом ситуация в религиозной сфере Республики Беларусь остается спокойной и носит мирный характер. Долгое сосуществование на одной территории множества этносов, со своими религиозными предпочтениями наложило на это свой мирный отпечаток. Республика Беларусь и ее граждане и сегодня остаются веротерпимыми в отношении различных религиозных конфессий.

Список использованных источников

1. О свободе совести и религиозных организациях : Закон Респ. Беларусь от 17 декабря 1992 г., № 20564-ХП // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

2. Мнение населения о проблемах в национальной сфере // Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социологических исследований за 2011 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь ; под ред. Л.Е. Криштаповича. – Минск, 2012. – С. 41–46.

3. Итоговые данные переписи населения Республики Беларусь 2009 года // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://census.belstat.gov.by/Default.aspx?page=1683>. – Дата доступа : 29.11.2013.
4. Этноконфессиональная ситуация в Республике Беларусь // Национальное собрание Республики Беларусь: Совет республики [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.sovrep.gov.by/index.php/531.2869...0.0.0.html>. – Дата доступа : 29.11.2013.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2006. – 48 с
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г., № 275-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

РАЗДЕЛ II ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ (УЧРЕДИТЕЛЕЙ) ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Матвийчук Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В гражданской процессуальной науке исследование проблем судебной защиты неопределенного круга лиц началось в связи с закреплением в материальном законодательстве правовых норм, регламентирующих такую возможность. Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 № 2572-ХІІ «О защите прав потребителей» был первым законодательным актом, предусматривающим конструкцию иска в защиту неопределенного круга лиц как одной из разновидностей группового иска. Введение данного института было обусловлено тем, что наиболее частыми нарушениями прав потребителей явились: непредставление потребителям информации о продавце, исполнителе, изготовителе в части фирменного наименования, местонахождения, режима работы; ненадлежащее качество и безопасность товаров, работ и услуг; нарушение прав потребителей при приобретении товаров с недостатками, не оговоренными продавцом при заключении договоров купли-продажи, и др. Следует особо подчеркнуть, что от действий юридических и физических лиц, осуществляющих реализацию товаров и оказывающих иные услуги, как правило, страдают не отдельные лица, а группы потребителей.

Существуют различные способы судебной защиты прав и охраняемых законом интересов многочисленных групп лиц, пострадавших от действий одного ответчика либо попавших в однотипную негативную для них ситуацию. Как процессуальный институт групповой иск был выработан судебной практикой английских судов справедливости в середине XVI в. Наибольшее развитие он получил в США. По мнению О.Н. Здрок, «сферу его применения составляют многосторонние отношения, связанные с защитой прав потребителей, охраной окружающей среды» [1, с. 147].

К сожалению, интересная идея оказалась недостаточно проработанной в законодательстве. До сих пор данный способ защиты неопределенного круга потребителей применялся крайне редко. Ю.И. Крепчук обосновывает это в первую очередь «отсутствием в законодательстве разработанного процессуального механизма, позволяющего внедрить его в гражданское судопроизводство» [2, с. 86]. Нормы права, призванные регулировать защиту неопределенного круга потребителей в Республике Беларусь, были позаимствованы из Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей») и существенно отличаются от правовых норм, регулирующих институт группового иска в зарубежных государствах. Это, по нашему мнению, породило определенные проблемы и противоречия.

В научной литературе дискуссия в отношении группового иска начинается с его названия. Некоторые авторы называют групповые иски коллективными. Так, Н.Г. Елисеев специально оговаривает, что термин «групповой иск» является «неудачным, поскольку акцентирует внимание на активном варианте группового производства» [3, с. 476] и предлагает употреблять слово «коллективный». Однако полагаем, что каждый коллектив, несомненно, является группой, но не всякая группа может быть названа коллективом. Для того чтобы группу можно было назвать коллективом, необходимо наличие коллективных отношений. Вопрос о соотношении понятий «групповой иск» и «иск в защиту неопределенного круга лиц» также является дискуссионным. По мнению автора, групповые иски следует подразделять по степени определенности состава группы на момент вынесения решения на иски в защиту неопределенной группы лиц и иски в защиту многочисленной (определенной) группы лиц.

Однако анализ правовых норм действующего Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-3 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) позволяет прийти к выводу, что иск в защиту неопределенного круга потребителей – это не просто разновидность классической модели группового иска в англо-американском праве, а иск, обладающий особой спецификой по следующим соображениям.

Иск в защиту неопределенного круга потребителей предназначен для защиты прав настолько многочисленных групп лиц, что для конкретизации их состава необходимо проведение специальных процессуальных действий. Однако участие потребителей в рассмотрении гражданского дела, возбужденного по такому иску, не предусмотрено, так как правом на обращение в суд в соответствии с Законом о защите прав потребителей обладают лишь определенные субъекты. Так, в соответствии со ст. 42 Закона о защите прав потребителей Министерство торговли Республики Беларусь имеет право обращаться в суд с иском о защите прав неопределенного круга потребителей в случае нарушения прав потребителей, ст. 47 предусматривает, что общественные объединения потребителей имеют право обращаться в суд с иском о защите прав потребителя, представлять и защищать в суде права и законные интересы потребителя (неопределенного круга потребителей) и предъявлять иск в суд о признании действий изготовителя (продавца, поставщика, представителя, исполнителя, ремонтной организации) противоправными, условий договора недействительными в отношении неопределенного круга потребителей и прекращении этих действий.

Следует более подробно остановиться на полномочиях местных исполнительных и распорядительных органов в области защиты прав неопределенного круга потребителей. В соответствии с абз. 8 ст. 43 Закона о защите прав потребителей местные исполнительные и распорядительные органы не только имеют право, но и обязаны обращаться в суд с иском о защите прав, однако, в отличие от Министерства торговли Республики Беларусь, только конкретного потребителя. В этой связи логика законодателя предоставить одним государственным органам права на защиту неопределенного круга потребителей и не предоставить другим (к компетенции которых данное право относится в большей степени) представляется непоследовательной.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что субъекты, которым закон предоставляет право обращаться в суд в защиту прав и охраняемых законом интересов неопределенного круга потребителей, не являются представителями данных лиц, а в соответствии со ст. 54 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) относятся к юридически заинтересованным в исходе дела лицам, от собственного имени защищающим права других лиц.

Для группового иска в англо-американском праве характерно, что истцом является только самовызвавшийся участник данной группы (или несколько участников), который действует по собственной инициативе и представляет интересы всех лиц, входящих в данную группу. Достаточно часто процесс начинается по инициативе адвокатов, получающих полномочия от так называемых представительных истцов, главной целью которых является значительное вознаграждение (до 40 % суммы взысканных убытков) в случае выигрыша дела в суде. Таким образом, при рассмотрении гражданского дела по групповому иску непосредственно в процессе участвует один или несколько человек из группы, так называемые представительные истцы, и самовызвавшиеся представители.

В нашем же государстве отдельный потребитель в соответствии со ст. 5 Закона о защите прав потребителей имеет право на обращение в суд и другие уполномоченные государственные органы за защитой только своих прав или охраняемых законом интересов.

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 2010 г. № 4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей» отмечается, что «в защиту прав неопределенного круга потребителей могут быть заявлены лишь требования неимущественного характера, целью которых является признание действий продавца, изготовителя, исполнителя противоправными, условий договора недействительными в отношении всех потребителей, как заключивших, так и имеющих намерение заключить договор на приобретение или использование товара, выполнение работы, оказание услуги и прекращение таких действий» [5, п. 6].

Основанием иска в защиту неопределенного круга потребителей являются юридические факты, на которых истец основывает свое материально-правовое требование к ответчику. Можно согласиться с мнением М.В. Филатовой, что основанием такого иска являются «факты совершения ответчиком в отношении неопределенного круга потребителей противоправных действий, которые должны быть прекращены» [6, с. 330].

Исследование элементов иска в защиту неопределенного круга потребителей позволяет сделать вывод, что он направлен на получение лишь промежуточного решения. Для возмещения причиненных убытков каждому потерпевшему потребителю необходимо обратиться в суд с самостоятельным требованием. В связи с этим целесообразно остановиться на вопросе доказывания фактов, на которые будет ссылаться истец при индивидуальном обращении в суд после вынесения решения в пользу неопределенного круга потребителей. В соответствии со ст. 182 ГПК не подлежат доказыванию факты, «установленные вступившим в законную силу решением суда по одному гражданскому делу, обязательные для суда, и не доказываются вновь при разбирательстве других гражданских дел, в которых участвуют те же лица или их правопреемники». Однако лица, предъявляющие индивидуальные требования, не совпадают и не могут совпадать с лицами по иску в защиту неопределенного круга потребителей, так как состав последних персонально не определен. Выход из сложившейся ситуации содержится в ст. 46 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», в соответствии с которой вступившее в законную силу решение суда о признании действий изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) противоправными в отношении неопределенного круга потребителей обязательно для суда, рассматривающего иск потребителя о защите его прав, возникших вследствие наступления гражданско-правовых последствий действий изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера), в части вопросов, имели ли место такие действия и совершены ли они изготовителем (испол-

нителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером).

В случае закрепления аналогичного положения в законодательстве Республики Беларусь потребители – участники неопределенной группы получают возможность обращаться в суд с индивидуальными, в том числе имущественными, требованиями, основываясь на решении суда, вынесенном в пользу неопределенного круга потребителей. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что преимуществами судебной формы защиты пользуются наиболее активные, юридически грамотные граждане. Потребители, которые предъявляют свои требования в суд позже или вообще их не предъявляют, могут оказаться в ситуации, когда судебное решение может быть не исполнено вообще ввиду отсутствия у ответчика имущества или денежных средств после возмещения убытков истцам, предъявившим требования в числе первых. Данное обстоятельство также весомо отличает иск в защиту неопределенного круга потребителей от группового иска, который предусматривает правило распределения присужденных средств между всеми участниками группы в целях достижения социальной справедливости.

Национальным собранием Республики Беларусь принят Закон Республики Беларусь от 2 мая 2012 г. № 353-З «О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь “О защите прав потребителей”». К сожалению, проблемные вопросы, выявленные правоприменительной практикой по защите неопределенного круга потребителей, остались неразрешенными.

Список использованных источников

1. Здрок, О.Н. Гражданский процесс зарубежных стран : учеб. пособие / О.Н. Здрок. – Минск : Изд-во деловой и учеб. лит., 2005. – 176 с.
2. Крепчук, Ю.И. Иск о защите неопределенного круга потребителей / Ю.И. Крепчук // Право Беларуси. – 2004. – № 33. – С. 85–87.
3. Елисеев, Н.Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран : учебник / Н.Г. Елисеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2004. – 624 с.
4. О защите прав потребителей : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-З: в ред. Закона от 08.07.2008 г., № 366-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
5. О практике рассмотрения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 24 июня 2010 г., № 4 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
6. Филатова, М.В. Процессуальные особенности защиты интересов неопределенного круга лиц на примере рассмотрения и разрешения исков о защите интересов неопределенного круга потребителей / М.В.Филатова // Lex russica. – 2004. – № 1. – С. 322–337.
7. О защите прав потребителей : Федер. закон Рос. Федерации, 7 февраля 1992 г., N 2300-1: в ред. Закона Рос. Федерации от 23.11.2010 г. № 261-ФЗ // Консультант Плюс. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

АНАЛИЗ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО СПОСОБА РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Кучура Петр Игоревич, аспирант, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Медиация представляет собой альтернативный судебному способ разрешения споров при участии специально обученного нейтрального посредника (медиатора), содействующего сторонам, вовлеченным в спор, в выработке взаимоприемлемого и взаимовыгодного решения, отражающего интересы всех сторон спора.

Причем медиатор сам никогда не выносит решений, при его содействии участники конфликта принимают непосредственное и активное участие в выработке соглашения. Чтобы работать эффективно в современных условиях, важно уметь вести диалог и договариваться с оппонентами.

Особенностями и одновременно преимуществами медиации являются такие качества, как неформализованный, конфиденциальный процесс, в котором стороны участвуют на равных, сохраняя полный контроль как за самим процессом принятия решений, так и за их содержательной стороной. В медиации стороны сохраняют полную свободу волеизъявления. Кроме того, они сами выбирают медиатора, и это необязательно должен быть юрист.

В странах англосаксонского права формирование нового, негосударственного института разрешения споров с помощью привлечения нейтральной стороны – медиатора началось во второй половине XX в., а в Европе – с 80-х гг. Сегодня медиация наряду с арбитражем – весьма распространенный способ урегулирования споров во многих странах Европы, а также в Австралии, Канаде и США, что значительно снижает нагрузку на суды этих стран.

Конфликты, которые являются частью повседневной жизни и работы людей, стали все более сложными и

многоаспектными, слишком явно отражаясь на качестве жизни, работе, в том числе производительности. Традиционная система судопроизводства, опираясь на правоприменительную практику, перестает справляться с огромным потоком споров, одновременно утрачивая возможность качественно вершить правосудие [1, с. 34].

В каких случаях стоит применять медиацию? Практика показывает, что многое определяется интересами сторон и правовыми предпосылками (в некоторых случаях необходима консультация специалиста, например, в процессе банкротства). Однако если есть желание урегулировать спор мирно, не нанося ущерб собственной репутации и делу, достаточно бывает проявления воли сторон, направленной на урегулирование конфликта.

Сегодня часто можно встретить скептические высказывания о перспективах этого института, в основном опирающиеся на якобы неготовность нашего менталитета к мирному и одновременно самоответственному разрешению спорных ситуаций. Мы привыкли не договариваться, а спорить, часто забывая в пылу спора даже о своих собственных интересах. Однако мир меняется, и от того, насколько восприимчивы мы к этим изменениям, будет зависеть уровень нашего социального интеллекта, профессиональной компетентности, а значит, и качество нашей жизни.

Сравнив затраты на судебное разбирательство и возможности, которые предоставляет разрешение разногласий и споров с помощью медиации, в подавляющем большинстве случаев предпочтительно выбрать именно ее. Несведущие люди часто боятся незнакомого слова «медиация», так как могут подумать, что это возврат в девяностые годы, когда для принятия решения привлекали «авторитетов» и пр. Однако это предубеждение исчезает сразу же после первой встречи с медиатором. Задача медиатора – быть отличным специалистом в своем деле, помочь сторонам договориться, самим быстро и эффективно достичь согласия по основным вопросам.

Так как один из основных принципов этой процедуры – конфиденциальность, в СМИ редко попадают новости, связанные непосредственно с самой процедурой и их участниками. Но статистика довольно обещающая: около 70–80 % споров, переданных на медиацию, в итоге разрешаются. Самые известные случаи использования медиации – это, как правило, многосторонние споры. Например, немецкая авиакомпания Люфтганза использовала медиацию для урегулирования спора по оплате труда с профсоюзом пилотов, который собирался начать забастовку и тем самым мог причинить многомиллионный ущерб компании. Как результат, забастовку отменили. Нередко СМИ сообщают, что то или иное государство или международная организация выступают посредником в разрешении крупного конфликта – эти примеры наглядно демонстрируют, что принципы, на которых строится медиация, – это не совершенно новое явление, а естественное развитие человеческих и коммерческих отношений. Просто теперь этот способ урегулирования получил собственное название.

Естественно, медиация – не панацея, и иногда просто необходимо судебное решение. Но во многих случаях можно договориться. В решении третьего лица всегда навязывается чужая воля, каким бы решением это ни было оформлено – судебным или арбитражным. И одна из сторон при вынесении такого решения будет в проигрыше, а другая – необязательно в выигрыше. Медиация в Республике Беларусь – достаточно новый способ урегулирования споров, но он имеет хорошие перспективы, создавая условия для поиска неординарных, жизнеспособных устойчивых решений [1, с. 89].

Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 № 58-З «О медиации» (далее – Закон) призван информировать широкую общественность о возможности внеюрисдикционного урегулирования конфликта, что позволит обеспечить ее предсказуемость, дать правовые основания для уверенности в выполнении соглашения, сделать медиацию более доступной и понятной для юридических и физических лиц.

Основной задачей Закона является содействие урегулированию споров путем проведения примирительных процедур без участия государственных судов, направленных на достижение соглашения между сторонами и способствующих поддержанию делового сотрудничества, гармонизации социальных отношений и формированию этики делового оборота.

На западе это очень распространенная практика – многие адвокаты являются сертифицированными медиаторами.

С введением Закона о медиации в Республике Беларусь появился новый правовой институт, позволяющий урегулировать спор. Если быть точнее, то медиация разрешает конфликт, что не всегда совпадает с урегулированием спора в том виде, в каком мы привыкли это понимать «ты мне – я тебе. Оба довольны». Результат медиации не прогнозируем, но он всегда есть. У медиации есть четкая процедура и обязательные принципы. Отсутствие хотя бы одного из этих принципов означает, что идет любой иной процесс, но не медиация. Процедура медиации применительно к правовым спорам – это работа на стыке психологии и юриспруденции, на этом стыке работает каждый адвокат.

Медиация – тонкий инструмент. Если им воспользуются шарлатаны, то это будет профанация, которая может повлечь полное разочарование в медиации со стороны потенциальных клиентов. Если медиацией будет заниматься лицо, не способное на ее проведение (это сложно, учитывая, что в ходе медиации необходимо работать с эмоциями как своими, так и клиентов, и что медиатор ни в коем случае не должен судить стороны), то медиация может вылиться в пустую трату времени и денег, что тоже повлечет разочарование в данном институте [2, с. 13].

Если же медиацией будут заниматься действительно способные к этому лица, то вполне возможно, что медиация откроет для людей новые возможности не только урегулирования споров, но и для понимания друг друга.

В каком направлении пойдет развитие медиации в Республике Беларусь – неизвестно. Все зависит от моральных принципов будущих медиаторов.

Не все случаи медиабельны, поэтому не все конфликты могут быть разрешены посредством процедуры ме-

диации, даже если стороны добровольно пришли на медиацию. Здесь нужен тщательный анализ конфликта. А потому в ряде случаев сторонам нужно прямо заявлять, что их случай немедиабельный [3, с. 19].

Рассмотрим теперь вопрос компетентности. Безусловно, адвокат может стать медиатором. Однако нужно понимать, что компетентность адвоката и компетентность медиатора существенно разнятся. Адвокату, к тому же (как и любому юристу) может мешать профессиональная юридическая деформация. Ведь юрист всегда знает, какое решение для клиента лучше. А у медиатора нет клиента, он и в мыслях не вправе держать, что для какой стороны лучше. Юристам сложно в такой ситуации. И как только медиатор на определенном этапе начинает мыслить как юрист, процедура медиации перестает быть медиацией.

Медиация – культурный инструмент, и рано или поздно люди должны понять, что лучше договариваться, чем безгранично конфликтовать. Разрешение спора в суде редко оставляет стороны довольными, разрешение спора в суде – это разрешение прошлого, а медиация направлена в будущее, в том числе именно поэтому договорившиеся стороны способны продолжать сотрудничество, тогда как после судебного процесса конфликт между сторонами часто только усугубляется. Не следует забывать, что мы зависимы друг от друга.

Научиться балансировать – в этом искусство медиатора. Сложно оставаться в роли медиатора и не начинать психотерапию, видя, что истинная причина спора кроется в личностном конфликте. Потому не из каждого получается медиатор. Некоторые адвокаты признавались, что приходилось сложно, поскольку они сразу видели, как разрешить конфликт с правовой точки зрения, и не доходили до истинных интересов сторон.

Эффективность медиации не является дискуссионным вопросом. Необходимо только, чтобы общество познакомилось с этим методом и оценило его преимущества. Безусловно то, что постепенно медиация обретет достойное место в деловом обороте, общественной жизни в целом. Ведь с одной стороны, медиация, влияет на общественное развитие, а с другой – востребованность этого института зависит от зрелости самого общества, от готовности его членов, т.е. граждан, принимать на себя ответственность и полномочия, которые вводя институт медиации и легитимизируя его, государство делегирует своим гражданам. Эффективность включения медиации не только в правовую систему, но и в общественную жизнь в целом, бесспорна, однако не стоит рассчитывать на быстрый результат. Это длительная, кропотливая, поступательная работа. Государство, сформировав правовую базу для осуществления медиативной деятельности в Республике Беларусь, дало мощный импульс для интеграции медиации в стране.

Чем больше граждане, и особенно предприниматели, будут обращаться к медиации, тем меньше будет причин для развития коррупционного элемента в белорусском обществе. Ведь именно коррупция является одним из отягчающих факторов, негативно влияющих на инвестиционную привлекательность нашей страны. Снижение уровня коррупции будет одним из факторов, способствующих привлечению инвесторов, стремящихся работать в условиях понятных и четких правил, стабильности.

Медиация, если мы говорим о коммерческих спорах, не может быть дешевой, но она всегда дешевле, чем судебное разбирательство. Гонорары медиаторов исчисляются часами или днями. Если мы говорим о прямых финансовых расходах, то в подавляющем большинстве случаев расходы у сторон оказываются гораздо ниже, чем расходы, которые несет каждая из сторон, оказавшаяся втянутой в судебную тяжбу.

Список использованных источников

1. Яковлев, В.Ф. Медиация и ее значение в совершенствовании правовой системы. Правовое регулирование / В.Ф. Яковлев // Медиация как альтернативный метод разрешения споров. Российский и зарубежный опыт регулирования. Практика применения : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 9– 10 окт. 2008 г. : в 2 ч. – М. : МЦУПК, 2008. – Ч. 2. – 128 с.

2. Решетникова, И.В. Медиация и арбитражный процесс / И.В. Решетникова, Ю.Н. Колясникова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 5. – С. 10–15.

3. Лисицын, В.В. Медиация – важный элемент правовой культуры российского бизнеса / В.В.Лисицын // Вестн. арбитражного суда г. Москвы. – 2009. – № 2. – С. 13–23.

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРИНЦИПОВ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В НОРМАХ БЕЛОРУССКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ярмоц Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Глобализационные процессы, происходящие в мире, способствуют унификации развития некоторых правовых институтов и норм в рамках международного пространства. В Проекте Концепции ювенальной юстиции Республики Беларусь под ювенальной юстицией понимается «совокупность правовых, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных механизмов, а также иных процедур, программ и мер, предназначенных для обеспечения наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, направленных на создание условий надлежащей профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, их ресоциализации и реабилитации, а также взаимосогласованная деятельность государственных органов и

общественных институтов, ответственных за реализацию указанных мероприятий» [1, с. 2].

Принятие и ратификация основных международных правовых актов в сфере ювенальной юстиции современными государствами вызвало большой научный интерес к исследованию данной проблемы. В Республике Беларусь данный вопрос затрагивали в своих исследованиях И.И. Мартинович [2], Л.Л. Зайцева [3], В.М. Хомич [4], Г.М. Леонова [5]. В связи с тем, что принципы ювенальной юстиции не подвергались специальному исследованию, в юридической литературе не был выработан единый подход к определению системы принципов ювенальной юстиции и не предложена их классификация.

Принципы ювенальной юстиции первоначально возникли как прогрессивные идеи, предусматривающие новые методы работы с несовершеннолетними правонарушителями, и явились отражением в общественном сознании специфики правосудия по делам данной категории. В юридической литературе в качестве основания для объединения принципов ювенальной юстиции в целостную систему авторы предлагают различные критерии: Э.Б. Мельникова – специфические особенности ювенальной юстиции; Л.Л. Зайцева, И.В. Предеина – процессуальные основы судопроизводства по делам несовершеннолетних. Не отвергая предложенных критериев, следует отметить, что исходным и наиболее универсальным критерием дифференциации принципов ювенальной юстиции является источник их закрепления. В соответствии с указанным критерием, принципы ювенальной юстиции можно разделить на две группы: международные принципы, которые отражены в соответствующих международных правовых актах и обязательны для исполнения всеми государствами, ратифицировавшими данные акты, и национальные принципы. К универсальным принципам ювенальной юстиции можно отнести следующие: специализация институтов ювенальной юстиции; конфиденциальность судебного разбирательства; социальная насыщенность правосудия; приоритет в применении охранительных процедур перед карательными.

Все принципы ювенальной юстиции взаимосвязаны и подчинены единой цели – обеспечению повышенной юридической охраны прав и законных интересов несовершеннолетних посредством максимальной индивидуализации производства по делам данной категории. Э.Б. Мельникова рассматривает индивидуализацию судебного процесса по делам несовершеннолетних в качестве важнейшего принципа ювенальной юстиции [6, с. 203]. С такой позицией вряд ли можно согласиться, поскольку индивидуализация производства по делам несовершеннолетних является, скорее, не принципом ювенальной юстиции, а основой для всех принципов ювенальной юстиции и «пронизывает» каждый из них в отдельности.

В Конституции Республики Беларусь говорится, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. В Концепции ювенальной юстиции Республики Беларусь отмечается, что на правосудие по делам несовершеннолетних распространяются общие конституционные принципы, положения отраслевого законодательства, регулирующего отправдение правосудия, а также нормы международных договоров Республики Беларусь. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) также содержатся специальные уголовно-процессуальные нормы, регулирующие специфический блок общественных отношений, возникающих при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Несмотря на в целом прогрессивные идеи нового УПК, некоторые его положения о порядке производства по делам о преступлениях несовершеннолетних нуждаются в переосмыслении на предмет их соответствия международным принципам ювенальной юстиции.

Принцип специализации институтов ювенальной юстиции в международных правовых актах основывается на двоякого рода требованиях: осуществление производства по делам несовершеннолетних специальными органами и учреждениями; наличие у персонала данных органов и учреждений особой профессиональной компетентности. Последняя определяется как «качество человека, завершившего образование определенной ступени, выражающееся в готовности (способности) на его основе к успешной и эффективной деятельности» [7, с. 13]. Еще до принятия Концепции ювенальной юстиции И.И. Мартинович высказала мнение о том, что в Республике Беларусь для обеспечения надлежащего порядка производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних необходимо создание специализированных судов, правоохранительных органов и адвокатур по делам несовершеннолетних. Однако, как отмечает автор, на данном этапе развития белорусской государственности достаточно будет предусмотреть требование о необходимости обеспечения специализации, а также систематической переподготовки и повышения квалификации персонала данных органов, осуществляющих производство по делам несовершеннолетних [8].

В настоящее время в Республике Беларусь уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних рассматривает коллегия в составе одного профессионального судьи и двух народных заседателей. В связи с этим председателям наиболее крупных районных (городских) судов следует обеспечивать специализацию судей по рассмотрению дел о преступлениях несовершеннолетних, постоянно совершенствовать их профессиональную компетентность. Для реализации этого было бы целесообразно обеспечить систематическую (к примеру, один раз в пять лет) переподготовку и повышение квалификации судей, рассматривающих дела о преступлениях несовершеннолетних. Такая подготовка может осуществляться на базе Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ по специальной программе. Иначе, как отмечает Л.Л. Зайцева, «судья будет не вправе рассматривать дела о преступлениях несовершеннолетних, поскольку, в соответствии с ч. 1 ст. 77 УПК, будет являться ненадлежащим судьей» [9, с. 47]. Кроме того, Постановление не содержит положения о необходимости особой профессиональной компетентности народных заседателей, входящих в состав коллегии по рассмотрению дел о преступлениях несовершеннолетних, к ним предъявляются общие требования: наличие гражданства Республики Беларусь, достижение 25-летнего возраста, владение белорусским и русским языками. Заслуживает внимания позиция И.И. Мартинович, которая

считает, что народные заседатели «могли бы привлекаться из особого списка, составленного из педагогов, психологов, социологов, врачей, а также лиц, интересующихся или занимающихся проблемами защиты прав детей и подростков и их воспитания» [10, с. 10].

Конфиденциальность судебного разбирательства по делам несовершеннолетних как один из важнейших международных принципов ювенальной юстиции предполагает ограничение гласности судебного разбирательства и запрет на разглашение сведений о личности подростка. В УПК содержится положение, предусматривающее возможность ограничения гласности судебного разбирательства по делам несовершеннолетних посредством проведения закрытого судебного заседания. Однако данное ограничение не является безусловным и не распространяется на провозглашение приговора. Решение вопроса о проведении закрытого судебного заседания относится к дискреционным полномочиям суда, к его усмотрению.

Принцип социальной насыщенности процесса предполагает использование комплекса вспомогательных методов и форм на всех стадиях производства по делам в отношении несовершеннолетних (исследование личности подростка, условий его жизни и воспитания посредством проведения социальных обследований, получения информации от специальных служб или их представителей, а также оказание помощи и установление надзора за несовершеннолетними после вынесения решения по делу), что подразумевает широкое использование педагогических, психологических и социологических знаний. Поэтому в зарубежных государствах в целях обеспечения максимальной индивидуализации процесса, а также вынесения законного и справедливого решения по делу, система органов ювенальной юстиции в своей деятельности активно взаимодействует с социальными службами. Несмотря на то что данные службы выполняют вспомогательную функцию, ни один процесс по делам несовершеннолетних не может состояться без их помощи и содействия.

В статье 89 УПК расширен перечень обстоятельств, подлежащих установлению по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В связи с этим органы уголовного преследования должны приобщать к материалам дела дополнительные сведения о подростке. УПК Республики Беларусь не определяет, что необходимо понимать под «условиями жизни и воспитания» подростка, подлежащими установлению в процессе расследования. В связи с этим, как обоснованно отмечает Ф. Багаутдинов, на практике установление таких обстоятельств ограничивается лишь получением справки о том, состоит ли подросток на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, характеристики с места учебы (работы) подростка, а также проведением опроса соседей [11]. В итоге судья, рассматривающий дело, не обладает необходимым объемом информации о личности обвиняемого, что, в соответствии со ст. 389 УПК, является безусловным основанием для отмены или изменения приговора в кассационном порядке вследствие односторонности и неполноты проведения судебного следствия.

Интересно, что среди УПК стран СНГ лишь в УПК Грузии предусмотрен перечень обстоятельств, подлежащих выяснению при исследовании условий жизни и воспитания несовершеннолетнего: а) обстановка в семье (состав семьи, материальная обеспеченность, жилищные условия, отношения между взрослыми членами семьи, отношения взрослых и детей, условия для проведения досуга в семье, отношение родителей к воспитанию детей, формы родительского контроля за поведением детей); б) обстановка в школе, ином учебном заведении или на производстве (отношение подростка к учебе, работе, отношения с учителями, со сверстниками, характер и эффективность воспитательных мер, применявшихся ранее); в) связи и поведение несовершеннолетнего вне дома и работы. Наличие такого перечня в УПК Республики Беларусь существенно расширило бы возможности проведения социального обследования условий жизни и воспитания несовершеннолетних, а также способствовало бы установлению иных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

Что касается участия представителей общественности в осуществлении правосудия по делам несовершеннолетних, то в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указывается, что уголовно-процессуальным законом не предусмотрен вызов для участия в судебном разбирательстве представителей комиссий и инспекций по делам несовершеннолетних, а равно представителей учебно-воспитательных учреждений и трудовых коллективов, в которых учился или работал несовершеннолетний. Работники этих органов, учреждений и организаций могут быть допрошены судом в качестве свидетелей, если это требуется для выяснения обстоятельств дела и данных о личности несовершеннолетнего. Между тем непосредственное присутствие в судебном заседании представителей вышеуказанных учреждений способствовало бы не только более полному выяснению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, но и уяснению возможных недостатков в воспитательной или исправительной работе соответствующих органов и учреждений.

Принцип приоритета в применении охранительных процедур перед карательными выражается в международных актах путем установления дополнительных процессуальных гарантий при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, ограничения контактов несовершеннолетних с органами уголовной юстиции, установления запрета на применение жестоких или унижающих человеческое достоинство наказаний.

Список использованных источников

1. Концепция ювенальной юстиции Республики Беларусь : проект / М-во образования Респ. Беларусь. – Минск : ГИАЦ М-ва образования Респ. Беларусь, 2003. – 36 с.
2. Мартинович, И.И. Проблемы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь / И.И. Мартинович // Юстиция Беларуси. – 2000. – № 2. – С. 36–39.

3. Зайцева, Л.Л. Ювенальная юстиция в Республике Беларусь: процессуальные основы / Л.Л. Зайцева // Юстиция Беларуси. – 2004. – № 3. – С. 49–52.
4. Хомич, В.М. Введение ювенальной юстиции в Республике Беларусь: стандарты и перспективы. Состояние и анализ сферы правосудия по делам несовершеннолетних / В.М. Хомич // Юстиция Беларуси. – 2004. – № 10. – С. 24–27.
5. Леонова, Г.М. Легитимность статуса ювенальной юстиции в рамках правовой системы Республики Беларусь / Г.М. Леонова // Перспективы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь : сб. ст. и материалов / Представительство Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Беларусь ; под общ. ред. Г.М. Леоновой. – Минск, 2004. – С. 42–79.
6. Ларин, А.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий ; под ред. В.М. Савицкого. – М : Изд-во БЕК, 1997. – 324 с.
7. Макаров, А.В. Проектирование стандартов высшего образования нового поколения по циклу социально-гуманитарных дисциплин / А.В. Макаров // Высшая школа. – 2005. – № 6. – С. 11–18.
8. Мартинович, И.И. Об организации правосудия в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь / И.И. Мартинович // Проблемы развития ювенальной юстиции в Республике Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 11 ноября 1999 г. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. Л.Л. Зайцевой, И.О. Грунтова. – Минск, 2000. – С. 16–29.
9. Зайцева, Л.Л. Ювенальная юстиция и восстановительное правосудие / Л.Л. Зайцева // Юстиция Беларуси. – 2004. – № 5. – С. 47–49.
10. Мартинович, И.И. Создание ювенальной юстиции в Беларуси – требование времени / И.И. Мартинович // Перспективы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь : сб. ст. и матер. / Представительство Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Беларусь ; под общ. ред. Г.М. Леоновой. – Минск, 2004. – С. 6–15.
11. Багаутдинов, Ф. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия / Ф. Багаутдинов // Российская юстиция. – 2002. – № 9. – С. 43–45.

РАЗДЕЛ III

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОБЩИХ ПРАВИЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Колосовский Валерий Владимирович, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Южно-Уральского государственного университета, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Южно-Уральского института управления и экономики (г. Челябинск)

Уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь, ранее развивавшееся по единым правилам законодательного конструирования, и в настоящее время имеют много признаков, сближающих их по технике законодательного строительства. В этой связи может представлять научный интерес сравнительный анализ общих правил назначения наказания, которые в настоящее время закреплены в российском и белорусском уголовных законах. Сначала необходимо остановиться на том, что предшествовало появлению общих правил назначения наказания в ныне действующих уголовных законах обеих стран.

В правоприменительной практике, несмотря на тесную взаимосвязь с процессом осуществления уголовно-правовой квалификации и зависимость от результатов квалификации, самостоятельное значение имеет процесс определения меры уголовного наказания. Уголовно-правовая значимость процесса определения наказания проистекает из того, что правоприменительный процесс представляет собой исключительную деятельность судей, которая осуществляется на основании норм уголовного права, с соблюдением процессуальной формы. Специфика деятельности судей заключается в том, что при определении наказания они обязаны применять правила, призванные регулировать порядок применения санкций норм уголовного права.

В соответствии с традицией, начало которой было положено с появлением Проекта Уголовного Уложения Российской империи 1813 г., в России на законодательном уровне стали формироваться критерии определения меры наказания. Проект содержал специальные критерии, которые судьи должны были соблюдать, определяя меру наказания; общие критерии (правила) в них отсутствовали. В Проекте раскрытию содержания обстоятельств, увеличивающих и уменьшающих вину преступника и наказание, была посвящена третья глава, которая состояла из пяти параграфов. Так, например, в § 90 Проекта были указаны следующие особенные причины к увеличению наказания: «а) Ежели преступник учинил несколько преступлений вместе. б) Ежели он вторично или в третий раз и более, учинил то же самое преступление. в) Ежели он, как производитель и зачинщик, подговаривал или принуждал других к учинению преступления» [9]. Проект Уголовного Уложения не получил силу закона, однако сыграл позитивную роль в становлении кодифицированного уголовного законодательства в России.

Наметившееся законодательное оформление начал (правил) определения наказания получило свое развитие при составлении Свода законов уголовных 1832 г., в который были включены как общие, так и специальные

правила определения наказания, обязательные для применения судами. В Своде законов общие правила назначения наказания были выражены в следующих положениях: «Все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы силою закона (а). Суд не может сам собой ни усилить, ни ослабить наказание, в законе определенного, исключая тех случаев, когда самим законом такое право ему предоставлено (б)»; «когда в законе определен род и вид наказания, но не определена мера оною, тогда Суд определяет меру наказания по мере вины; а меру вины определяет по обстоятельствам преступления, сообразно правилам, в последующих Отделениях сей Главы подробно изложенным, руководствуясь, впрочем, вообще двумя главными началами: 1) чтобы не налагать наказание паче меры содеянного преступления (а); 2) чтобы оказывать себя более милостивым, нежели жестоким, памятуя, что и Судья человек есть (б)»; «Если доказательства недостаточны для совершенной достоверности в вине подсудимого, то не осуждать его к тому наказанию, которое закон определяет за доказанное преступление, по тому общему правилу, что лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить невинного» [12].

В тексте Свода законов уголовных необходимо выделить понятие «правила», в соответствии с которыми суд обязан был определять меру наказания, и понятие «главные начала», которыми должен был руководствоваться суд, применяя в отношении лица санкцию правовой нормы. Поэтому можно прийти к выводу, во-первых, о том, что законодатель, вводя в правовой оборот понятия «правила» и «начала» назначения наказания, придавал им равное значение, подчеркивая, что по своему смыслу и содержанию они призваны регулировать порядок определения судьями санкции уголовного наказания. Во-вторых, в тексте Свода законов уголовных появилось понятие «суд не может сам собой ни усилить, ни ослабить наказание», что дает основание говорить о зарождении правила определения наказания, в соответствии с которым суд обязан назначать меру наказания, руководствуясь исключительно требованиями уголовного закона. В-третьих, общие правила являлись правовыми границами (пределами), устанавливаемыми законодателем для судей при определении ими меры наказания в каждом конкретном случае, т.е. были одинаковы для всех без исключения видов преступного поведения. Цель, преследуемая законодателем при формировании правил, – ограничение судебного произвола, поскольку в выборе наказания суд должен руководствоваться уголовным законом. Что касается судебного усмотрения, то судьи, полагаясь на свое усмотрение в выборе того или иного наказания, не должны выходить за рамки, очерченные им правилами определения наказания.

В дальнейшем опыт законодательного регулирования правил определения наказания получил свое развитие при конструировании положения о наказаниях 1845 г., в котором на законодательном уровне были представлены общие правила определения меры наказания, последние нашли отражение в ст. 151–160 главы три третьего отделения «О власти и обязанности суда в определении наказаний». Существующие в Уложении о наказаниях положения о правилах определения наказаний, которыми обязан был руководствоваться суд, указывали на положительный опыт законодательного регулирования процесса определения меры уголовно-правового воздействия в отношении лица, виновного в совершении преступления. В Уложении нашли закрепление следующие общие правила определения наказания: «Суд не может определить онаго наказания, кроме того, которое в законах за судимое им преступление именно предназначено»; «Но если в законе определены только род и степень наказания, без означения высшей и низшей онаго меры, то суд определяет сию меру по своему усмотрению, т.е. по важности вины и по соображениям увеличивающих или уменьшающих онаю обстоятельство, также не изменяя ни рода, ни степени наказания, в законах за то преступление постановленного»; «Когда за какое-либо преступление законами определяется только род наказания, или когда за оное постановливается несколько, одно другое заменяющих наказаний, тогда выбор одного из сих наказаний, или определение степени и меры онаго, предоставляется усмотрению суда, который при сем принимает в соображение важность вины, состояние подсудимого и обстоятельства, сопровождающие его преступление» [13].

В Уложении о наказаниях по своему объему общие правила превышали то количество, перечень и содержание которых были раскрыты в работе, однако даже из них можно составить определенное представление о правовом значении, которое придавалось правилам определения меры наказания в эпоху их формирования. Сегодня общие правила, содержащиеся в Уложении о наказаниях, как впрочем, и общие правила в Своде законов уголовных 1832 г., могут показаться имеющими несколько отдаленное отношение к практике назначения наказания на современном этапе. Однако не следует забывать, что это была одна из первых попыток систематизировать правила, которые определяли деятельность суда в процессе назначения меры уголовно-правового воздействия в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления.

В Уложении о наказаниях 1845 г. на законодательном уровне были сформулированы и закреплены общие и специальные правила определения наказания, некоторые из них в уточненном виде можно встретить в тексте уголовного закона нашего времени. Так, прообразом ныне действующего правила о том, что лицу назначается наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части уголовного закона, и с учетом положения Общей части УК, является положение Уложения о наказаниях, в соответствии с которым суд не может определить наказание, кроме того, которое установлено законом.

В Уголовное уложение 1903 г. не были включены общие начала назначения наказания, в нем можно встретить лишь специальные правила его назначения. Уложение содержит перечень обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 53–59), или его усиливающих (ст. 60–67) [14].

При всей краткости текста Руководящих начал по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г., в них сохранилось положение о порядке определения судом меры воздействия за совершенное преступление, т.е. краткие общие требования об определении меры наказания (меры воздействия на лицо, признанное виновным в

совершении преступления). В Руководящих началах указывалось, что при определении мер воздействия «суд оценивает степень и характер (свойства) опасности для общезащиты как самого преступника, так и совершенного им деяния» [10]. В Руководящих началах впервые можно встретить указание на необходимость учета судом степени и характера опасности преступления и личности виновного лица, однако в них в полной мере не нашла поддержки традиция формировать в развернутом виде правила определения наказания, которая зародилась в XIX в. в российском уголовном законодательстве. УК РСФСР 1922 г. в целом воспринял те краткие правила назначения наказания, которые можно было встретить в Руководящих началах по уголовному праву. Так, статья 24 УК РСФСР 1922 г. содержала следующее правило назначения наказания: «При определении меры наказания учитывается степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления. Для установления этого изучается обстановка совершенного преступления, выясняется личность преступника ..., а также устанавливается, насколько само преступление в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности» [15].

В статье 45 УК РСФСР 1926 г. представлено положение об определении наказания, которые можно встретить в ст. 37 УК РСФСР 1960 г., а также в ныне действующем уголовном законе. Так, в соответствии со ст. 45 УК РСФСР 1926 г. суд должен был руководствоваться указаниями Общей части УК, пределами, указанными в статьях Особенной части, предусматривающими вид преступления, правосознанием, а также учитывать общественную опасность совершенного преступления, обстоятельства дела и личность совершившего преступление [16].

В УК РСФСР 1960 г. общие правила назначения наказания сформулированы законодателем в ст. 37 «Общие начала назначения наказания». По сравнению с уголовным законодательством прошлых лет они были в значительной степени уточнены и существенно расширены. Кроме указания на то, что суд обязан назначать наказание в пределах, установленных статьями Особенной части уголовного закона, с учетом положений Общей части УК, а также на необходимость руководствоваться правосознанием, в них появились и другие требования. В частности, требования об учете характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность [17].

В УК Республики Беларусь 1960 г. общие правила назначения наказания сформулированы в ст. 36 «Общие начала назначения наказания»: «Суд назначает наказание в пределах, установленных статьей закона, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, в точном соответствии с положениями настоящего Кодекса. При назначении наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность». В рассматриваемых общих правилах был использован исторический опыт развития уголовного законодательства, во многом он был сродни опыту развития российского уголовного законодательства, поэтому те общие правила назначения наказания, которые были сконструированы в уголовном законе Республики Беларусь 1960 г. можно встретить и в российском уголовном законе того времени. Кроме того, необходимо учитывать и то, что оба уголовных закона должны были соответствовать Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.

Содержание общих правил в УК Республики Беларусь 1960 г. и в УК РСФСР 1960 г., не осталось без внимания со стороны авторов ныне действующих уголовных законов, некоторые из них вошли в число общих начал назначения наказания, отраженных в ст. 62 УК Республики Беларусь и в ст. 60 УК Российской Федерации. Поэтому можно наблюдать определенную историческую преемственность в деле законодательного формирования общих начал назначения наказания. Однако и в настоящее время остается немало вопросов, требующих своего разрешения, например, какими должен быть оптимальный перечень и содержание общих начал назначения наказания.

В теории уголовного права не сложилось твердого убеждения о том, что необходимо понимать под общими началами назначения наказания. Изучение исторического опыта развития как российского, так и белорусского уголовного законодательства показывает, что под общими началами назначения наказания законодатели подразумевали правила (требования, критерии) определения меры наказания, которыми обязан руководствоваться судья в своей деятельности в ходе отправления правосудия по каждому конкретному уголовному делу. С момента появления в уголовном законе общих правил назначения наказания и по настоящее время отсутствует его законодательное определение. Однако такое понимание общих начал складывается в результате толкования положений уголовных законодательных актов различных лет, которые содержат общие правила определения наказания.

Исследования, посвященные применению санкции статьи уголовного закона, можно подразделить на две группы: в одних исследованиях можно встретить дефиницию понятия «общие начала назначения наказания», в других – определение рассматриваемого понятия не дается [5; 11].

В юридической литературе под общими началами назначения наказания подразумеваются требования (правила, критерии), которыми суд обязан руководствоваться при назначении наказания за каждое совершенное преступление [1, с. 23–24; 6, с. 10]. «Под общими началами назначения наказания, – пишет Е.В. Благов, – допустимо понимать предусмотренные Общей частью уголовного законодательства и не зависящие от особенностей дел правила назначения наказаний, имеющих в санкции статей Особенной части» [3, с. 24].

Отдельные авторы в своих работах предлагают несколько отличное определение понятия «общие начала назначения наказания», однако оно мало чем отличается от представленной здесь дефиниции. Например, А.В. Измалков предлагает понимать под общими началами предусмотренную уголовным законом совокупность правил (требований), руководствуясь которыми суд по каждому уголовному делу в процессе постановления обвини-

тельного приговора обеспечивает реализацию принципов института назначения наказания и избрание осужденному справедливой меры воздействия [4, с. 23–25]. Поддерживает эту точку зрения и Т.В. Непомнящая, отмечая, что «общие начала – это именно общие правила назначения наказания» [7, с. 17; 8, с. 186].

Между тем уголовно-правовая значимость общих начал назначения наказания для практики их определения зависит не столько от того, являются они правилами либо критериями или требованиями, сколько от их содержания, имеющего обязательный характер, указывающего ориентиры, которым следует придерживаться судье (судьям) в процессе определения лицу меры наказания. Данный признак рассматриваемого понятия не единственный, поэтому другим признаком приемлемости дефиниции общих начал назначения наказания, определяющим их значимость как для теории уголовного права, так и правоприменительной практики, является то, что действие их распространяется на каждое конкретное уголовное дело, по которому требуется уголовно-правовое воздействие в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления. Общие начала назначения наказания предназначены для того, чтобы определить рамки, отведенные уголовным законом, в которых судья (судьи), руководствуясь санкцией, назначает уголовное наказание. Поэтому цель общих начал назначения наказания – индивидуализация наказания лицу, совершившему преступление.

Итак, под общими началами назначения наказания следует понимать правила (требования, критерии), устанавливающие обязанность судьи (суда) руководствоваться санкцией Особенной части уголовного закона с соблюдением положений Общей части, при разрешении каждого конкретного дела, определяя меры воздействия лицу, совершившему преступление.

Ныне действующая ст. 62 УК Беларуси 1999 г. (с изм. и доп.) «Общие начала назначения наказания» [18] имеет идентичные правила, которые можно встретить в общих началах УК Российской Федерации 1996 г. [19], а именно:

– суд назначает наказание с учетом положений Общей части УК Беларусь в пределах, установленных статьей Особенной части, предусматривающей ответственность за совершенное преступление (лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК Российской Федерации, и с учетом положений Общей части УК Российской Федерации);

– при назначении наказания суд ... учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, ... личность виновного, ... обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность;

– наказание в виде лишения свободы может быть назначено лишь при условии, что цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты применением более мягкого наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

В статье 60 УК Российской Федерации 1996 г. можно встретить перечень общих правил, которых нет в ст. 62 УК Беларуси 1999 г. Суть их заключается в возможности определения более строгого наказания, чем предусмотрено соответствующими статьями Особенной части уголовного закона, а также в возможности определения менее строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части уголовного закона, которые представляют собой исключения из общих правил назначения наказания (ч. 2 ст. 60 УК). Кроме того, ч. 3 ст. 60 УК Российской Федерации предусматривает обязанность судьи (судей) при назначении наказания учитывать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Правила, которые содержат указания на возможности судьи (судей) выйти за пределы санкции статьи Уголовного кодекса при применении ст. 69, 70 УК Российской Федерации (назначение наказания по совокупности преступлений и назначение наказания по совокупности приговоров), а также ст. 64 УК Российской Федерации (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление), не следует считать излишними, как об этом пишут отдельные исследователи [2, с. 228–229]. Рассматриваемые правила являются специальными условиями назначения наказания, тем самым они конкурируют с другим правилом общих начал, которое указывает на обязанность судьи (судей) назначать наказание в пределах санкции статьи уголовного закона. Поэтому возможность судьи (судей) выйти за пределы санкции статьи является таким исключением, которое заслуживает, чтобы о нем было специально оговорено в общих началах, в противном случае не очень убедительно будет выглядеть вся конструкция общих правил назначения наказания, без внимания останется исторический опыт развития общих правил назначения наказания.

В перечне общих правил назначения наказания УК Беларуси 1999 г. можно встретить, что при назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, а в УК Российской Федерации 1996 г. о том, что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание. Принципиальное положение о назначении справедливого наказания не является излишним, как на это указывают отдельные исследователи [2, с. 225]. Присутствие его в общих началах является необходимым связующим звеном в формировании общих правил о назначении наказания. Законоположение о назначении справедливого наказания – ориентир для судьи (судей), указывающий на логику действий согласно критериям, отраженным в уголовном законе. Что касается принципа индивидуализации наказания, то присутствие такого принципиального положения необходимо в уголовном законе, однако его место скорее среди других принципов в уголовном законодательстве, нежели в общих началах назначения наказания. В статье 3 УК Беларуси представлены принципы, на которых строится уголовное законодательство, поэтому было бы логичным содержание принципа индивидуализации наказания раскрыть в этой статье закона. Структура УК Российской Федерации могла бы быть существенно дополнена указанием на одноименный принцип, место которого логично просматривается в главе 1 «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации».

О структуре и содержании общих начал назначения наказания в УК Беларуси 1999 г. и в УК Российской Федерации 1996 г. можно было бы сказать, что они отвечают требованиям законодательного конструирования, однако это не так. Правила в общих началах в УК Беларуси 1999 г. не имеют четкого структурирования, расположены вперемежку с принципами, как впрочем, это же можно наблюдать и в общих началах УК Российской Федерации 1996 г.

К примеру, о требовании назначить более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Рассматриваемое требование о назначении наказания, будучи принципом, в обоих уголовных законах имеет одинаковую смысловую нагрузку, хотя имеется некоторое различие в содержании.

В УК Беларуси 1999 г. и УК Российской Федерации 1996 г. в общих началах назначения наказания не раскрыто содержание понятия «учет личности виновного при назначении наказания». Правило об учете личности виновного при назначении наказания в правоприменительной практике вызывает многочисленные вопросы, на которые субъекты назначения наказания не всегда находят правильные ответы.

Вызывает сомнение обоснованность включения законодателем в состав общих начал в УК РФ требований об учете влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, которые являются принципами. Трудно обнаружить связь между этими принципами и каждым из общих правил назначения наказания.

Содержание общих начал в УК Беларуси 1999 г. перегружено понятиями «характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, дохода, полученного преступным путем», «мнение потерпевшего по делам частного обвинения», «мотивируя избранную меру наказания в приговоре». Их следует отнести к частным правилам назначения наказания. Они не сочетаются с общими критериями назначения наказания, поскольку имеют отношение не к каждому уголовному делу, тогда как общие начала определяют порядок назначения наказания вне зависимости от особенности уголовного дела.

Итак, структура и содержание общих начал назначения наказания в УК Беларуси 1999 г. и в УК Российской Федерации 1996 г. должны отвечать требованиям законодательной техники. Присутствие принципов в общих началах должно диктовать необходимость их структурного расположения в общих правилах. Что касается содержания общих начал, то оно должно отвечать требованиям правоприменительной практики. Содержание всех без исключения правил общих начал должно быть законодателем раскрыто, либо разъяснено, чтобы оно не породило правовой неопределенности при назначении наказания.

Список использованных источников

1. Бажанов, М.И. Назначение наказания по советскому уголовному праву / М.И. Бажанов. – Киев, 1980.
2. Благов, Е.В. Теория применения уголовного права: дис. ... док. юрид. наук / Е.В. Благов. – Ярославль, 2004.
3. Благов, Е.В. Применение общих начал назначения уголовного наказания : монография / Е.В. Благов. М., 2013.
4. Измалков, А.В. Понятие общих начал назначения уголовного наказания / А.В. Измалков // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 1. – С. 23–25.
5. Курочкина, Л.А. Общие начала назначения наказания / Л.А. Курочкина // Законность. – 2011. – № 2. – С. 8–11.
6. Малков, В. Применение общих начал назначения наказания / В. Малков // Советская юстиция. – 1986. – № 14.
7. Непомнящая, Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы / Т.В. Непомнящая. – СПб., 2006.
8. Непомнящая, Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики : монография / Т.В. Непомнящая. – М., 2012.
9. Проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 г. – СПб., 1813.
10. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. // Консультант Плюс. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.
11. Ткаченко, В. Общие начала назначения наказания / В. Ткаченко // Российская юстиция. – 1997. – № 1.
12. Свод законов уголовных. – СПб., 1832.
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – СПб., 1845.
14. Уголовное уложение. – СПб., 1903.
15. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Консультант Плюс. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.
16. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 марта 1957 г. и с приложением статейно-систематизированных материалов. – М., 1957.
17. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Консультант Плюс. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.
18. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖДЕТ БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Корнеев Сергей Васильевич, студент магистратуры, преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) устанавливает ответственность за совершение общественно опасных деяний, посягающих на порядок осуществления предпринимательской деятельности в Республике Беларусь. Такой порядок охраняется группой статей УК – воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 232), незаконная предпринимательская деятельность (ст. 233) и лжепредпринимательство (ст. 234).

Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь и Научно-практическим центром укрепления законности правопорядка при Генеральной прокуратуре Республики Беларусь во исполнение Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, был подготовлен законопроект, касающийся, в том числе, внесения изменений и дополнений в статьи о незаконной предпринимательской деятельности (ст. 233 УК) и лжепредпринимательстве (ст. 234 УК).

Перед тем как провести анализ предполагаемых изменений и дать им соответствующую оценку, необходимо ознакомиться с действующей редакцией указанных статей УК Беларуси.

Незаконная предпринимательская деятельность (ст. 233). Данная статья 233 определяет незаконную предпринимательскую деятельность как предпринимательскую деятельность, осуществляемую без государственной регистрации либо без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно, сопряженную с получением дохода в крупном размере.

Основной (как и квалифицированный, и особо квалифицированный) состав незаконной предпринимательской деятельности по своей конструкции является материальным.

Объективную сторону преступления образует незаконная предпринимательская деятельность, которая определена в статье как осуществляемая без государственной регистрации либо без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно.

При определении объективной стороны незаконной предпринимательской деятельности следует обращать внимание на сопряженность такой деятельности с получением дохода, иными словами, на взаимосвязь предпринимательской деятельности с извлечением дохода.

В соответствии с ч. 1 примечаний к ст. 233 под доходом от незаконной предпринимательской деятельности следует понимать всю сумму выручки в денежной или натуральной форме без учета затрат на ее получение.

Доход, полученный в натуральной форме, подлежит определению в денежном выражении.

Доходом в крупном размере признается доход на сумму в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, доходом в особо крупном размере – в две тысячи пятьсот и более раз превышающую размер такой базовой величины.

По законопроекту к незаконной предпринимательской деятельности относятся:

1) предпринимательская деятельность, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной (ч. 1 ст. 233 Проекта);

2) предпринимательская деятельность, которая осуществляется без регистрации в установленном законодательными актами порядке (ч. 1 ст. 233 Проекта);

3) предпринимательская деятельность, которая осуществляется без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно (ч. 1 ст. 233 Проекта);

4) вышеназванные виды предпринимательской деятельности, сопряженные с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, если выплата дохода или возврат денежных средств, электронных денег или иного имущества осуществляется полностью или частично за счет привлеченных денежных средств, электронных денег или иного имущества других граждан (квалифицированный состав, ч. 2 ст. 233 Проекта).

Незаконная предпринимательская деятельность по предполагаемому законопроекту также должна быть сопряжена с получением дохода в крупном размере. Однако новое понимание дохода от незаконной предпринимательской деятельности не предполагает его единообразия, определения дохода дифференцируются в зависимости от разновидности незаконной предпринимательской деятельности:

1) под доходом от незаконной предпринимательской деятельности, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной, следует понимать всю сумму выручки в денежной или натуральной форме без учета затрат на ее получение;

2) под доходом от незаконной предпринимательской деятельности, которая осуществляется без регистрации в установленном законодательством порядке, следует понимать всю сумму выручки в денежной или натуральной форме без учета затрат на ее получение;

3) под доходом от незаконной предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), следует понимать сумму выручки, полученную от этой деятельности, за вычетом налогов (сборов), уплачиваемых из выручки, а также затрат по производству и реализации товаров (работ, услуг), учитываемых при налогообложении в соответствии с налоговым законодательством;

4) под доходом от незаконной предпринимательской деятельности, сопряженной с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, следует понимать всю сумму (стоимость) привлеченных денежных средств, электронных денег или иного имущества.

Доход, полученный в натуральной форме, подлежит определению в денежном выражении.

Виды размеров дохода также дифференцируются в зависимости от разновидностей предпринимательской деятельности.

Крупный доход в отношении:

1) незаконной предпринимательской деятельности, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной, признается полученным в крупном размере, если он в тысячу и более раз превышает размер базовой величины, установленной на день совершения преступления;

2) незаконной предпринимательской деятельности, которая осуществляется без регистрации в установленном законодательством порядке, признается полученным в крупном размере, если он в тысячу и более раз превышает размер базовой величины, установленной на день совершения преступления;

3) незаконной предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), признается полученным в крупном размере, если он в двести пятьдесят и более раз превышает размер базовой величины, установленной на день совершения преступления;

4) незаконной предпринимательской деятельности, сопряженной с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, признается полученным в крупном размере, если он в тысячу и более раз превышает размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Размер дохода остался на таком же уровне, за исключением безлицензионной незаконной предпринимательской деятельности, где его размер снизился до 250 базовых величин, взамен 1000 предыдущих.

Особо крупный размер дохода в отношении:

1) незаконной предпринимательской деятельности, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной, признается полученным в особо крупном размере – в две тысячи пятьсот и более раз превышает размер такой базовой величины, установленной на день совершения преступления;

2) незаконной предпринимательской деятельности, которая осуществляется без регистрации в установленном законодательством порядке, признается полученным в особо крупном размере – в две тысячи пятьсот и более раз превышает размер такой базовой величины, установленной на день совершения преступления;

3) незаконной предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), признается полученным в особо крупном размере – в тысячу и более раз превышает размер такой базовой величины, установленной на день совершения преступления.

Объем дохода от незаконной предпринимательской деятельности, сопряженной с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, в особо крупном размере не предусмотрен.

Квалифицирующими признаками (ч. 2 ст. 233) являются:

1) действия, совершенные ранее судимым за аналогичное преступление – незаконная предпринимательская деятельность;

2) незаконная предпринимательская деятельность, сопряженная с получением дохода в особо крупном размере.

Особо квалифицирующий признак (ч. 3 ст. 233) – незаконная предпринимательская деятельность, совершенная организованной группой.

Изменения коснулись и санкций всех частей анализируемой статьи.

В альтернативную относительно-определенную санкцию части первой ст. 233 УК предполагается внести к лишению свободы штраф как дополнительный факультативный вид наказания.

В части 2 ст. 233 добавлен еще один основной вид наказания – штраф. Основное наказание в виде лишения свободы тоже претерпело существенные изменения в виде снижения его нижнего предела до шести месяцев, взамен существующих двух лет, а также введением дополнительного факультативного наказания как штрафа.

В ч. 3 проекта ст. 233 добавлен штраф как основной вид наказания, а также как дополнительный обязательный к лишению свободы с конфискацией имущества или без конфискации и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам:

1) не совсем ясно, что разработчики проекта понимают под запрещенной незаконной предпринимательской деятельностью – незаконное предпринимательство, проявившееся в противоправной деятельности, уголовная ответственность за которую предусмотрена соответствующими статьями УК, или же запрещенную иными актами законодательства не уголовно-правового характера.

Если же незаконное предпринимательство проявилось в противоправной деятельности, уголовная ответственность за которую предусмотрена соответствующими статьями УК (использование занятия проституцией или создание условий для занятия проституцией – ст. 171, торговля людьми – ст. 181; операции с имуществом, заведомо добытым преступным путем – ст. 236; незаконные действия в отношении оружия – ст. 295–297; незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, посев или выращи-

вание запрещенных к возделыванию растений и грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, – ст. 328–329 и т.п.), то установление дополнительной ответственности за уже предусмотренные составы преступлений, как нам представляется, приведет к нарушению требования ч. 6 ст. 3 УК: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление»;

2) снижение объема дохода от незаконной безлицензионной предпринимательской деятельности как основания для привлечения к уголовной ответственности значительно расширяет круг предполагаемых виновных;

3) установление неодинакового подхода к определению понятия дохода от незаконной предпринимательской деятельности в зависимости от ее разновидностей, как нам представляется, нарушает принципы равенства и справедливости;

4) введение в санкции частей статьи штрафа в качестве обязательного основного альтернативного наказания либо дополнительного как обязательного, так и факультативного, наряду с существующими в санкциях видами наказаний, нарушает принцип справедливости;

5) введение повышенной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность по признаку сопряженности ее с «с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, если выплата дохода или возврат денежных средств, электронных денег или иного имущества осуществляется полностью или частично за счет привлеченных денежных средств, электронных денег или иного имущества других граждан» является излишним, так как в диспозициях уголовно-правовых норм устанавливаются типовые признаки состава преступления, а не индивидуальные.

Лжепредпринимательство (ст. 234). Статья 234 определяет лжепредпринимательство как государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя или создание юридического лица без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность в целях получения ссуд, кредитов, либо для прикрытия запрещенной деятельности, либо для сокрытия, занижения прибыли, доходов или других объектов налогообложения, либо для извлечения иной имущественной выгоды, повлекшие причинение ущерба в крупном размере.

Объективную сторону лжепредпринимательства составляют:

1) государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность;

2) создание юридического лица без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность.

Общественно опасным последствием лжепредпринимательства является причинение ущерба в крупном размере.

Субъективная сторона лжепредпринимательства характеризуется тем, что лицо регистрируется в качестве индивидуального предпринимателя или создает юридическое лицо только:

1) в целях получения ссуд, кредитов, либо

2) для прикрытия запрещенной деятельности, либо

3) для сокрытия, занижения прибыли, доходов или других объектов налогообложения, либо

4) для извлечения иной имущественной выгоды.

Квалифицирующий признак – лжепредпринимательство, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере.

Предполагаемый проект ст. 234 УК лжепредпринимательством считает государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя либо создание или приобретение юридического лица (доли в уставном фонде юридического лица) на имя подставного лица (лиц), либо без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность (лжепредпринимательство), если деятельность такого индивидуального предпринимателя или юридического лица повлекла причинение ущерба в крупном размере либо сопряжена с получением дохода от незаконной предпринимательской деятельности или иной незаконной имущественной выгоды в крупном размере.

Действия как признак объективной стороны предполагаемого состава преступления включают в себя:

1) государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность;

2) создание юридического лица на имя подставного лица (лиц);

3) создание юридического лица без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность;

4) приобретение юридического лица (доли в уставном фонде юридического лица) на имя подставного лица (лиц);

5) приобретение юридического лица (доли в уставном фонде юридического лица) без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность.

Под подставным лицом предлагается понимать:

1) лицо, на имя которого государственная регистрация индивидуального предпринимателя, создание или приобретение юридического лица (доли в уставном фонде юридического лица) были произведены без его ведома и согласия;

2) лицо, которое зарегистрировалось в качестве индивидуального предпринимателя, создало или приобрело юридическое лицо (долю в уставном фонде юридического лица), будучи введенным в заблуждение относительно действительных целей государственной регистрации индивидуального предпринимателя либо создания или

приобретения юридического лица (доли в уставном фонде юридического лица).

Диспозиция предполагаемой ст. 234 содержит два самостоятельных состава преступления:

- 1) лжепредпринимательство, повлекшее причинение ущерба в крупном размере;
- 2) лжепредпринимательство, сопряженное с получением дохода от незаконной предпринимательской деятельности или иной незаконной имущественной выгоды в крупном размере.

Субъективная сторона преступления не содержит специальных целей.

По предполагаемому законопроекту квалифицирующими признаками лжепредпринимательства являются:

- 1) действия, предусмотренные ч. 1 ст. 234, совершенные лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное данной статьей;
- 2) действия, повлекшие причинение ущерба или получение дохода от незаконной предпринимательской деятельности или иной незаконной имущественной выгоды в особо крупных размерах.

Изменения коснулись и санкций частей анализируемой статьи.

В альтернативную относительно-определенную санкцию части первой ст. 234 УК предполагается добавить к лишению свободы лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного обязательного вида наказания, исключив последний из основных альтернативных видов наказаний.

В части 2 ст. 234 добавлен еще один основной вид наказания с обязательным дополнительным наказанием – ограничение свободы на срок до пяти лет со штрафом. Основное наказание в виде лишения свободы тоже претерпело существенные изменения в виде снижения его верхнего предела до семи лет, взамен существующих десяти лет, а также введением дополнительного обязательного наказания к лишению свободы с конфискацией имущества или без конфискации – лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью.

Исходя из вышеизложенного, приходим к следующим выводам:

1) предложенная редакция ст. 234 УК решает некоторые проблемы в формулировании действующей редакции статьи, высказанные в юридической литературе, относительно такого криминообразующего признака состава, как «создание юридического лица», охватив собой иные общественно опасные действия;

2) представляется излишним, наряду с криминализацией лжепредпринимательства, сопряженного с получением дохода от незаконной предпринимательской деятельности или иной незаконной имущественной выгоды в крупном размере, предусматривать уголовную ответственность за лжепредпринимательскую деятельность, повлекшую причинение ущерба в крупном размере.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА КАК ПРИЗНАКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ УГОНА ЛИБО ЗАХВАТА С ЦЕЛЬЮ УГОНА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОДВИЖНОГО СОСТАВА, ВОЗДУШНОГО ИЛИ ВОДНОГО СУДНА

(ст. 311 Уголовного кодекса Республики Беларусь)

Мартынюк Александр Иванович, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Характеристика признаков объективной стороны угона транспортных средств невозможна без анализа соотношения понятий угона, захвата и завладения транспортными средствами. Анализ законодательства, правоприменительной практики и специальной литературы свидетельствует об отсутствии единообразного толкования этих терминов. Например, наиболее выразительным примером может служить дискуссия о том, считать ли захват транспортного средства исключительно насильственным действием или совершение захвата возможно без применения физического или психического насилия.

Особое место в этом вопросе занимает уголовно-правовая характеристика действий лица как признака объективной стороны угона транспортного средства. Сложность определения может быть обусловлена тремя моментами. Во-первых, ни в одной из Конвенций против актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации не употребляется термин «угона». Вместо него используется понятие «захвата воздушного судна». Во-вторых, в белорусском законодательстве термин «угона» применяется одновременно в отношении двух разнородных деяний (ст. 214 и ст. 311 Уголовного кодекса Республики Беларусь) (далее – УК). В-третьих, произошли значительные изменения содержания общественной безопасности как объекта угона воздушного, водного судна, железнодорожного подвижного состава со времени принятия международных договоров о противодействии этим актам и закрепления данных норм об уголовной ответственности в национальном законодательстве [1].

Токийская конвенция 1963 г. распространяется на случаи, если находящееся на борту лицо с помощью силы или угрозы силой незаконно совершает акт вмешательства, захвата или другого незаконного осуществления контроля над воздушным судном в полете или если оно готовится к совершению такого акта. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, подписанная в Гааге 16 декабря 1970 г. именуется преступлением случай, когда любое лицо на борту воздушного судна, находящегося в полете незаконно, путем насилия или угрозы при-

менением насилия, или путем любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно или осуществляет над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие. В тексте Конвенций захват воздушного судна неразрывно связывается с применением физического или психического насилия. В свое время ч. 1 ст. 208² УК БССР предусматривала ответственность за угон воздушного судна, находящегося на земле или в полете. Согласно ч. 2 этой же статьи преступлением признавался захват воздушного судна с целью угона, совершенный с применением насилия или угрозы. Как видно, уголовный закон признавал захват воздушного судна окончательным преступлением при условии, если последний сопровождался насилием. Новеллой УК 1999 г. можно считать установление уголовной ответственности за совершение действий по захвату транспортных средств без применения насилия как за окончательное преступление (ч. 1 ст. 311 УК). Для сравнения, в действующем УК Российской Федерации не квалифицированным составом угона судна воздушного, водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава охватывается причинение неопасного для жизни и здоровья насилия, так как применение опасного насилия предусмотрено в ч. 2 ст. 211 УК Российской Федерации.

В уголовно-правовой литературе можно встретить три точки зрения по вопросу соотношения захвата и угона транспортных средств с моментом применения насилия. Первая заключается в том, что угон, как и захват транспортного средства, представляет собой насильственное преступление [4, с. 121; 3, с. 251]. Такую позицию, на наш взгляд, следует признать не совсем удачной, поскольку родовое понятие угона подменяется одной из его разновидностей [4, с. 221].

Наиболее распространенной является позиция, согласно которой насилие имманентно присуще захвату транспортного средства [5, с. 391; 6, с. 520; 7, с. 256; 8, с. 311; 9, с. 152; 10, с. 33; 11, с. 15; 12, с. 43]. Например, В.С. Комиссаровым в Курсе уголовного права отмечалось, что захват транспортного средства характеризуется, прежде всего, насильственным способом совершения преступления. Иное понимание захвата, по мнению автора, противоречило бы смысловому значению слова «захватить» и положениям международных документов, в частности Гаагской конвенции [13, с. 273–274].

При анализе данной точки зрения следует заметить, что ни текст советского уголовного закона, ни текст диспозиции ст. 211 УК Российской Федерации не дают основания считать захват транспортного средства действием, неразрывно связанным с насилием. Употребляемая в уголовном законе формулировка «Захват транспортного средства с целью угона, совершенный с применением насилия» предполагает существование захвата с целью угона, совершаемого без применения насилия. О возможности ненасильственного захвата и его правовом значении справедливо упоминал В.М. Хомич и другие авторы [14, с. 66; 15, с. 241; 16 с. 383]. Такая точка зрения вполне согласуется с положениями Гаагской конвенции, которая обязывает государства сурово наказывать лиц, виновных не только в насильственном захвате, но и в покушении и приготовлении к данному деянию.

При раскрытии содержания угона транспортных средств или их захвата с целью угона нередко прибегают к понятию завладения. Термин «завладение» принято использовать при характеристике ряда составов преступлений против собственности. Таким же образом, на наш взгляд, представляется неудачным употребление понятия захвата к ненасильственным имущественным преступлениям. Термин «захват» используется в законе при описании в уголовном законе ряда составов преступлений против общественной безопасности: захват заложника, захват зданий и сооружений. Например, в уголовном праве России угон водного, воздушного судна или железнодорожного подвижного состава часто относят к преступлениям, связанным с общепасным захватом имущества. О нехарактерности завладения для состава угона воздушного судна обоснованно отмечал А.И. Чуачаев [17, с. 124, 126]. А.И. Узденов, последовательно рассматривавший угон как преступление против общественной безопасности, предлагал установить уголовную ответственность только за незаконные захват и использование транспортного средства [18, с. 13].

Понятие завладения шире понятия захвата, поскольку завладение вещью дает возможность не только физического, но и хозяйственного воздействия на нее. Поэтому характеристика угона или захвата с целью угона как завладения, на наш взгляд, необоснованно расширяет пределы действия состава, объектом которого является общественная безопасность в сфере функционирования транспорта на некоторые корыстные имущественные преступления. В связи с этим автор полагает целесообразным использовать понятие захвата при характеристике объективной стороны анализируемого состава.

Таким образом, угон транспортного средства можно охарактеризовать **как захват транспортного средства и совершение поездки при помощи имеющегося на нем двигателя**. Такое определение, с нашей точки зрения, достаточно точно характеризует анализируемый состав как транспортное преступление. В связи с этим построение диспозиции ч. 1 ст. 311 УК представляется, на наш взгляд, не совсем верным как с позиции юридической техники, так и с позиции дифференциации уголовной ответственности. С одной стороны, не оспаривается, что захват транспортного средства с целью его угона является этапом совершения угона [21, с. 569; 17, с. 127]. С другой стороны, понятие захвата транспортного средства шире понятия угона, поскольку захват может осуществляться не только с целью угона [23, с. 105].

Таким образом, можно увидеть, что в рамках одного состава предусмотрена одинаковая уголовная ответственность как за оконченную форму преступной деятельности, так и за неоконченную. Такое положение противоречит реализованной в отечественном УК идее об индивидуализации наказания за неоконченное преступление (ст. 67 УК). Если покушение на преступление, предусмотренное данной статьей, признается юридически оконченным деянием, то налицо формулировка усеченного состава. Вместе с этим вызывает сомнение необходимость формулирования усеченного состава ненасильственного менее тяжкого преступления.

В литературе можно встретить примеры слишком широкого понимания угона транспортных средств.

Так, А. Павлинов предлагает понимать под угоном самовольное перемещение судна или железнодорожного состава с места их нахождения [12, с. 43]. С одной стороны, такое определение включает в себя действия, целью которых не является совершение поездки на транспортном средстве путем приведения его в движение при помощи имеющегося на нем двигателя. В качестве примера можно привести случай, когда группа подростков сталкивает с горки вагон или снимает с якоря водное судно. Такие действия при отсутствии хулиганских мотивов более сходны с умышленным приведением в негодность транспортного средства, чем с угоном транспортных средств. С другой стороны, непонятно: откуда еще можно самовольно переместить судно или железнодорожный состав, как не с места их нахождения? Можно предположить, что отсутствие в определении А. Павлинова указания на момент времени, с которого начинается самовольное перемещение, свидетельствует о том, что транспортное средство не находится в состоянии движения. Однако такой вариант неоправданно сужает действие рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Э.Ф. Мичулис в Комментарий к УК Республики Беларусь определяет угоном как насильственное или нена насильственное незаконное установление контроля над транспортным средством и перемещение его в другую географическую точку в соответствии с намерением виновного [19, с. 850]. В данном определении не совсем точным является вывод о том, что угоном предполагается незаконное перемещение транспортного средства в другую географическую точку. В литературе можно найти обоснованную критику предложенного мнения. Так В.М. Хомич применительно к угому воздушного судна отмечал, что указанное понимание угона неосновательно сужает признаки состава этого преступления, поскольку ими охватывается не только угоном самолетов в иное место, но и случаи, когда место взлета и посадки судна совпадают [14, с. 67]. Также по замечанию А.И. Коробеева при таком подходе крайне затруднительно было бы квалифицировать как угоном «действия лиц, угоняющих транспортное средство без четкого представления о месте его будущей остановки» [4, с. 221].

Захват транспортного средства является окончательным с момента установления контроля над транспортным средством. Контроль должен быть таким, чтобы позволять противоправное использование транспортного средства для поездки, либо исключить возможность следования транспортного средства по ранее намеченному маршруту.

Угоном транспортных средств, находящихся в состоянии покоя, признается окончательным с момента начала движения. Транспортное средство, уже находящееся в движении, будет считаться угнанным с момента установления виновными лицами контроля над процессом его движения.

А.И. Коробеевым справедливо отмечалось, что совершенно необязательно окончание угона связывать с моментом отклонения от заданного маршрута. Маршрут в силу ряда причин может и не меняться, но угоном будет являться. [4, с. 222]. Моментом окончания в таких случаях может служить неподчинение указанию сделать остановку или совершение иных действий, свидетельствующих о самовольном использовании транспортного средства.

Вопросом, требующим более детального рассмотрения, является определение момента окончания угона находящегося на земле воздушного судна. К сожалению, здесь следует отметить отсутствие однозначного понимания данного признака объективной стороны рассматриваемого преступления. В качестве такового момента предлагается понимать закрытие всех внешних дверей воздушного судна после погрузки [10, с. 33; 1, с. 223; 9, с. 150–151], запуск двигателя для взлета [11, с. 14], взлет [12, с. 43] или момент начала воздействия на воздушное судно движущей силы с целью взлета [14, с. 68].

Токийская конвенция (ст. 1) определяет время нахождения воздушного судна в полете с момента включения двигателя в целях взлета до момента окончания пробега при посадке. Гаагская (ст. 3) и Монреальская (ст. 2) конвенции расширяют пределы своего действия, и согласно данных международных документов время нахождения судна в полете начинается с момента закрытия всех его внешних дверей после погрузки до момента их открытия для выгрузки. Положения двух последних Конвенций определяют минимальные границы преступного деяния, подлежащего уголовному преследованию в присоединившихся государствах. Предусматривая уголовную ответственность за угоном воздушного судна, Республика Беларусь выполняет свои международные обязательства, поскольку по национальному законодательству уголовная ответственность наступает и за неоконченные формы преступной деятельности, в данном случае захват воздушного судна. Поскольку в Конвенциях речь идет о захвате воздушного судна, а не об его угоме, имеющаяся в международных документах трактовка времени полета воздушного судна представляется объяснимой целями борьбы с незаконным захватом воздушных судов, находящихся в полете.

Следует согласиться с мнением В.М. Хомича о необходимости учета технической стороны полета при характеристике признаков объективной стороны рассматриваемого состава преступления [14, с. 68]. Полет включает промежуток времени от начала разбега до окончания пробега при посадке. Окончанием пробега считается момент остановки воздушного судна или начало вытравливания судна с взлетно-посадочной полосы.

Поэтому при определении момента окончания угона находящегося на земле воздушного судна следует руководствоваться соответствующим положением Чикагской конвенции 1944 г., в приложении 6 к которой указывается, что воздушное судно находится в полете с момента начала воздействия на него движущей силы с целью взлета до момента окончания приземления, когда судно становится неподвижным [20, с. 64].

Выводы.

1. Угоном транспортного средства как преступление против общественной безопасности в транспортной сфере можно охарактеризовать как захват транспортного средства и совершение поездки при помощи имеющегося на нем двигателя.

2. В рамках одного состава (ст. 311 УК) предусмотрена одинаковая уголовная ответственность, как за окон-

ченную форму преступной деятельности, так и за неоконченную. Такое положение противоречит реализованной в отечественном УК идее об индивидуализации наказания за неоконченное преступление (ст. 67 УК).

Список использованных источников

1. Мартынюк, А.И. Уголовная ответственность за угон транспортных средств и иное противоправное временное использование чужого имущества : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Мартынюк; БГУ. – Минск, 2009. – 24 с.
2. Советское уголовное право. Особенная часть / отв. ред. М.И. Ковалев. – М. : Юрид. лит., 1983. – 479 с.
3. Малеев, Ю.Н. Акты незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации: понятийно-терминологический аппарат / Ю.Н. Малеев // Советский ежегодник международного права. 1973 год. – М., 1975, С. 249–258.
4. Коробеев, А.И. Транспортные преступления / А.И. Коробеев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 406 с.
5. Советское уголовное право. Особенная часть / под ред. Г.А. Кригера [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 472 с.
6. Советское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. – М. : Юрид. лит., 1988. – 608 с.
7. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслова. – М. : Юристъ, 1996. – 560 с.
8. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. А.И. Рарога. – М. : Юристъ, 2001. – 638 с.
9. Чучаев, А.И. Безопасность железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Уголовно-правовые проблемы / А.И. Чучаев. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – 168 с.
10. Дьяков, С. Ответственность за угон воздушного судна / С. Дьяков, Ю. Рупин // Социалистическая законность. – 1979. – № 8. – С. 33–35.
11. Иванов, Н. Ответственность за угон воздушного судна / Н. Иванов, М. Михайлов // Советская юстиция. – 1973. – № 11. – С. 14–15.
12. Павлинов, А. Уголовно-правовая защита воздушного пространства / А. Павлинов // Законность. – 2001. – № 4. – С. 40–43.
13. Курс уголовного права : в 5 т. Т. 4 : Особенная часть / Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров. – М. : ИКД Зерцало-М, 2002. – 672 с.
14. Хомич, В.М. Уголовная ответственность за угон транспортных средств / В.М. Хомич. – Минск : Издательство БГУ, 1982. – 96 с.
15. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – 2-е изд. – М. : Юристъ, 2001. – 492 с.
16. Уголовное право. Особенная часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. – М. : ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 768 с.
17. Чучаев, А.И. Ответственность за угон воздушного судна / А.И. Чучаев // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе. – Свердловск, 1986. – С. 120–134.
18. Узденов, А.И. Угон транспортных средств по уголовному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08/ А.И. Узденов ; Волгоградская академия МВД России. – Волгоград, 2008. – 32 с.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ.ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.
20. Маховский, Я. Захват гражданского воздушного судна в свете международного права / Я. Маховский // Советское государство и право. – 1971. – № 8. – С. 59–66.
21. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие/ Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н.А. Бабия и И.О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002. – 912 с.
22. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / А.И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск : Тесей, 2001. – 808 с.
23. Малеев, Ю.Н. Принцип «выдать и наказать» в отношении преступления «незаконный захват воздушного судна» / Ю.Н. Малеев // Советское государство и право. – 1974. – № 10. – С. 101–105.

ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКАЯ РЕГИСТРАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СТАНОВЛЕНИЕ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ

Стороженко Сергей Николаевич, магистр юридических наук, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Стабильность социально-экономической и политической ситуации в нашей республике, отсутствие экономических и политических причин социальных потрясений, повышение эффективности работы правоохранительных органов обусловили устойчивую позитивную тенденцию снижения уровня преступности в Беларуси. Однако по-прежнему вызывает озабоченность руководства республики, правоохранительных органов и общественности пока еще низкий общий уровень раскрываемости преступлений, хотя уровень раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений в нашей республике за последние годы считается стабильно высоким.

Одной из острых проблем остается розыск пропавших без вести и установление личности неизвестных умерших и погибших граждан. С учетом сложившейся в соседней России критической ситуации с контролем потоков мигрантов, в нашей республике довольно эффективно функционирует система контроля за иностранными гражданами и лицами без гражданства, прибывшими в Республику Беларусь в поисках убежища и подавших ходатайство о предоставлении политического убежища, временного убежища или признании их беженцами, подвергающихся выдворению (депортации) за пределы республики. Дактилоскопическая информация может быть использована и в области гражданских правоотношений при решении ряда юридически значимых вопросов, например установление личности при страховании или наследовании [1, с. 68].

При нынешнем уровне информированности преступных элементов, их мобильности и высокой технической оснащенности очевидно, что регистрация информации, значимой для раскрытия, расследования и профилактики преступлений, – один из наиболее эффективных подходов к информационному обеспечению борьбы с преступностью. Именно поэтому криминалистическая регистрация как отрасль криминалистики постоянно совершенствуется.

Среди всех криминалистических учетов наибольшее значение придается учету людей, субъектов преступной деятельности. Фактически с таких учетов и зародилась уголовная регистрация.

Дактилоскопический учет в настоящее время особо выделяется своей эффективностью благодаря тому, что созданы и повсеместно внедряются автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы (далее – АДИС), способные осуществлять десятки миллионов проверок дактилоскопических материалов в год.

Уголовная регистрация как практическая деятельность возникла значительно раньше самой науки криминалистики. Это вполне естественно, потому что криминалистика как наука консолидировалась из всевозрастающего объема эмпирических знаний о процессе раскрытия и расследования преступлений. С рождением и становлением криминалистики уголовная регистрация, по мнению большинства ученых, обоснованно и органично стала называться криминалистической регистрацией. В развитие учения о криминалистической регистрации в целом и его составляющих в частности внесли большой вклад российские ученые: В.А. Андрианова, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, И.А. Возгрин, Г.Л. Грановский, И.Н. Евсюнин, Г.Г. Зуйков, Б.М. Комаринец, Н.А. Корниенко, Д.П. Рассейкин, П.С. Семеновский, В.Ю. Федорович, А.И. Хвьяля-Олинтер, Б.М. Шавер, Л.Г. Эджубов, И.Н. Якимов, С.А. Ялышев и др. В нашей республике в этом направлении активно работал Г.И. Грамович, а в настоящее время наиболее значимые исследования данной проблематики осуществляются его учеником – А.П. Пацкевичем, а также некоторыми другими исследователями.

По мнению Р.С. Белкина, криминалистическая регистрация – это система криминалистических учетов определенных объектов, используемая для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В систему криминалистической регистрации входят виды криминалистической регистрации, которые отличаются друг от друга «учитываемыми данными, способами и формами их сосредоточения и систематизации» [2, с. 147].

В современных условиях есть полное основание считать криминалистические учеты своеобразными информационными системами, т.е. системами, в рамках которых происходит сбор, накопление, обработка и анализ информации.

Говоря о современном понятии дактилоскопической регистрации (учета), необходимо отметить наличие единого подхода, определяющего дактилоскопическую регистрацию как учет людей на основе папиллярных узоров в целях установления личности.

В данном определении нет непосредственного указания на то, что дактилоскопическая регистрация осуществляется только в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Такой подход обусловлен расширением целей дактилоскопической регистрации в связи с принятием 4 ноября 2003 г. в нашей республике Закона Республики Беларусь № 236-3 «О государственной дактилоскопической регистрации» [3].

Таким образом, использование папиллярных узоров выходит за рамки уголовной сферы. В связи с этим можно говорить о появлении наряду с уголовной дактилоскопической регистрацией дактилоскопической регистрации лиц (как обязательной, так и добровольной) с целью установления или подтверждения их личности в случаях, предусмотренных вышеуказанным Законом, и использовании дактилоскопической информации вне связи с уголовными преступлениями.

Мировой опыт правоохранительной деятельности свидетельствует об особой роли дактилоскопических учетов в криминалистическом обеспечении расследования и раскрытия преступлений. Создание средств автоматизации обработки дактилоскопической информации за рубежом началось с середины 60-х гг. XX в. [4, с. 11–12].

Крупнейшими разработчиками автоматизированных дактилоскопических систем в мире являются фирмы Printrak, Cogent INC (США), NEC Technologies (Япония), Sagem Morfo (Франция), Dermolog, Siemens Nixdorf (Германия) и др. Совместно с российскими коллегами специалисты ГЭКЦ МВД на базе Государственного экс-

пертно-криминалистического центра МВД Республики Беларусь в 1999 г. провели испытания системы нового поколения – АДИС «Дакто-2000». Ввод дактилоскопических изображений осуществляется с разрешением не менее 500 точек на дюйм. В программных разработках используются уникальные методы в части сжатия и хранения изображений отпечатков и следов. В системе используются четыре основных режима идентификации. Характеристики по надежности и избирательности соответствуют техническим требованиям к АДИС, предназначенным для эксплуатации в экспертно-криминалистических подразделениях (далее – ЭКП) органов внутренних дел, и имеют следующие значения: надежность поиска системы в режимах «след – след» – 95 %; «дактилокарта – след» – 95 %; «след-дактилокарта» – 90 %; «дактилокарта – дактилокарта» – 100 % [5, с. 327].

Учитывая полученные результаты, АДИС «Дакто-2000» успешно прошла испытания и была рекомендована для ведения дактилоскопических учетов ЭКП органов внутренних дел с использованием удаленных рабочих мест экспертов-криминалистов. Интерес к белорусской системе проявили и за рубежом. Она установлена и работает в правоохранительных органах Болгарии, Украины, Армении, шести регионах Российской Федерации.

Эффективность внедрения и последующих за ним результатов работы АДИС не вызывает сомнений и может быть проиллюстрирована следующими показателями итогов работы экспертно-криминалистических подразделений Республики Беларусь за 2001–2012 года, приведенные в таблице 1.1.

Таблица 1.1 Эффективность использования дактилоскопической информации в Республике Беларусь

Годы	Установлено с использованием АДИС			Установлено совпадений по картотекам следов рук (без использования АДИС)
	Совпадений	Лиц под другими анкетными данными	Личности неопознанных трупов	
2001	941	191	218	2941
2002	1580	748	372	3672
2003	2258	1121	394	4688
2004	2808	1632	456	4182
2005	4168	1992	559	2393
2006	5023	2095	589	1960
2007	5439	1376	518	1682
2008	5358	1447	467	1274
2009	8929	1375	432	1175
2010	10878	1033	584	1684
2011	11907	936	603	1710
2012	11102	884	450	1079

Разработанная в Республике Беларусь и внедренная АДИС «Дакто-2000» удовлетворяет всем требованиям к современным автоматизированным дактилоскопическим системам. Как видно из приведенных статистических данных, внедрение АДИС в полном объеме в работу органов внутренних дел республики позволило поднять на новый качественный уровень практику раскрытия и расследования преступлений, решать вопросы некриминального характера, связанные с установлением или подтверждением личности человека с использованием банка данных дактилоскопической информации.

Вместе с тем АДИС «Дакто-2000» требует дальнейшего развития. Необходима разработка программного модуля по обработке и автоматизированному кодированию ладонных поверхностей и решения ряда других технических и организационных проблем [6, с. 27].

Актуальной остается проблема налаживания эффективного информационного взаимодействия правоохранительных органов Республики Беларусь с органами внутренних дел зарубежных государств, и в первую очередь со странами СНГ. В 1992 г. государствами Содружества создан Межгосударственный информационный банк (далее – МИБ), депозитарием оперативно-справочных и дактилоскопических картотек в котором является МВД Российской Федерации. Однако в настоящее время обмен информацией между системами АДИС органов внутренних дел ряда стран СНГ практически невозможен из-за использования АДИС разных производителей.

В Республике Беларусь, Армении, Молдове, Украине применяется АДИС «Дакто-2000» (разработка Республики Беларусь), Российской Федерации – Gogent (США), Mogfo (Франция), Паппилон, Сонда (Российская Федерация), Дакто-2000 (Республика Беларусь). Следовательно, для обеспечения возможности эффективного обмена дактилоскопической информацией и создания сети автоматизированных банков данных дактилоскопических следов необходимо на уровне заинтересованных представителей стран – соседней Республики Беларусь, в первую очередь России, принять решение о едином стандарте, позволяющем обмениваться информацией между АДИС разных систем. Такой подход позволит обеспечить беспрепятственный импорт дактилоскопической информации в разработанный стандарт. Однако для решения данной проблемы требуется принять согласованные нормативные правовые акты, регламентирующие проведение указанных работ, при этом национальные базы данных должны иметь надежную защиту от несанкционированного доступа к содержащейся в

них информации [7, с. 72–73].

Существенным сдерживающим фактором дальнейшего повышения эффективности работы АДИС в республике является недостаточный профессионализм, а в некоторых случаях безответственное отношение сотрудников органов внутренних дел, представителей иных государственных органов, уполномоченных осуществлять обязательную и добровольную дактилоскопическую регистрацию граждан. Технические погрешности, допускаемые ими при единичных и массовых регистрационных мероприятиях, снижают ожидаемый эффект дактилоскопии как метода идентификации личности. С использованием АДИС установлены случаи изъятия с мест нераскрытых преступлений и помещением в картотеку следов пальцев рук, оставленных по небрежности участниками следственного действия (следователем, дознавателем, специалистом). Имеют место факты нарушения порядка формирования картотек следов пальцев рук (помещение в картотеку следов без соответствующей проверки потерпевших и свидетелей, которые могли их оставить вне связи с событием преступления).

Перечисленные некоторые объективные и субъективные факторы, влияющие на эффективность системы дактилоскопической регистрации, не являются решающими [8, с. 92].

Выход на принципиально новый уровень развития криминалистических учетов ожидается в связи с созданием с 1 июля 2013 г. Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Одним из направлений его деятельности является ведение дактилоскопических учетов. Особый статус и значимость этого нового для Беларуси экспертного учреждения позитивно отразятся на повышении эффективности использования дактилоскопических учетов в решения задач противодействия преступности, контроля за иностранными гражданами и лицами без гражданства, прибывшими в Республику Беларусь, а также для решения некоторых гражданско-правовых вопросов.

Список использованных источников

1. Пацкевич, А.П. Возможности решения некоторых вопросов демографической безопасности с использованием криминалистических учетов / А.П. Пацкевич, С.Н. Стороженко // Проблемы демографии и безопасности жизни : материалы междунар. конгресса 14–15 нояб. 2002 г. – Минск : МИТСО, 2003. – С. 168–170.

2. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. – 3-е изд. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 383 с.

3. О государственной дактилоскопической регистрации : Закон Респ. Беларусь от 4 нояб. 2003 г., № 236-3 (ред. от 13 декабря 2011 г. № 325-3) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 124. – 2/985.

4. Хвьяля-Олинтер, А.И. Использование криминалистической характеристики преступлений в автоматизированных информационно-поисковых системах технико-криминалистического назначения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.И. Хвьяля-Олинтер. – М., 1995. – 29 с.

5. Пацкевич, А.П. К вопросу о принципах построения информационно-криминалистического обеспечения правоохранительных органов / А. П. Пацкевич, С.Н. Стороженко // Юридическая наука и образование в Республике Беларусь на современном этапе : материалы междунар. науч. конф., Гродно 31 окт. 2003 г. / отв. ред. Г.А. Зорин. – Гродно : ГрГУ, 2003. – С. 326–328.

6. Стороженко, С.Н. Тенденции развития и проблемы дактилоскопической регистрации в Республике Беларусь / С.Н. Стороженко // Теоретические и прикладные проблемы уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2006 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – С. 26–33.

7. Пацкевич, А.П. Использование дактилоскопической информации в выявлении, расследовании и предупреждении преступлений: монография / А.П. Пацкевич, С.Н. Стороженко ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2011. – 115 с.

8. Пацкевич, А.П. Генезис и развитие автоматизированной дактилоскопической идентификационной системы (АДИС) / А.П. Пацкевич, С.Н. Стороженко // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. трудов. – 2007. – № 1 (21). – С. 92–97.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 328 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сугак Игорь Анатольевич, студент магистратуры, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Наша республика, как одна из сторон, подписавших три международных Конвенции ООН по борьбе со злоупотреблением наркотиками и их незаконным оборотом, выполняет взятые на себя обязательства. Особое место в противодействии незаконному обороту наркотиков и их злоупотреблению занимает уголовный закон. В целях своевременного реагирования на складывающуюся ситуацию в сфере противодействия наркомании, уголовное законодательство нашей страны постоянно совершенствуется. Пример тому – принятие Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-3 «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах», а также изменения и дополнения, вносимые в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК),

в том числе в ст. 328 УК. В частности, значительно расширен перечень квалифицирующих признаков этого преступления. Представляется целесообразным последовательно охарактеризовать каждый из них.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 328 УК, помимо незаконных изготовления, переработки, приобретения, хранения, перевозки или пересылки наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов с целью сбыта, включает и незаконный сбыт таких средств или веществ.

Рассматриваемые ниже квалифицирующие признаки перечислены в частях 3 и 4 названной статьи. Первый квалифицирующий признак – это совершение указанных в части второй действий группой лиц. В ст. 17 УК сказано, что «преступление признается совершенным группой лиц, если хотя бы два лица совместно участвовали в совершении данного преступления в качестве его исполнителей (соисполнительство)». Для наличия группы необходимо установить факт участия в преступлении в качестве соисполнителей минимум двух соучастников. Здесь нужно отметить то, что все исполнители (соисполнители) должны обладать всеми признаками субъекта этого преступления, т.е. находиться в состоянии вменяемости во время совершения преступного деяния, и достигнуть 16-летнего возраста, о чем осведомлены другие соисполнители. В случае заблуждения какого-либо из исполнителей относительно этих фактов, надлежащий субъект подлежит ответственности за покушение на совершение преступления группой.

Не вызывает сложности вопрос о группе лиц, если они в полном объеме непосредственно выполняют объективную сторону преступления, т.е. незаконно с целью сбыта изготавливают, перерабатывают, приобретают, хранят, перевозят или пересылают наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги. Состав рассматриваемого преступления по конструкции объективной стороны является формальным, поэтому участие конкретных лиц в качестве соисполнителей должно подтверждаться совершением хотя бы части перечисленных исполнительских действий.

Квалификация преступления, совершенного группой лиц, по ч. 3 ст. 328 УК, будет как в случае предварительного сговора, так и без предварительного сговора. Сговор, выражающий намерение совместно совершить указанное преступление, может быть и устным, т.е. выражаться в молчаливом одобрении преступного намерения другого лица, может выражаться в определенных жестах, либо проявляться в так называемых конклюдентных действиях, свидетельствующих о согласии принять участие в преступлении. Например, один из участников без словесного одобрения и согласия начинает расфасовывать наркотики по дозам для их последующего сбыта.

Следующий квалифицирующий признак – совершение такого преступления должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. В статье 4 УК определены и сформулированы критерии, характеризующие должностное лицо в качестве специального субъекта преступления. Все должностные лица подразделяются на следующие категории: представители власти; представители общественности; лица, занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных обязанностей; лица, занимающие должности, связанные с выполнением административно-хозяйственных обязанностей; лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий и должностные лица иностранных государств, международных организаций. Указанные лица могут выполнять свои должностные обязанности либо постоянно, либо временно, либо по специальному полномочию. Под специальными полномочиями понимаются такие полномочия, которыми наделяется лицо в соответствии с законом либо иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего или иного правомочного на то органа либо должностного лица. Форма собственности предприятия, учреждения или организации, где выполняют свои функции должностные лица, не имеет значения для признания их таковыми.

Следующий квалифицирующий признак – совершение преступления лицом, ранее совершившим ^{преступления,} предусмотренные ст. 327–329 или 331 УК. Как представляется, этот квалифицирующий признак был введен законодателем в целях усиления борьбы с рецидивной преступностью по линии наркомании. Совершение преступления лицом, ранее совершившем какое либо преступление, указывает на возрастание степени его опасности. Это лицо не стремится к исправлению, а наоборот, вырабатывает определенные навыки преступного поведения, поэтому ответственность должна быть более строгой.

Статьи УК предусматривают наказания за следующие преступления: статья 327 – за хищение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов; статья 328 – за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов; статья 329 – за посев или выращивание запрещенных к возделыванию растений и грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества; статья 331 – за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В данном случае не имеет значения, являлось ли любое из указанных, ранее совершенных преступлений, оконченным или неоконченным, являлось ли лицо исполнителем или соучастником, было ли судимо лицо за перечисленные преступления. Данный квалифицирующий признак не применяется, если истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, либо имеются другие основания, погашающие юридические последствия совершенного деяния. Например, судимость была снята или погашена, ответственность исключена актом амнистии или лицо было освобождено от уголовной ответственности на основании иных положений главы 12 УК.

Следующий квалифицирующий признак – совершение такого преступления в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в крупном размере. При решении вопроса о крупном размере необходимо исходить из количественных показателей, установленных в перечне, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2000 г. № 1785. В настоящее время в этом перечне содержится 253 наименования наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов. Например, незаконный оборот амфетамина (фенамина) и его аналогов в крупном размере – свыше 3 граммов, гашиша и его анало-

гов – свыше 25 граммов, изометадона и его аналогов – свыше 2,5 граммов, морфина и его аналогов – свыше 5 граммов, псилоцибина и его аналогов – свыше 0,1 грамма, эторфина и его аналогов – свыше 0,01 грамма, махуаны высушенной – свыше 100 граммов, маковой соломы высушенной – свыше 500 граммов.

Следующий квалифицирующий признак – совершение такого преступления в отношении особо опасных наркотических средств, психотропных веществ. Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 мая 2003 г. № 26 (в ред. от 6 мая 2013 г.) был установлен Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь. В зависимости от применяемых мер контроля, этот перечень разбивается на соответствующие списки и таблицы. Что касается особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, то они включены в два списка:

1. Список особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, не используемых в медицинских целях (содержит 233 наименования). В начале списка указаны особо опасные наркотические средства (97 наименований). Например, аллилпродин, ацеторфин, героин, изометадон, морфердин, норкодеин, эторфин и др. Затем перечислены особо опасные психотропные вещества (186 наименований). Например, аминептин, амфетамин, метамфетамин, катинон, метаквалон, парагексил, псилоцибин, фенатин, и др. После этого указаны наркотические средства растительного происхождения (4 наименования) – это ацетилованный опий (средство, получаемое путем ацетилирования опия или экстракционного опия маковой соломы и (или) семян мака, содержащее в своем составе кроме алкалоидов опия ацетилкодеин, моноацетилморфин, диацетилморфин либо их смесь), кокаиновый лист (лист кока), кокаиновый куст и экстракционный опий (экстракт маковой соломы). В конце списка указаны особо опасные психотропные вещества растительного происхождения (их также 4 наименования) – это кат, кактусы, содержащие мескалин, грибы, содержащие псилоцин и (или) псилоцибин, а также трава эфедры.

2. Список особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, разрешенных к контролируемому обороту. В начале также указаны особо опасные наркотические средства (25 наименований). Например, альфентанил, гидроморфон, кодеин, кокаин, морфин, омнопон и др. Затем перечислены психотропные вещества (10 наименований). Например, барбитал, кетамин, триаолола, фенметразин и др.

Следующий квалифицирующий признак – сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов на территории учреждения образования, организации здравоохранения, воинской части, исправительного учреждения, арестного дома, в местах содержания под стражей или в месте проведения массовых мероприятий. В этом случае обязательным признаком состава преступления является место его совершения (любое из перечисленных).

13 января 2011 г. был принят Кодекс Республики Беларусь об образовании. Согласно этому Кодексу учреждение образования – это «юридическое лицо в организационно-правовой форме учреждения, основной функцией которого является осуществление образовательной деятельности». В статье 19 Кодекса перечислены все типы учреждений образования: дошкольного образования; общего среднего образования; профессионально-технического образования; среднего специального образования; высшего образования; специального образования; дополнительного образования детей и молодежи; дополнительного образования взрослых; воспитательно-оздоровительные; социально-педагогические; специальные учебно-воспитательные; специальные лечебно-воспитательные учреждения. Логично полагать, что сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов на территории любого из них, дает основание квалификации деяния по этому признаку. Возможны трудности при определении понятия «территория учреждения образования». Представляется, что под территорией в этом случае понимается не только само здание, где происходит учебный процесс, но и вся прилегающая к учебному заведению территория, согласно нормативным актам местных органов власти и управления.

Необходимо отметить также, что учреждения образования могут быть государственными и частными.

При решении вопроса, касающегося организации здравоохранения, необходимо в первую очередь руководствоваться положениями Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении». Здравоохранение Республики Беларусь включает: государственную систему здравоохранения; негосударственные организации здравоохранения и другие организации, которые наряду с основной деятельностью также осуществляют медицинскую и (или) фармацевтическую деятельность. Организации здравоохранения создаются в соответствии с номенклатурой организаций здравоохранения. Сама же номенклатура организаций здравоохранения, а также положения, устанавливающие порядок организации их деятельности, утверждаются Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

Территория воинской части – это место казарменного, лагерного или походного расположения воинской части.

Воинские части и их соединения являются основными организационно-составными элементами Вооруженных Сил. К ним относятся полки, бригады, отдельные батальоны, дивизионы и авиаэскадрильи, не входящие в состав полков, отдельные роты, не входящие в состав батальонов и полков. К сожалению, ни военное, ни гражданское законодательство Республики Беларусь не содержит легального определения понятия «воинская часть». Известно, что регистрация воинской части при ее создании по установленному штату, месту дислокации осуществляется Министерством обороны Республики Беларусь. Представляется, что сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов на территории казарменного, лагерного или походного расположения любой воинской части, дает основание квалификации деяния по этому признаку.

В настоящее время в систему исправительных учреждений нашей республики входят 18 исправительных колоний, 3 исправительные колонии – поселения, 2 воспитательные колонии, 6 следственных изоляторов (в случаях отбывания там наказания в виде ареста), 3 тюрьмы, 6 лечебно-трудовых профилакториев.

Осужденные к аресту отбывают наказание по месту осуждения в арестных домах, расположенных в районе, наиболее приближенном к их постоянному месту жительства. Арестные дома могут располагаться на охраняемых территориях учреждений уголовно-исполнительной системы. До настоящего времени существует практика использования для этих целей, например, помещений следственных изоляторов.

Местом содержания под стражей являются следственные изоляторы Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь, следственные изоляторы органов государственной безопасности, изоляторы временного содержания органов внутренних дел, изоляторы временного содержания пограничных войск, гарнизонные гауптвахты Вооруженных Сил, гауптвахты пограничных войск. В качестве мест содержания под стражей могут использоваться исправительные учреждения и арестные дома. К местам содержания под стражей также относятся специально приспособленные помещения, где содержатся лица, подозреваемые в совершении преступления, задержанные в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь капитанами морских или речных судов или командирами воздушных судов.

Закон Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. № 114-З «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» дает определение массовому мероприятию. Массовым мероприятием признается либо собрание, либо митинг, либо уличное шествие, либо демонстрация, либо пикетирование или иное массовое мероприятие. Собрание – совместное присутствие граждан в заранее определенном месте под открытым небом либо в помещении в установленное время, собравшихся для коллективного обсуждения и решения вопросов, затрагивающих их интересы.

Митинг – это массовое присутствие граждан в определенном месте под открытым небом, собравшихся для публичного обсуждения и выражения своего отношения к действиям (бездействию) лиц и организаций, событиям общественно-политической жизни, а также для решения вопросов, затрагивающих их интересы.

Уличное шествие – это организованное массовое движение группы граждан по пешеходной или проезжей части улицы (дороги), бульвара, проспекта, площади в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам или публичного выражения своих общественно-политических настроений либо протеста.

Демонстрация – это организованное массовое движение группы граждан по пешеходной или проезжей части улицы (дороги), бульвара, проспекта, площади, в том числе с использованием автотранспортных средств и иных средств передвижения, в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам или публичного выражения своих общественно-политических настроений либо протеста с использованием плакатов, транспарантов и иных средств.

Пикетированием признается публичное выражение гражданином или группой граждан общественно-политических, групповых, личных и иных интересов либо протеста (без шествия), в том числе путем голодовки, по каким-либо проблемам с использованием или без использования плакатов, транспарантов и иных средств.

Иное массовое мероприятие – это спортивное, культурно-зрелищное, иное зрелищное мероприятие, религиозное мероприятие, проводимые в специально не предназначенных для этой цели местах под открытым небом либо в помещении. Применительно к рассматриваемому вопросу, наиболее характерны такие места проведения массовых мероприятий, как культурно-зрелищные. Не секрет, что наиболее часто наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги сбываются на различных дискотеках, в ночных клубах и других увеселительных заведениях. Большая общественная опасность сбыта таких средств и веществ заключается в первую очередь в том, что к потреблению вовлекается именно молодежь, поэтому, по нашему мнению, абсолютно правильно законодатель установил такой квалифицирующий признак.

Часть 4 ст. 328 УК содержит такой особо квалифицирующий признак, как совершение действий, предусмотренных частями второй или третьей, совершенные организованной группой. Участие нескольких лиц в преступной деятельности значительно повышает общественную опасность содеянного, причиняет значительный вред объектам уголовно-правовой охраны, влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных УК. Уголовный кодекс нашей страны определяет, что преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено двумя или более лицами, предварительно объединившимися в управляемую устойчивую группу для совместной преступной деятельности. Организованная группа отличается следующими признаками: 1) численностью; 2) предварительной объединенностью; 3) управляемостью; 4) устойчивостью; 5) целью объединения. Так как организованная группа является одной из форм соучастия, то в ее состав должно входить не менее двух человек (как свидетельствует практика, в состав организованных преступных групп, как правило, входило большее количество человек). Все эти лица должны обладать признаками субъекта преступления. То есть быть вменяемыми и достичь шестнадцатилетнего возраста. Отличительной особенностью квалификации их действий является то, что они признаются исполнителями независимо от их роли в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Необходимо отметить, что участником организованной группы является лицо, которое знает о ее деятельности по незаконному обороту этих средств и веществ, согласно выполнять любые действия в интересах группы. Если же лицо, не являющееся членом организованной группы, только оказывает содействие организованной группе и не в качестве исполнителя, то его действия должны признаваться пособничеством.

Следующий признак организованной группы – ее предварительная объединенность. Суть предварительной

объединенности заключается в том, что на основе сговора или других целенаправленных действий еще до совершения действий по незаконному изготовлению, переработке, приобретению, хранению, перевозке, пересылке с целью сбыта или сбыте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, уже произошло создание группы для совершения таких преступлений (сформирована структура, распределены обязанности каждого члена группы, разработаны меры по сокрытию преступления, определены схемы связи и т.п.).

Одним из признаков организованной группы является также ее управляемость. Очевидно, что для признания преступной группы управляемой, необходимо наличие лица, которое ею руководит. Ряд авторов предлагают считать одним из основных признаков организованной группы наличие организатора группы, осуществляющего подбор соучастников, распределяющего роли между ними и т.п., или руководителя, обеспечивающего целенаправленную, спланированную, слаженную деятельность как группы в целом, так и каждого ее члена.

Об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, их техническая оснащенность и распределение ролей между ними, способность противодействовать принимаемым мерам по борьбе с наркомагией, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы).

Обязательным признаком организованной преступной группы является и ее цель. В данном случае – это совершение перечисленных деяний с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, рассчитанная на длительный период времени. Если преступная деятельность была пресечена при совершении, например, первого преступления, то квалифицировать действия соучастников по признаку совершения преступления организованной группой можно только лишь в том случае, если установлено, что эти лица и в дальнейшем намерены были продолжать совместную преступную деятельность.

Проанализировав квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного ст. 328 УК, можно прийти к выводу, что наиболее сложным вопросом для правильной квалификации деяния является установление места сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Представляется целесообразным, чтобы законодатель дал четкое определение, что относится к территории учреждения образования, организации здравоохранения, воинской части, исправительного учреждения, арестного дома, места содержания под стражей и места проведения массовых мероприятий.

Оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов является составной частью общественных отношений и требует как нормативного регулирования, так и организации противодействия их незаконному обороту на международном и республиканском уровнях. Один из путей противодействия их незаконному обороту является дальнейшее совершенствование законодательства.

РАЗДЕЛ IV

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА УЧАСТНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ТРУДОУСТРОЙСТВО ИНВАЛИДОВ: НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ

Новикова Светлана Ивановна, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Развитие информационных технологий и рост использования компьютерной техники способствуют расширению социально-трудовых отношений и созданию необходимых условий для использования новых форм занятости инвалидов. Рост численности инвалидов в Беларуси, большое количество незаполненных рабочих мест в силу различных причин, демографическая ситуация в стране и другие причины вызывают необходимость расширения занятости инвалидов.

Степень эффективности занятости инвалидов связана с обеспечением равновесия между спросом и предложением рабочей силы на рынке труда, которое достигается через согласование интересов всех субъектов рынка труда. Однако особой заинтересованности в использовании труда инвалидов со стороны нанимателей не наблюдается.

Социальная политика белорусского государства в отношении инвалидов направлена на интеграцию инвалидов в общество через реабилитационный процесс, обеспечение занятости, реализацию права на труд и других трудовых прав. Она реализуется на принципах недискриминации, терпимости, уважения многообразия, равенства возможностей, солидарности, безопасности в отношении лиц, находящихся в неблагоприятном положении.

Это находит отражение в национальном законодательстве, которое ориентируется на международно-правовые документы. В частности, Республика Беларусь рассматривает вопрос о возможности присоединения к Конвенции о правах инвалидов, принятой 13 декабря 2006 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Присоединившиеся к ней государства берут на себя определенные обязательства по соблюдению декларируемых ею прав, по созданию необходимых условий интегрирования инвалидов в общество, их полноценной жизни в социуме. В этом направлении и совершенствуется белорусское законодательство. Так, в феврале 2009 г. вступил в силу новый Закон Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов», в октябре 2009 г. – Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по

вопросам социальной защиты инвалидов», а также ряд других подзаконных актов.

Реабилитация инвалидов – сложнейшая многоаспектная проблема, в которой в равной мере значимы медицинские, трудовые и профессиональные аспекты. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 422-З «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов» все потребности инвалидов в реабилитации разделены на четыре большие группы, положенные в основу соответствующих разделов комплексной реабилитации: медицинской, профессиональной, трудовой и социальной.

Трудоустройство инвалидов остается одной из самых сложных проблем современного общества. «На 1 января 2012 г. на учете в органах по труду, занятости и социальной защите состояло 508,4 тыс. инвалидов, в том числе: инвалидов I группы – 73,5 тыс. человек; II группы – 271,2 тыс. человек; III группы – 138 тыс. человек; детей-инвалидов в возрасте до 18 лет – 25,7 тыс. человек. За 2011 год численность инвалидов увеличилась на 0,8 %. Удельный вес инвалидов в общей численности населения республики составил 5,4 %» [1]. Высокий уровень инвалидности населения, устойчивая тенденция увеличения численности инвалидов и утяжеление ее социальных последствий вызывает снижение трудового потенциала нашей страны. Все это требует принятия мер по совершенствованию управления занятостью инвалидов и закреплению их на рабочих местах.

Развитие экономики Республики Беларусь нуждается в постоянном пополнении трудовыми ресурсами. Острота проблемы поиска эффективных мер содействия занятости обусловлена тем, что «из полумиллиона инвалидов только 18 % инвалидов трудоспособного возраста вовлечены в профессиональную деятельность, более 80 % людей с инвалидностью трудоспособного возраста являются безработными. Особенно низка вовлеченность в трудовую деятельность среди инвалидов I и II групп, в данных группах безработица достигает 90–95 %. Из тех, кто имеет третью группу инвалидности, трудоустроены около 50 %» [2, с. 121].

Неуклонный рост инвалидности населения, с одной стороны, побуждает государство, общественность к поиску путей преодоления социальных последствий инвалидности с позиции поддержания демографического баланса и воспроизводства рабочей силы, с другой государство стремиться создать населению со сниженными трудовыми возможностями достойную жизнь в обществе. В данном случае автором рассматриваются последствия инвалидности с точки зрения правовой и социальной позиции через профессиональную и трудовую реабилитацию.

В настоящее время в качестве элемента системы реабилитации лиц с ограниченными возможностями рассматривается рациональное трудоустройство инвалидов с использованием нестандартных форм занятости. Проблемы правового регулирования различных форм нестандартной (non-standard), или нетипичной (atypical), занятости являются одними из наиболее дискуссионных не только в зарубежной, но и в отечественной литературе [3, р. 17.]. В советский период в результате формального доминирования идеи всеобщего равенства само понятие нестандартной занятости фактически не имело права на существование, несмотря на легальное закрепление отдельных ее разновидностей в законодательстве о труде. Ситуация изменилась лишь в начале 90-х гг. XX в. с переходом от социалистической к рыночной системе хозяйствования. Сначала в экономической, а затем и в юридической литературе стали говорить о необходимости модернизации трудового законодательства, обеспечения гибкости правового регулирования труда, в том числе посредством расширения сферы применения различных форм нестандартной занятости. Особое значение придавалось тем из них, которые получили широкое распространение в мировой практике, однако пока не нашли легального закрепления в белорусском трудовом законодательстве, в частности, заемному труду (temporary agency work) и телеработе (telework). В зарубежной литературе данные формы нестандартной занятости обычно относят к неустойчивым ее разновидностям (precarious employment), ассоциируемым с ухудшением положения вовлеченных в них работников, снижением уровня их трудовых прав и гарантий. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость особой защиты соответствующих работников со стороны государства [4, р. 7–13].

Как отмечают О.П. Рымкевич, Я.В. Кривой в российской и белорусской трудовом правовой науке и практике единой точки зрения относительно правовых перспектив, например, заемного труда, пока не выработано [5, с. 30].

В Беларуси правовые аспекты заемного труда рассматривались в научных трудах Я.В. Кривого, где он отмечает, что «заемный труд – это труд работников, состоящих в трудовых правоотношениях с агентством занятости, которые периодически направляются для выполнения временной работы в организации-пользователе под руководством и с подчинением внутреннему трудовому распорядку последней» [6, с. 48–49].

На международном уровне заемный труд регулируется Конвенцией МОТ № 181 «О частных агентствах занятости», 1997 г. (далее Конвенция № 181). Конвенция № 181 практически не содержит конкретных правил, которые могли бы напрямую применяться национальными судами. Регулирование услуг, предоставляемых агентствами занятости, признается компетенцией государств. Конвенция № 181 устанавливает допустимые виды заемного труда, обязывает государства предъявлять к частным агентствам занятости довольно жесткие требования, в частности, лицензировать их деятельность. Однако нестандартные формы занятости мало затронуты преобразованиями в области трудового права. Деятельность агентств занятости в ряде случаев может быть социально полезной. Заемный труд зачастую является приемлемой формой занятости для лиц, остро нуждающихся в работе и имеющих в силу различных причин мало шансов на трудоустройство в рамках стандартных трудовых отношений. Например, в Италии, в соответствии с результатами исследования, проведенного в 2010 г., 40 % опрошенных респондентов воспринимают заемный труд как лучший способ поиска постоянной работы [7, р. 54].

Большие перспективы на сегодняшний день имеют различные формы дистанционной занятости. Во всех передовых странах с каждым годом увеличивается число дистанционно занятых на работе людей. Так, по данным исследований Chartered Institute of Personnel and Development CIPD к 2014 г. прогнозируется увеличение числа

дистанционно занятых работников до 30 % европейцев и до 20 % американцев.

Новые формы социально-трудовых отношений содержат в себе ценный потенциал к удовлетворению ряда потребностей общества, решению комплекса социальных проблем. Это проблемы, связанные с трудоустройством в первую очередь лиц с маломобильными возможностями, молодежи, женщин и др.

Среди зарубежных исследователей дистанционных форм занятости можно выделить таких ученых, как Дж. Ниллес (Nilles Jack M.), Ф. Кинсман (Kinsman Francis), Г. Гордон (Gordon Gil) [8, с. 8].

Происходящие в мире процессы глобализации, информатизации общества, широкое распространение сети интернет приводит к радикальным изменениям не только в технике и экономике, но и в сфере труда, исследованием преимуществ и недостатков которой и занимается сегодня научное сообщество. В отечественной литературе проблемы дистанционных форм занятости до последнего времени не вызывали пристального внимания исследователей и практиков, поэтому фундаментальные научные труды по данной теме отсутствуют.

Трудовые отношения, устанавливаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, в публикациях обычно называют терминами «телеработа», «дистанционная работа» или «удаленная работа».

Работник удаленного рабочего места – это человек, использующий телекоммуникации, работающий на дому полный или неполный рабочий день. Отношения в сфере дистанционной работы основаны на таких видах договоров, как трудовой и гражданско-правовой. Это говорит о том, что понятие дистанционной занятости шире, чем понятие надомного труда, поскольку труд надомных работников основан на трудовом договоре, т.е. обеспечен нормами трудового права.

Представляется, что правовое регулирование дистанционной занятости предопределяется функциями трудового права. В настоящее время в науке трудового права выделяют чаще всего две основные функции: социальная (защитная) и экономическая (производственная). В итоге трудовое право призвано обеспечить достижение баланса интересов субъектов применения труда и субъектов организации труда, т.е. компромисса между экономическими и социальными факторами регулируемых отношений [9, с. 59–79].

Серьезной проблемой дистанционных работников является неопределенность их правового статуса и связанные с этим трудности определения субъекта, ответственного за соблюдение трудового законодательства в отношении этих работников. Основанием правового регулирования дистанционных работников является особая организация труда работников. При удаленной работе труд работника носит более индивидуализированный характер [10, с. 116].

Несмотря на позитивное отношение к работникам с инвалидностью со стороны нанимателей, создание рабочих мест для данной категории невозможно в связи с отсутствием определенной информации, требующейся нанимателям для рационального использования труда инвалидов на предприятиях. Все это доказывает необходимость совершенствования существующих в Республике Беларусь форм занятости инвалидов и возникновения новых форм.

Существование дистанционной занятости предоставляет возможность выбора рабочего места работнику в зависимости от его предпочтений, возможностей и состояния здоровья. Внедрение новых дистанционных технологий способствует улучшению использования труда инвалидов, позволяет больше раскрыть потенциал человека и отвечает большинству требований инвалидов. Это обеспечит качественное соответствие работника требованиям рабочего места, а также эффективное использование существующих навыков и уровня квалификации работника с инвалидностью на конкретном рабочем месте.

Решение проблем занятости, обеспечивающих защиту интересов целых слоев или групп населения, позволит на макроуровне укрепить национальную и международную безопасность, обеспечить социальную стабильность общества, снизить социальную напряженность, на микроуровне – увеличить уровень благосостояния инвалидов, обеспечить их профессиональный рост, образование и успешную адаптацию в обществе. Необходимость занятости инвалидов с экономической стороны связана, прежде всего, с обеспеченностью народного хозяйства рабочей силой и наличием рабочих мест, адекватных характеру использования труда инвалидов.

Список использованных источников

1. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Министерство труда и социальной защиты Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mintrud.gov.by/ru/gsp/gsp>. – Дата доступа: 11.12.2012.
2. Дроздовский, С.Е. Труд людей с инвалидностью / О.В. Граблевский, С.Е. Дроздовский; под ред. С.Е. Дроздовского. – Минск : А.А. Згировский, 2012. – С. 121.
3. Tucker, D. «Precarious» non-Standard Employment :A Review of the Literature. – 2002. – P. 17.
4. Standing, G. The Precariat : The-new Dangerous Class. – New York, 2011. – P. 7–13.
5. Рымкевич, О.П. Сравнительно-правовой анализ регулирования отношений по заемному труду: дис. ...канд. юрид. наук:12.00.05 / О.П. Рымкевич. – СПб., 2005. – С. 30
6. Кривой, Я.В. Правовое регулирование заемного труда: международно-правовой, сравнительный аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.05 / Я.В. Кривой. – М., 2006. – С. 48–49.
7. The Agency Work Industry Around the World: Economic Report of International Confederation of Private Employment Agencies. – 2011 edition. – P. 54.
8. Международный электронный журнал – 2011. Устойчивое развитие: наука и практика [Электронный ресурс] // Развитие нетипичных видов занятости для устойчивого инновационного развития страны. Вып. 2 (7). –

Режим доступа: <http://www.ygrazvitie.ru>.

9. Маврина, С.П. Трудовое право России / С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. – М. : Норма, 2003. – С. 59–79.

10. Коркин, А.Е. Нетипичные трудовые отношения: заемный труд, телеработа и работа по вызову / А.Е. Коркин. – М., 2013. – С. 116.

РАЗДЕЛ V ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ИМУЩЕСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Каташук Денис Владимирович, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, старший преподаватель кафедры правоведения Международного университета «МИТСО», филиал в г. Витебске

Актуальность исследования проблемы правовой конструкции «имущественный комплекс» обусловлена рядом причин. С одной стороны, отечественный законодатель не дает легального определения категории «имущественный комплекс», используя при этом его в нормативных правовых актах разного уровня. С другой – в юридической литературе встречаются различные концепции, а в рамках концепций и подходы к пониманию природы этого сложного правового феномена.

Методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и частноправовые методы научного познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, системный, логический, диалектический, структурно-функциональный, формально-юридический методы и др.

Действующее гражданское законодательство использует термин «имущественный комплекс» достаточно давно, и при этом до настоящего времени нет единого мнения среди ученых-цивилистов о содержании и значении этой правовой категории. Таким образом, среди наиболее спорных объектов гражданских прав в современной отечественной цивилистике являются так называемые имущественные комплексы, которые в той или иной степени затрагивают те или иные правоотношения, возникающие по поводу собственности, как юридических, так и физических лиц, при реализации ими прав на владение, пользование и распоряжение своим имуществом, причем как движимым, так и недвижимым.

Автор делает попытку общей систематизации использования термина «имущественный комплекс» в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) [1].

Гражданский кодекс в п. 1 ст. 132 «предприятие», главы 6 «общие положения», подраздела 3 «объекты гражданских прав» содержит указание на термин «имущественный комплекс», относя его к объектам прав и употребляя как синоним термина «предприятие», используемого для осуществления предпринимательской деятельности. При этом законодатель определяет и состав предприятия как имущественного комплекса, в него входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, капитальные строения (здания, сооружения), незавершенные законсервированные капитальные строения, изолированные помещения, машино-места, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законодательством или договором.

Абзац 2 ст. 130 ГК, также отождествляя эти категории, указывает дополнительно на то, что предприятие в целом как имущественный комплекс приравнивается к недвижимым вещам.

В свою очередь ст. 128 ГК раскрывает виды объектов гражданских прав, к которым отнесены: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; охраняемая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Комплексное изучение ГК показывает, что имущественному комплексу посвящен ряд статей.

Пункт 9 ст. 113 указывает на то, что долевая собственность на имущество унитарного предприятия не допускается. Однако в случае раздела имущества, находящегося в совместной собственности супругов, а также перехода права собственности на имущество унитарного предприятия в порядке наследования, правопреемства либо иными не противоречащими законодательству способами к двум и более лицам: предприятие в целом как имущественный комплекс может быть продано лицу, не являющемуся участником долевой собственности на имущество унитарного предприятия.

Статья 281 ГК определяет, что при переходе права собственности на предприятие как имущественный комплекс к другому собственнику юридическое лицо, которому это предприятие принадлежит на праве хозяйственного ведения, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь или договором, сохраняет право хозяйственного ведения на принадлежащее ему предприятие.

Пункт 2 ст. 321 ГК уже указывает на то, что имущественный комплекс является более широкой категорией, нежели термин предприятие: «При ипотеке предприятия или иного имущественного комплекса в целом право залога распространяется на все его имущество – движимое и недвижимое, включая право требования и исклю-

чительные права, в том числе приобретенные в период ипотеки, если иное не предусмотрено законодательными актами или договором.».

Об имущественном комплексе упоминается и в п. 1 ст. 530 ГК. Так, по договору продажи предприятия продавец обязуется передать в собственность покупателя предприятие в целом как имущественный комплекс, за исключением прав и обязанностей, которые продавец не вправе передавать другим лицам. Развитие данная норма находит в п. 2 ст. 532 ГК, в которой указывается на то, что до подписания договора продажи предприятия сторонами должны быть составлены и рассмотрены акт инвентаризации, бухгалтерский баланс (книга учета доходов и расходов организаций и индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения), аудиторское заключение о составе и стоимости предприятия как имущественного комплекса, а также перечень всех долгов (обязательств), включаемых в состав предприятия, с указанием кредиторов, характера, размера и сроков их требований.

В правовом регулировании арендных отношений имущественному комплексу посвящены ст. 578, 627, 631, 635 ГК. Пункт 1 ст. 578 определяет, что в аренду могут быть переданы земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и иные имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи). Данная норма указывает, что кроме предприятий существуют и иные имущественные комплексы, но не называет их. Статья 627 посвящена аренде предприятия и в п. 1 определяет, что по договору аренды предприятия в целом как имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности, арендодатель обязуется предоставить арендатору за плату во временное владение и пользование земельные участки, здания, сооружения, оборудование и другие входящие в состав предприятия основные средства, передать в порядке, на условиях и в пределах, определяемых договором, запасы сырья, топлива, материалов и иные оборотные средства, права пользования землей, водой и другими природными ресурсами, зданиями, сооружениями и оборудованием, иные имущественные права, связанные с предприятием, права на обозначения, индивидуализирующие юридическое лицо, его товары (работы, услуги), и другие исключительные права, а также уступить ему права требования и перевести на него долги, относящиеся к предприятию.

Передача прав владения и пользования находящимся в собственности других лиц имуществом, в том числе землей и иными природными ресурсами, производится в порядке, предусмотренном законодательством. Часть 2 ст. 631 указывает, что если иное не предусмотрено договором аренды предприятия, арендатор вправе без согласия арендодателя вносить изменения в состав арендованного имущественного комплекса, проводить его реконструкцию, расширение, техническое перевооружение, увеличивающие его стоимость. В статье 635 предусмотрено, что при прекращении договора аренды предприятия арендованный имущественный комплекс должен быть возвращен арендодателю с соблюдением правил, предусмотренных ст. 627, 628 и 630 ГК. Подготовка предприятия к передаче арендодателю, включая составление и представление на подписание передаточного акта, является в этом случае обязанностью арендатора и осуществляется за его счет, если иное не предусмотрено договором.

О наличии иных имущественных комплексов говорит и ст. 896 ГК, определяя в п. 1 объекты доверительного управления и относя к ним предприятия и другие имущественные комплексы, отдельные объекты, относящиеся к недвижимому имуществу, ценные бумаги, права, удостоверенные бездокументарными ценными бумагами, исключительные права и другое имущество.

Правовому регулированию имущественных комплексов посвящены и другие нормативные правовые акты Республики Беларусь.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что имущественный комплекс является своеобразным и сложным объектом гражданских прав. Представляется необходимым на нормативном уровне определиться с понятием категории «имущественный комплекс». Главу 6 подраздела 3 ГК предлагается дополнить статьей, посвященной имущественным комплексам, в том числе с указанием на их виды.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013;

РАЗДЕЛ VI СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Лагун Н.И., студент магистратуры Международного университета «МИТСО»

В процессе расследования мошенничества в сфере экономики установление обстоятельств происшедшего, выделение юридически значимых фактов, причинно-следственных связей и наступивших последствий возможно при условии, что известны пространственно-временные составляющие, качества, признаки среды, в которой совершено преступление. Именно элементы обстановки непосредственным образом влияют на механизм и способ совершения преступления, обуславливая поведение лиц, их совершающих.

Мнения ученых-криминалистов по поводу определения понятия «обстановка совершения преступления», его содержания и включения в качестве элемента криминалистической характеристики не являются единодушными, а в некоторых случаях, достаточно спорными. Ряд авторов – С.М. Астапкина, А.В. Дулов, Г.А. Густов, Т.Д. Кривенко, Э.Д. Куранова, А.Н. Ларьков, В.А. Образцов, Н.М. Сологуб, Н.П. Яблоков и другие – признают важное самостоятельное значение обстановки как элемента криминалистической характеристики преступления. Иную позицию занимают И.А. Возгрин и И.Ф. Пантелеев, которые не включают обстановку совершения преступления в качестве элемента криминалистической характеристики. Р.С. Белкин в качестве элемента криминалистической характеристики выделяет некоторые обстоятельства совершения преступления, подразумевая под ними место, время и обстановку совершения преступления [1, с. 315–316].

Н.П. Яблоков под обстановкой совершения преступления в криминалистическом аспекте понимает систему различного рода взаимодействующих между собой до и в момент преступления объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления [8, с. 51–52]. Ученый указывает на возможность получения следователем ряда важных сведений из анализа обстановки, к которым относит: 1) что в обстановке было специально подготовлено преступником, а что не зависело от него; 2) какие обстоятельства и условия непосредственно предшествовали преступлению; 3) что в обстановке способствовало или препятствовало совершению преступления; 4) каким образом обстановка повлияла на выбор способов, орудий и средств совершения преступления, в также посягательства; 5) кто мог воспользоваться сложившейся обстановкой (ситуацией) для совершения посягательства и др. [14, с. 35].

Г.А. Густов, говоря о значении анализа обстоятельств события преступления, подчеркивает, что знание обстановки позволяет исключить совершение преступления определенным способом, в определенном месте и в определенное время, дает возможность сделать логический вывод об использованном преступником способе преступления, облегчает построение модели конкретного преступного посягательства, создает предпосылки для прогнозирования возможности появления новых способов совершения преступления [3, с. 30].

По образному выражению В.С. Ишигеева, обстановка совершения преступления выступает в «качестве несущего каркаса», который объединяет в единую систему все элементы механизма преступного деяния и соответствующие изменения в материальной и социальной среде как отражение противоправной деятельности субъекта преступления и деятельности других лиц, оказавшихся в сфере уголовного процесса [7, с. 19].

А.В. Дулов, характеризуя структуру преступлений, совершенных должностными лицами, акцентирует внимание на системе, в которой действует должностное лицо. Автор отмечает, что при совершении преступления используется (или учитывается) организационная, технологическая структура, документооборот. Поэтому нельзя разрабатывать конкретную методику, не изучив систему, в которой осуществляет свою деятельность субъект преступления [5, с. 59].

Наряду с перечисленными элементами обстановки в процессе расследования познаются и другие обстоятельства, раскрывающие внутренние и внешние связи преступления, его предысторию и перспективу. В.А. Образцов отмечает, что преступление как реальное явление всегда несет в себе остатки, наследие своего прошлого и в то же время содержит зачатки, зародыши какого-то будущего [13, с. 32].

Под обстановкой совершения преступления нельзя понимать лишь совокупность внешних условий, в которых непосредственно действовал преступник. По мнению В.Н. Кудрявцева, обстановка совершения преступления охватывает более широкий круг явлений, нежели непосредственные физические условия, в которых действует преступник, и включает также общую историческую и социально-политическую обстановку, конкретные условия жизни и деятельности коллектива, в котором было совершено преступление [9, с. 23].

Полностью соглашаясь с данным мнением, хотелось бы в данный перечень включить и социально-экономическую ситуацию в стране, состояние правового регулирования экономических отношений, уделив внимание тем аспектам, которые играют детерминирующую роль в структуре мошенничества. То, что мошенничество находится под влиянием экономического цикла, в частности, обусловлено наличием или отсутствием рыночной экономики, а также степенью развитости рыночных отношений, подчеркивает и В.Д. Ларичев [10, с.

10–11]. Без особо труда можно провести параллели между характерными чертами мошенничества периода начального развития капиталистических отношений в царской России (70-е годы девятнадцатого века), периода НЭПа (20-е годы двадцатого века) и спецификой мошенничества периода перехода к рыночной экономике (90-е годы) и найти много сходных моментов, обусловленных в конечном итоге схожей социально-политической обстановкой [2, с. 99].

Несомненно, переход к рыночной экономике, становление и развитие ее институтов породили множество ранее не существовавших видов хозяйственной деятельности, на фоне которых стали появляться новые способы мошеннических посягательств. Для установления способа совершения преступления, понимания механизма хищения необходимо тщательно изучить нормативные акты, на основании которых осуществляется определенный вид хозяйственной деятельности, знать правовой статус юридического лица, отдельных работников, а также иные факторы, характеризующие обстановку совершения преступления.

Анализ уголовных дел о мошенничестве в сфере экономики приводит к выводу о том, что место, время и обстановка понимаются более широко, чем это следует из сложившегося понимания. В этой связи следует согласиться с мнением Н.М. Сологуба и Н.А. Даниловой, которые под местом совершения хищения собственности юридических лиц понимают целый ряд моментов, характеризующих организацию, где осуществляется преступная деятельность. Они включают в это понятие фактический и юридический адрес юридического лица, его организационно-правовую форму, структуру, подчиненность и другие моменты [4, с. 3–4]. С момента заключения договора, юридическое лицо, взявшее на себя определенные обязательства, получает деньги или имущество, однако в установленный срок не исполняет условий договора. В этих случаях следует, как правило, период разрешения возникшего конфликта. Очевидно, что фактор времени – это «элемент криминалистической характеристики преступления, отражающий его существование во времени с момента начала преступной деятельности, длительности ее развития, последовательности фаз и периодов до момента ее окончания» [12, с. 6]. Взаимодействуя с объектами обстановки, физическими и юридическими лицами, субъект преступления тем самым «включает» часы индивидуального времени определенного объекта, которые начинают его отсчет с момента следообразования. Отсюда следует, что в ходе производства по делу важно установить начало и конец взаимодействия, что будет соответствовать моментам времени [12, с. 9].

Кроме того, взаимосвязь времени, места совершения преступления, обстановки и умысла как элементов криминалистической характеристики проявляется в отсутствии: а) обоснования взятых на себя обязательств и извлечения планируемой прибыли; б) выполнения конкретных производственно-финансовых операций. Заверяя о наличии перечисленных обстоятельств, мошенники формируют ложное представление о фактической обстановке своей деятельности, маскируя свой преступный замысел. С момента невыполнения договорных обязательств: (полного или в какой-либо части), мошенник делает все возможное для того, чтобы максимально затруднить общение. Для этого он изменяет фактический адрес офиса, вводит пропускной режим, открывает новые юридические лица, в наименование которых умышленно включает элементы прежнего наименования.

Система экономических отношений является одной из составляющих внешней среды по отношению к преступной деятельности, влияет на характер и выбор способа совершения преступных действий, заставляя преступников приспосабливаться к изменениям, происходящим в ней. В свою очередь, взаимодействие преступной деятельности с любыми объектами внешней среды, как отмечают ученые-криминалисты, влечет преобразование компонентов среды функционирования последнего, которые в последующем становятся отправной точной криминалистического исследования, позволяя восстановить подлинную картину события преступления [7, с. 16].

Таким образом, между преступной деятельностью мошенников и системой экономических отношений существует определенная взаимозависимость: с одной стороны, результаты взаимодействия преступной деятельности с функционирующей законной экономической деятельностью находят отражение в следовой информации, с другой стороны, последняя оказывает влияние на способы функционирования преступной деятельности. Изучение материалов уголовных дел показывает, что при рассматриваемом взаимодействии следовая информация, являясь обязательным элементом внешней среды, оказывает воздействие на преступную деятельность мошенников в выборе ими способов завладения имуществом, действий по подготовке и особенным образом по сокрытию следов преступления.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что мошенник, начиная с возникновения у него умысла на совершение того или иного преступления, предвидит возможные последствия, которые могут произойти при достижении поставленной перед ним цели, в том числе и в виде следовой информации, содержащей доказательства его противоправных действий. В связи с этим, «субъект преступной деятельности осознанно выбирает такие действия, которые, по его мнению, не оставляют следов, т.е. не отражают способ совершения преступления» [6, с. 23].

Выбор способа совершения мошенничества в сфере экономики предполагает выбор преступником способа отражения его действий в системе законной экономической деятельности, т.е. образно можно сказать, что мошенник сам выбирает след преступления. Криминалистическое значение места и времени совершения мошенничества определяется тем, что они позволяют выделить конкретное преступление, определить его во временном интервале и пространственных, территориальных рамках. Установление данных обстоятельств и их взаимосвязи является одной из задач расследования. Кроме того, эти данные входят в предмет доказывания по делу и связывают остальные его элементы.

Список использованных источников

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики. Т.3. – М., 1997. С. 315–316.
2. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. С.99.
3. Густов, Г.А. Расследование должностных хищений в торговле. Ч.1 Криминалистическая характеристика преступлений. – Л., 1991. С. 30.
4. Данилова, Н.А., Сологуб, Н.М. Криминалистическая характеристика и краткие программы расследования хищений собственности юридических лиц. СПб., 1992. С.3-4.
5. Дулов, А.В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. – Мн., 1985. С.59.
6. Зуйков, Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Автореферат дис. ... док. юрид. наук. М.: ВШ МВД СССР, 1970. С.23.
7. Ишигеев, В.С. Обстановка совершения преступления и ее уголовно-правовое значение: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – СПб., 1996. С. 19.
8. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – М., 1996. С. 51-52.
9. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. С. 23.
10. Ларичев, В.Д. Как уберечься от мошенничества в сфере бизнеса: Практическое пособие. – М.: Юристъ, 1996. С. 10–11.
11. Матушкина, Н.В. Криминалистическая модель преступной деятельности по уклонению от уплаты налогов и ее использование в целях выявления и раскрытия преступлений этого вида. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1997. С. 16.
12. Мешков, В.М. Установление временных характеристик при расследовании преступлений. Н.Новгород, 1993. С. 6.
13. Образцов, В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. С.32.
14. Яблоков, Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. С.35.

ИНСТИТУТ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ласюк О.И., студент юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Кучура П.И.* доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Глава 28¹ Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) была введена Законом Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые Законы Республики Беларусь» [1]. Этим самым в ГПК был введен институт заочного производства. Словарь русского языка С.И. Ожегова говорит нам, что слово «заочный» буквально значит какое-либо действие, «происходящее в отсутствии заинтересованного лица» [2, с. 274]. Если связывать этот термин с гражданским судопроизводством, то это означает, что процесс проходит в отсутствие какого-либо участника по делу.

О.В. Бодакова в статье «Особенности заочного производства в гражданском процессе: сравнительный анализ отечественного и зарубежного процессуального законодательства», опубликованной в 2008 году, отмечает, что «в настоящее время существует необходимость введения института заочного решения в гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь, поскольку заочное производство устанавливает дополнительные гарантии для реализации принципа состязательности гражданского процесса, обеспечивает повышение уровня ответственности сторон за свои действия (бездействие) и, следовательно, содействует эффективному осуществлению правосудия» [3].

Так, в 2011 г. в суды Республики Беларусь в порядке гражданского судопроизводства обратилось более 360 000 граждан. С вынесением решения рассмотрено 326 795 гражданских дел. В дополнение к этому по гражданским делам судебные дела откладывались 1 622 раза, из них из-за неявки ответчика – 750 (46,2 %) [4, с. 10–11].

Согласно ст. 334¹ ГПК основанием для заочного производства может служить неявка в судебное заседание ответчика, а при участии в деле нескольких ответчиков – неявка в судебное заседание всех ответчиков. Причем законодатель вводит дополнительные условия, осуществления заочного производства по причине неявки ответчика либо ответчиков. К таким условиям относятся:

- 1) надлежащее извещение ответчика о времени и месте судебного заседания;
- 2) несообщение ответчиком уважительных причин неявки;
- 3) отсутствие просьбы ответчика о рассмотрении дела в его отсутствие;
- 4) согласие истца на рассмотрение дела в порядке заочного судопроизводства.

Заочное производство имеет место быть только при полной совокупности вышеперечисленных условий.

Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2012 г. № 9 «О практике рассмотрения судами дел в порядке заочного производства» содержит положение о том, что при участии в деле третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, их согласие на рассмотрение дела в порядке заочного производства является обязательным, поскольку в силу ч. 1 ст. 65 ГПК Республики Беларусь

они имеют все права и обязанности истца [5]. Отсутствие согласия третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, не препятствует рассмотрению дела в заочном производстве.

Также ст. 334¹ ГПК устанавливает, что суд вправе рассмотреть дело в порядке заочного производства, если признает, что ответчик умышленно затягивает судебный процесс по гражданскому делу. Вопрос признания факта умышленного затягивания судебного процесса решается судом исходя из конкретных обстоятельств, которые об этом свидетельствуют.

Кроме того, согласно ст. 70 ГПК стороны вправе вести свои дела в суде лично либо через представителей. Представитель, совершая в суде процессуальные действия от имени и в интересах представляемого, тем самым дает возможность указанному лицу (по его усмотрению) не являться в суд на рассмотрение дела. То есть ответчик, направляя в судебный процесс своего представителя, может лично не участвовать в судебном разбирательстве дела. С учетом изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что гражданское дело в случае неявки в судебное заседание ответчика не может быть рассмотрено судом в порядке заочного производства, если при рассмотрении данного дела от имени и в интересах отсутствующего ответчика участвовал в судебном процессе его представитель [6, с. 14].

О.В. Бодакова и В.Г. Тихиня придерживаются такой точки зрения, при которой изменение истцом предмета или основания своего иска, а также увеличения размера своего иска не представляется возможным без уведомления неявившейся стороны о своем намерении совершить такие действия [7, с. 11; 6, с. 14].

Подтверждением тому служит ч. 4 ст. 334¹ ГПК. В ней сказано, что при изменении истцом предмета или основания иска, увеличении размера исковых требований суд не вправе рассматривать дело в этом судебном заседании в порядке заочного производства. Однако в главе 28¹ ГПК не установлены возможные варианты дальнейших событий в случае извещения ответчика о своих намерениях совершить вышеуказанные действия и случаи уменьшения размера своего иска. Данные неурегулированные вопросы являются пробелами в гражданском процессуальном законодательстве.

Рассмотрение дела в порядке заочного производства проводится судом согласно общим правилам проведения судебного разбирательства, урегулированным гл. 27 ГПК. О рассмотрении гражданского дела в порядке заочного производства судом первой инстанции выносится определение. По результатам рассмотрения дела, суд выносит заочное решение, руководствуясь ст. 302–306 ГПК. Решение, вынесенное в порядке заочного производства, вступает в силу с момента истечения срока на кассационное обжалование, если оно не было обжаловано.

Нельзя не согласиться с мнением В.Г. Тихини о том, что процедура заочного производства в гражданском процессе не должна влиять на качество выносимого судом решения по делу, в противном случае суд должен отложить или приостановить производство по такому делу [8, с. 6].

Согласно ст. 334³ ГПК копия заочного решения суда высылается ответчику, истцу и другим юридически заинтересованным в исходе дела лицам, не присутствовавшим на судебном заседании, не позднее 3 дней со дня принятия этого решения с уведомлением об ее вручении. Ответчик вправе подать в суд, принявший заочное решение, заявление об отмене этого решения в течение 10 дней со дня вручения ему копии решения.

Заочное решение по гражданскому делу, согласно ст. 334⁶ ГПК, подлежит отмене, если судом будет установлено, что неявка ответчика была вызвана уважительной причиной, о которой он не имел возможности сообщить суду.

В случае обжалования заочного решения, вынесенного судом, применяются нормы ст. 334⁷ ГПК, в которых говорится о том, что после вынесения определения об отмене заочного решения суда и о возобновлении рассмотрения дела оно рассматривается судом на общих основаниях.

Однако в случае неявки ответчика при новом рассмотрении дела оно не может быть пересмотрено в порядке заочного производства. На наш взгляд, данная дефиниция может дать право ответчику злоупотреблять этим и находиться в состоянии постоянного «круговорота» в судебном разбирательстве и, как следствие, затягиванию судебного процесса.

Таким образом, заочное производство в гражданском процессе – это рассмотрение дела в отсутствие ответчика (либо ответчиков) с согласия истца, при условии надлежащего уведомления ответчика о месте и времени судебного разбирательства, отсутствии уважительных причин неявки ответчика, а также отсутствие просьбы ответчика о рассмотрении дела в его отсутствие. Институт заочного производства направлен на эффективное осуществление правосудия, а также стимулирование ответчика к добросовестному выполнению своих процессуальных обязанностей и оперативности защиты своих прав и интересов участников гражданского судопроизводства.

Список использованных источников

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые Законы Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2012 г. № 337-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Мир и образование, 2004. – 1200 с.
3. Бодакова, О.В. Особенности заочного производства в гражданском процессе: сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодательства / О.В. Бодакова // Промышленно-торговое право. – 2008. – № 1.
4. Информация о работе судов Республике Беларусь в 2011 году // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 3. – С. 10–11.

5. О практике рассмотрения судами дел в порядке заочного производства : постановление Пленума Верховного Республики Беларусь от 21 дек. 2012 г., № 9 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

6. Тихиня, В.Г. Рассмотрение в судах гражданских дел в порядке заочного производства / В.Г. Тихиня // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 8. – С. 13–15.

7. Бодакова, О.В. Заочное производство в гражданском процессе : автореф. дис...канд. юрид. наук : 12.00.15 / О.В. Бодакова. – Минск, 2009. – 26 с.

8. Тихиня, В.Г. Институт заочного производства в белорусском гражданском процессе: актуальные проблемы правотворчества / В.Г. Тихиня // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2010. – № 3. – С. 4–12.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ЗВУКОЗАПИСИ И ИНЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Кастриович А.А., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»
Научный руководитель: *Кучура П.И.*, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Помимо общепризнанных и общеизвестных средств доказывания, к которым относятся показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, в гражданском процессе суд для наиболее полного и правильного разрешения дела имеет право использовать такое средство доказывания, как звукозапись, видеозапись, кино- и видеofilмы, а также другие носители информации. Согласно ст. 114 Конституции Республики Беларусь разбирательство дел во всех судах открытое.

Данный вопрос в законодательстве Республики Беларусь регламентируется статьей 229 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) в соответствии с которым суд с учетом обстоятельств дела может допустить в качестве средств доказывания звуко- и видеозапись, кино- и видеofilмы, а также записи на иных носителях информации. Их исследование осуществляется по правилам, предусмотренным для письменных и вещественных доказательств. Лица, ходатайствующие о допуске таких средств доказывания, обязаны указать технические данные о системах записи и воспроизведения, позволяющих суду воспринять информацию.

Основной целью использования данных средств доказывания в первую очередь является точность фактов, которые могут повлиять на дальнейшее рассмотрение дела в суде, наиболее полно и быстро. Немаловажной целью рассматриваемых средств доказывания является возможность воспроизводить и использовать их неоднократно количество раз.

Действующее гражданское процессуальное законодательство в общих чертах регулирует порядок использования звуко- и видеозаписи в суде по гражданским делам:

во-первых, лица, ходатайствующие о допуске в процесс таких средств доказывания, обязаны указать технические данные о системах записи и воспроизведения;

во-вторых, не может быть использована в качестве доказательства звуко- или видеозапись, полученная скрытым путем, за исключением случаев, когда такая запись допускается законом;

в-третьих, исследование указанных носителей информации осуществляется по правилам, предусмотренным для письменных и вещественных доказательств [1, с. 172].

В качестве средств доказывания по гражданскому делу могут быть допущены:

любительские и профессиональные записи, изготовленные вне связи с производством по делу, но содержащие сведения, эпизоды, которые подтверждают обстоятельства, имеющие значение для дела (например, по делу о разделе совместно нажитого имущества супругов, об освобождении имущества от ареста доказательством может выступать кино- или видеозапись свадебного торжества, на которой запечатлено одаривание новобрачных; по делу об опровержении сведений, порочащих честь и достоинство, распространенных средствами массовой информации – фрагмент теле- или радиопередачи);

записи, произведенные юридически заинтересованными в исходе дела лицами специально для фиксации обстоятельств, имеющих значение для дела (например, звуко- или видеозапись момента заключения сторонами сделки);

записи, изготовленные в ходе производства по уголовному или гражданскому делу [2, с. 327].

Основными принципами, определяющими применение в качестве средств доказывания в гражданском процессе звуко- и видеозаписей и записей на иных носителях информации, являются следующие:

во-первых, открытый характер их получения. Под записью, полученной скрытым путем, следует понимать такую запись, производство которой было специально организовано в условиях неизвестности для лица, в отношении которого она будет представлена как доказательство. Запись, полученная скрытым путем, может быть использована в качестве доказательства только в случаях, когда производство такой записи допускается законом (ч. 3 ст. 229 ГПК). К ним можно отнести, в частности, получение записи в ходе санкционированного прокурором прослушивания телефонных и иных переговоров;

во-вторых, обязательное сообщение суду лицом, ходатайствующим о допуске таких средств доказывания, технических данных о системах записи и воспроизведения, позволяющих воспринимать информацию (ч. 1 ст. 229 ГПК) [2, с. 327].

Некоторые правовые институты в Англии развиты больше, чем в Беларуси, что объясняется разными причинами. Например, стремительное развитие технической оснащённости судов привело к широкому использованию в английском гражданском процессе аудио- и видео средств [5].

Практические указания к части 32 Правил гражданского судопроизводства (далее – ПГС) Англии содержат правила о видеоконференции. Использование видеоконференции в процессе призвано сократить расходы и время. Однако она не может в полной мере компенсировать физического отсутствия в суде свидетеля. В связи с этим суду надлежит учитывать всю совокупность обстоятельств при принятии решения о проведении видеоконференции, чтобы не только сэкономить время и расходы, но и способствовать эффективному и справедливому разрешению дела [3].

Видеоконференция проводится по решению суда при наличии ходатайства заинтересованных лиц и при соблюдении ряда условий, указанных в ПГС [3].

Мы считаем правильным и обоснованным использование в гражданском (и не только) процессе видеоконференций, так как использование данной методики проведения судебных разбирательств позволит сократить расходы, следовательно наиболее полно осуществится один из принципов гражданского процессуального права – принцип процессуальной экономии. При использовании данной техники ведение дел станет минимально затратным по времени, средствам, что обеспечит своевременное разрешение дел.

Не может быть использована в качестве доказательства звуко- или видеозапись, полученная скрытым путем, за исключением случаев, когда такая запись допускается законом. Анализируя данную норму мы приходим к выводу, что прежде чем начать записывать свой разговор с собеседником, факт фиксации разговора должен быть сообщен вашему собеседнику, который, в свою очередь должен выразить свое отношение к данному обстоятельству, т.е. согласиться или отказаться от записи вашей беседы.

Одним из актуальных вопросов применения звукозаписи является вопрос использования звукозаписывающей аппаратуры во время судебного заседания. Согласно ч. 4 ст. 271 ГПК участники гражданского судопроизводства, присутствующие на открытом судебном заседании, имеют право фиксировать письменно или с использованием магнитофонной записи ход судебного разбирательства дела с занимаемых ими в зале заседания мест. Кино- и фотосъемка, видеозапись, прямая радио- и телетрансляция допускаются с разрешения суда и с учетом мнения юридически заинтересованных в исходе дела лиц, участвующих в деле. Эти действия не должны мешать нормальному ходу судебного разбирательства дела и могут быть ограничены во времени.

Считаем правильным использование звукозаписывающей техники в судебном заседании в связи с тем, что это позволит более полно и четко проследить за ходом судебного заседания и ведением протокола, независимо от того, что при ознакомлении с протоколом юридически заинтересованные в исходе дела лица имеют право в 3-х дневный срок со дня подписания протокола подать письменные замечания на протокол с указанием на допущенные в нем неправильности и неполноту. Данный подход является разумным, так как при этом обеспечивается один из принципов гражданского процесса – принцип гласности судебного разбирательства.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что использование технических средств, т.е. запись разговоров, видеозапись, должно осуществляться только гласным образом и с согласия участвующих в данном разговоре лиц. Одним из обязательных условий использования данной техники является уведомление об использовании средств звуко- и видеозаписи, а также разрешение на их использование и дальнейшее применение.

Список использованных источников

1. Тихиня, В.Г. Гражданский процесс : учебник / В.Г. Тихиня. – Минск : ТетраСистемс, 2009. – 496 с.
2. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Л.И. Бакиновская [и др.] ; под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, И.А. Мирониченко. – Минск : Тесей, 2005. – 864 с.
3. Довгялло, Ю.Д. Доказательства в английском гражданском процессе (основные правила) / Ю.Д. Довгялло // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

ИНСТИТУТ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В СЛУЧАЕ НЕЯВКИ СТОРОН НА СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Станкевич М.В., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Матвийчук С.Б.*, к.ю.н., доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Право на судебную защиту – одно из основных прав человека. Данное положение нашло свое отражение в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» [1]. В

Республике Беларусь каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки [2].

Необходимо отметить, что для полного, всестороннего и объективного рассмотрения дела необходимо присутствие обеих сторон. Однако судебная практика показывает, что неявка одной из сторон в зал судебного разбирательства является основной причиной отложения приостановления разбирательств по гражданским делам, из-за чего наблюдается увеличение продолжительности судопроизводства. Статьи 161 и 282 Гражданского процессуального Кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) предусматривает возможность приостановления или отложения производства по делу судом в случае наличия у стороны уважительной причины для неявки на процесс [3]. В связи с этим возникает ряд проблем: значительное увеличение продолжительности судебного разбирательства; использование неявки в зал судебного разбирательства для затягивания судебного процесса; утрата доверия граждан к судам, как к органам осуществления правосудия [4].

Все это ухудшает сам процесс рассмотрения дела в суде, а также уменьшает возможность эффективного восстановления нарушенных прав и законных интересов. В данном случае представляется необходимым ужесточение порядка поведения сторон при рассмотрении дела в суде. А именно: введение обязательства предупредить суд о причинах неявки в зал судебного заседания заранее; в случаях, когда сторона могла предупредить о причине своей неявки, но не сделала этого возможно введение административного наказания в виде штрафа; кроме того, необходимо предоставить суду возможность заочного рассмотрения дела. Следует отметить, что п. 1, 2, 3 ст. 161 ГПК уполномочивают суд приостановить производство по делу при наличии у стороны объективной причины неявки в судебное заседание. В свою очередь, ч. 3 ст. 282 ГПК предоставляет суду право отложить разбирательство дела, если обстоятельства, послужившие основанием отсутствия юридически заинтересованных в исходе дела лиц, извещенных должным образом, являются уважительными. Таким образом, суд решает вопрос о приостановлении или отложении производства по делу в зависимости от предполагаемой продолжительности действия уважительных причин неявки стороны на процессе.

Конституционное право граждан на судебную защиту реализуется путем предоставления каждому возможности беспрепятственно обратиться в суд за защитой прав и законных интересов. Для проведения всестороннего, объективного и состязательного судебного разбирательства необходимо присутствие в зале суда обеих сторон процесса.

Вместе с тем, как показывает судебная практика, неявка истца и (или) ответчика встречается достаточно часто и является основной причиной отложения, приостановления разбирательств по гражданским делам и, соответственно, значительного увеличения продолжительности судопроизводства.

В настоящее время одним из наиболее актуальных является вопрос совершенствования норм, направленных на обеспечение явки участников судебного процесса, а также непрерывности судебных заседаний, которые содействовали бы реализации конституционного права на судебную защиту, правильному и своевременному рассмотрению поступающих в суды гражданских дел.

Достаточно распространены случаи, когда суд приостанавливает производство по делу вследствие неявки одной из сторон по объективной причине, но на новое судебное заседание данная сторона вновь не является по неуважительным обстоятельствам, и суд рассматривает дело по существу. Следовательно, зачастую суды изначально имеют объективную возможность рассматривать дела заочно, без участия неявившейся стороны, а не затягивать судопроизводство на несколько месяцев (хотя этого и требует в данном случае действующее законодательство).

Заочное рассмотрение дела – рассмотрение гражданского дела в отсутствие истца или ответчика, надлежащим образом извещенного о времени и месте судебного заседания и не заявившего просьбу рассмотрения дела в его отсутствие, если суд признает причины неявки уважительными с согласия присутствующей стороны, либо если сведения о причине неявки отсутствуют [4].

Что касается возможности заочного рассмотрения дела, то в 2002 г. была утверждена Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь, в которой предусматривалась разработка института вынесения судом заочного решения (возможности рассмотрения дела по существу на основании имеющихся доказательств в отсутствие ответчика, надлежащим образом извещенного о слушании дела, если со стороны истца нет возражений), что ускорит развитие и окончание судебного процесса [5].

Институт вынесения судом заочного решения существует в Российской Федерации, Украине. По действующему процессуальному законодательству Российской Федерации заочным производством признается порядок рассмотрения и разрешения конкретного гражданского дела в случае неявки ответчика, надлежащим образом извещенного о времени и месте судебного заседания, не сообщившего об уважительных причинах неявки и не просившего о рассмотрении дела в его отсутствие, если против этого не возражает истец, с вынесением решения, именуемого заочным [6]. Так, в ст. 233 Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации указаны основания для заочного производства.

1. При неявке в судебное заседание ответчика, извещенного о времени и месте судебного заседания, не сообщившего об уважительных причинах неявки и не просившего о рассмотрении дела в его отсутствие, дело может быть рассмотрено в порядке заочного производства. О рассмотрении дела в таком порядке суд выносит определение.

2. При участии в деле нескольких ответчиков рассмотрение дела в порядке заочного производства возможно в случае неявки в судебное заседание всех ответчиков.

3. В случае если явившийся в судебное заседание истец не согласен на рассмотрение дела в порядке заочно-

го производства в отсутствие ответчика, суд откладывает рассмотрение дела и направляет ответчику извещение о времени и месте нового судебного заседания.

4. При изменении истцом предмета или основания иска, увеличении размера исковых требований суд не вправе рассмотреть дело в порядке заочного производства в данном судебном заседании [7].

Гражданский процессуальный Кодекс Украины не дает прямого определения заочного производства и решения. Однако из анализа норм главы 8 раздела III Кодекса, приходим к выводу, что заочное производство – это частный случай искового производства, инициируемого исключительно по согласию истца и не имеющего состязательного характера, в котором рассмотрение дела происходит без участия ответчика, извещенного надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дела, который не предоставил словесных объяснений по существу спора и не просил о рассмотрении дела без его участия. С учетом этого, под заочным решением следует понимать решение, постановленное по результатам заочного производства, в отношении которого процессуальное законодательство, кроме общего, предусматривает специальный порядок обжалования [8]. В статье 224 Гражданского процессуального Кодекса Украины указаны условия проведения заочного рассмотрения дела.

1. В случае неявки в судебное заседание ответчика, который надлежащим образом уведомлен и от него не поступило заявление о рассмотрении дела в его отсутствие, или если сообщенные им причины неявки признаны неуважительными, суд может принять заочное решение на основании имеющихся в деле доказательств, если истец не возражает против такого решения дела.

2. В случае участия в деле нескольких ответчиков заочное рассмотрение дела возможно в случае неявки в судебное заседание всех ответчиков.

3. В случае изменения истцом предмета или основания иска, изменения размера исковых требований суд откладывает судебное разбирательство для сообщения об этом ответчику.

Таким образом, изучив вопрос неявки сторон в зал судебного разбирательства, а также рассмотрев институт заочного производства как возможного варианта решения данной проблемы, можно сделать следующие выводы: необходимо совершенствовать нормы гражданского процессуального права, направленные на обеспечение явки участников судебного процесса, а также непрерывности судебных заседаний [4]; нужно внедрять институт заочного производства с вынесением заочного решения в гражданский процесс, что поможет незамедлительно и эффективно рассмотреть заявления, поступающие в суд; в гражданском процессе Республики Беларусь институт заочного производства должен быть направлен на дальнейшее совершенствование судебной формы защиты прав физических и юридических лиц, а также на повышение качества осуществления правосудия по гражданским делам. Заочное судопроизводство делает работу судов более эффективной [10].

Заочное производство не является самостоятельным производством – оно не обусловлено природой материально-правового правоотношения, характером и основаниями рассматриваемых судом требований. Заочное производство альтернативно общему исковому производству. При этом заочное решение после вступления в законную силу по своим правовым последствиям ничем не отличается от обычного судебного решения. В литературе заочное производство называют упрощенной процедурой.

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой заочное производство не является сокращенным или упрощенным, поскольку порядок заочного разбирательства подчиняется общим правилам судебного разбирательства, но при этом имеет ряд особенностей. Основанием заочного производства является факт неявки ответчика в судебное заседание. При этом суд вправе рассмотреть дело в заочном производстве при условии отсутствия просьбы ответчика о рассмотрении дела в его отсутствие. Кроме того, истец должен дать согласие на рассмотрение дела в заочном производстве. Это обусловлено тем, что при рассмотрении дел в заочном производстве закон устанавливает ограничения для истца, которые могут его не устраивать: он не вправе изменить предмет или основание иска, увеличить размер исковых требований. Помимо этого, для ответчика существует упрощенный порядок отмены заочного решения. К числу проблем заочного производства следует отнести случаи множественности субъектов на стороне истца.

Нормы ГПК Российской Федерации регулируют только случаи вынесения заочного решения при соучастии на стороне ответчика. Возможность вынесения заочного решения при участии в деле нескольких истцов законом не предусматривается. Соучастие на стороне истца представляется сложным в связи с тем, что именно истцом должно быть дано согласие на рассмотрение дела по существу в порядке заочного производства. Если в деле участвует несколько истцов, то требуется выяснение мнения относительно заочного рассмотрения каждого из них. При этом если кто-либо из истцов возражает против рассмотрения дела в отсутствие ответчика, суд не вправе рассматривать дело в заочном производстве.

С целью обеспечения конституционного права граждан на судебную защиту и реализации принципа процессуальной экономии в законодательстве Республики Беларусь представляется целесообразным закрепить полномочие суда в случаях, предусмотренных п. 1, 2, 3 ст. 161 и ч. 3 ст. 282 ГПК, вместо отложения или приостановления производства по делу рассматривать гражданский спор в порядке заочного производства, которое предполагает льготный порядок обжалования заочного решения. Как отмечает А.П. Емельянов, заочное судопроизводство в ряде случаев позволяет избежать затягивания рассмотрения дел, что делает работу судов более эффективной [4, с. 97].

Не вызывает сомнений, что представитель, не являясь стороной по делу, обладает полномочиями на ведение этого дела в суде, действует от имени и исключительно в интересах истца или ответчика. Полагаем, что тем самым он обеспечивает им возможность не являться в судебное заседание. Следовательно, для проведения судебного разбирательства достаточно присутствия представителя стороны, поскольку в этом случае происходит

правомерное замещение ее личного участия. Таким образом, данный подход представляется единственно верным в указанной ситуации.

Необходимо подчеркнуть, что на практике зачастую имеют место случаи, когда суду не известны причины отсутствия стороны в судебном заседании. И, несмотря на обязанность юридически заинтересованных в исходе дела лиц извещать суд о причинах неявки (ч. 1 ст. 282 ГПК), иногда они по объективным обстоятельствам не имеют возможности своевременно представить суду доказательства уважительности этих причин. В то же время дело может быть рассмотрено без участия ответчика, надлежащим образом уведомленного о рассмотрении дела, если суд не располагает сведениями об основаниях его отсутствия (ч. 6 ст. 282 ГПК).

Список использованных источников

1. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 10.03.2013.
2. Бодакова, О.В. // Проблема неявки сторон на судебное разбирательство в гражданском процессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pac.by/dfiles/001835_741903_Bodakova_22.pdf. – Дата доступа: 10.03.2013.
3. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г., № 205 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
4. Заочное производство в гражданском процессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legalquest.ru/grazhdanskij-process/zaochnoe-proizvodstvo-v-grazhdanskom-process.html>. – Дата доступа: 10.03.2013.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2012 г., № 138-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/gpkrf/8_24.html. – Дата доступа: 10.03.2013.
6. Гражданский процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] / Юридические услуги Online. – Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws>. – Дата доступа: 10.06.2013.
7. Заочное производство в новом ГПК Украины: историческая закономерность или прихоть законодателя // ШКРЕБЕЦ&ПАРТНЕРЫ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shkrebet.com/rus/article21.html>. – Дата доступа: 10.03.2013.
8. Гражданский процессуальный кодекс Украины с изменениями от 06.11.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeks/gpk/>. – Дата доступа: 10.03.2013.
9. Тихиня, В.Г. Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследванні // Институт заочного производства в Белорусском гражданском процессе: актуальные правотворчества проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bir-ip.by/files.pdf>. – Дата доступа: 10.03.2013.
10. Исаченко, В.Л. Гражданский процесс. Практический комментарий на вторую книгу Устава гражданского судопроизводства : в 6 т. / В.Л. Исаченко. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912. – Т. 4. – 888 с.

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Щербитова Е.С., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Матвийчук С.Б.*, к.ю.н., доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Закрепленное в Конституции право на судебную защиту реализуется путем обращения в суд и совершения иных процессуальных действий, необходимых для рассмотрения дела по существу. Подобные действия могут совершаться лично субъектом, права и законные интересы которого нарушены, либо представителем, который действует в суде от его имени и в его интересах.

Представительство в суде – это процессуальная деятельность представителя, осуществляемая в пределах имеющихся у него полномочий от имени и в интересах сторон и других представляемых лиц.

Следовательно, сущность представительства заключается в том, что представитель осуществляет процессуальную деятельность в пределах имеющихся у него полномочий от имени и в интересах представляемых лиц. Личное участие в деле граждан не лишает их права иметь по этому делу представителей. Законные представители могут поручать ведение дел другому лицу, избранному ими в качестве представителя. Допускается участие в деле от имени и в интересах одного лица нескольких представителей.

Дела юридических лиц ведут в суде их органы или другие представители юридических лиц, действующие в пределах прав, предоставленных им законодательством и учредительными документами либо доверенностью. Коллегиальные органы управления юридических лиц ведут дела в суде через представителей.

Руководители юридических лиц, выступающие в качестве органов юридических лиц, предъявляют в суде документы, удостоверяющие их служебное положение, а при совершении распорядительных действий – учредительные документы, подтверждающие их право на совершение этих действий.

От имени организаций, не являющихся юридическими лицами, дела в суде ведут их руководители или представители руководителей.

Представителями в суде могут быть:

- 1) адвокаты;
- 2) работники юридических лиц – по делам этих лиц;
- 3) уполномоченные общественных объединений (организаций), которым законом предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы членов этих общественных объединений (организаций) и других лиц;
- 4) уполномоченные организации, которым законодательством предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы других лиц;
- 5) законные представители;
- 6) близкие родственники, супруг (супруга);
- 7) представители, назначенные судом;
- 8) один из процессуальных соучастников – по поручению этих соучастников;
- 9) патентный поверенный.

Адвокатом Республики Беларусь может быть гражданин Республики Беларусь, имеющий высшее юридическое образование, стаж работы по специальности не менее трех лет или не имеющий такого стажа, но прошедший стажировку по специальности, стажировку сроком от шести месяцев до одного года в адвокатуре, сдавший квалификационный экзамен и получивший специальное разрешение (лицензию) на осуществление адвокатской деятельности.

Представителями юридических лиц в суде могут являться работники этих лиц. Как правило, это работники, обладающие профессиональными знаниями, которые смогут полно и всесторонне представлять интересы юридического лица.

К числу общественных объединений, которые вправе представлять и защищать в суде интересы своих членов и других лиц относятся профессиональные союзы, общественные объединения потребителей, ветеранские организации и другие общественные объединения.

Законные представители – родители, усыновители, опекуны, попечители истца, или ответчика, или третьего лица, которым это право предоставлено законом, а также учреждения и организации, на попечении которых находится истец или ответчик, третье лицо.

Близкие родственники – родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки.

В гражданском процессе представительство допускается по всем делам и означает выполнение представителем от имени и в интересах представляемого процессуальных действий. Право вести дело в суде через представителя принадлежит сторонам и другим участвующим в деле лицам, при этом гражданин вправе лично участвовать в процессе наряду со своим представителем.

Суд назначает представителя стороне или третьему лицу в случаях:

- 1) отсутствия представителя стороны или третьего лица;
- 2) когда представитель не вправе вести судебное дело по основаниям, установленным Кодексом о браке и семье Республики Беларусь;
- 3) в других установленных законом случаях.

Полномочия представителей, назначенных судом, оформляются определением.

Патентный поверенный – гражданин, которому в соответствии с законодательством предоставлено право на представительство физических и юридических лиц перед государственным органом, осуществляющим непосредственное регулирование вопросов в области патентов и организациями, входящими в единую государственную патентную службу. Заинтересованное в исходе дела лицо подает ходатайство в суд о привлечении в дело представителя. Для удовлетворения ходатайства представитель должен быть дееспособным, иметь надлежащим образом оформленные документы, подпадать под перечень лиц, которые могут быть представителями в суде.

Представителями в суде не могут быть:

- 1) лица, не достигшие совершеннолетия, кроме несовершеннолетних родителей – по делам своих детей;
 - 2) лица, признанные в установленном законом порядке недееспособными или ограниченно дееспособными;
 - 3) судьи, следователи и прокуроры, кроме тех случаев, когда они участвуют в деле в качестве законных представителей недееспособных лиц, либо представителей суда, прокуратуры, либо другого органа расследования.
- Дееспособность гражданина – это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия или вступления гражданина в брак, или путем эмансипации.

Полномочия на ведение дела в суде дают представителю право на совершение от имени представляемого процессуальных действий.

Права представителя на подписание искового заявления, предъявление иска, передачу дела в третейский суд, полный или частичный отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения, изменение предмета или основания иска, а также размера исковых требований, передачу полномочий другому лицу (передовое), заявление ходатайств о приостановлении производства по делу по соглашению сторон, об обеспечении иска, о вынесении дополнительного решения, об отсрочке или о рассрочке исполнения решения, об изменении способа и порядка его исполнения, обжалование судебного постановления, дачу объяснений на жалобу (протест), предъявление исполнительного документа ко взысканию, получение присужденного имущества, в том числе денег, подачу заявления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам должны быть

специально оговорены в доверенности, выданной представляемым.

Проанализировав перечень лиц, которые могут быть представителями в суде, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, законодатель строго урегулировал круг лиц, которые могут быть представителями в суде и не дает права выбрать иное лицо, не подпадающее под перечень этих лиц.

Во-вторых, перечень лиц, которые могут быть представителями в суде, составлен так, что заинтересованное в исходе дела лицо при выборе представителя ориентировано на выбор более грамотного лица, например, представителем юридического лица может быть любой работник этого юридического лица. Также выбор остается у физических лиц, т.е., гражданин может представлять свои интересы сам, через адвоката или обратиться за защитой в соответствующие организации.

В-третьих, в законодательстве урегулирован перечень лиц, которые могут быть представителями в суде, несмотря на то что перечень состоит из пунктов, который идет в порядке возрастания, никакой иерархии в перечне нет.

В-четвертых, есть наглядные различия в статьях и условиях этих статей. Так, например, в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь не могут быть представителями в хозяйственном процессе лица, не обладающие полной дееспособностью (ст. 80 ХПК), а в Гражданском процессуальном Кодексе Республики Беларусь – лица, не достигшие совершеннолетия (ст. 73 ГПК). Следовательно, в хозяйственном процессе могут быть представителями лица, хотя и не достигшие совершеннолетия, но признанные полностью дееспособными в установленном порядке.

Следует отметить, что если лицо не имеет юридического образования, но подпадает под перечень лиц, закрепленных в законодательстве, то суд не имеет права отказать в доступе к процессу по мотивам отсутствия специального юридического образования. Данный факт можно трактовать двояко. Например, на родителей возложена обязанность защищать права и представлять интересы своих несовершеннолетних детей. Отсутствие у них юридического образования не означает, что они не могут выполнять свои обязанности. С обратной стороны нужно заметить, что если лицо имеет юридическое образование, согласно выступить представителем и способно полно и всесторонне защищать права и интересы представляемого, то законодательством запрещено ему участвовать в деле, если он не подпадает под перечень лиц, предусмотренных ст. 72 Гражданского процессуального Кодекса Республики Беларусь.

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ НОРМ КОНСТИТУЦИИ

Бондаренко А.А., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Кивель В.Н.*, к.ю.н., доцент, профессор кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Реализация конституционных норм происходит главным образом не через применение права, а через его исполнение, использование и соблюдение [5, с. 105].

Реализация Конституции может иметь опосредованный характер (через издание иных актов в соответствии с ее нормами), но она может иметь и прямое действие [6, с. 69].

Проблема прямого (непосредственного) действия конституционных норм всегда была и остается дискуссионной. При этом диапазон мнений по этому вопросу весьма широк: от утверждений, что нормы Конституции могут претворяться в жизнь только посредством их конкретизации в текущем законодательстве, до предположений, что все конституционные нормы могут применяться непосредственно. Наиболее широкое признание получило мнение о возможности непосредственного действия конституционных норм, определяющих права и свободы человека.

Основания для дискуссий не исчезли и после того, как в Конституции Российской Федерации 1993 г. было закреплено положение о том, что эта Конституция характеризуется не только высшей юридической силой, но и прямым действием (ст. 15). В немалой степени это обусловлено тем, что сам термин «прямое действие» достаточно четко не определяется ни в законодательстве, ни в научной литературе. Например, в Комментариях к Конституции Российской Федерации ее прямое действие связывается с тем, что нормы Конституции не могут быть изменены какими-либо законами. Одновременно отмечается, что в самой Конституции содержатся указания на необходимость принятия ряда федеральных законов, «чье действие будет способствовать развитию положений, закрепленных Основным Законом в общей форме» [4, с. 48].

Еще дальше от практической трактовки прямого действия Конституции находятся современные учебные издания. Так, признавая, что характерной чертой Конституции России является ее прямое действие, А.И. Коваленко отмечает, что в соответствии с этим конституционные нормы не нуждаются в каком-либо ином правовом подтверждении. «Это придает им действительную высшую юридическую силу и служит гарантом от их искажения» [3, с. 8]. Весьма уверенно, но без необходимой аргументации названный автор утверждает, что текущее (обычное) законодательство не может и не должно «развивать» или дополнять Конституцию. Оно призвано наполнять нормы Конституции конкретным содержанием. При этом сами конституционные нормы сохраняют свою определенность и высшую юридическую силу по отношению к нормам текущего законодательства [3, с. 9].

Но как же в самом деле следует понимать прямое (непосредственное) действие Конституции? Есть все ос-

нования полагать, что в данном случае речь должна идти о реализации конституционных норм при регулировании определенных общественных отношений, при рассмотрении конкретных юридических дел, в правоприменительной деятельности. Однако с практической точки зрения такая трактовка прямого действия Конституции сопряжена с большими трудностями, требующими ее теоретического обоснования. Дело в том, что конституционные нормы отличаются наивысшей степенью абстракции. Это и позволяет говорить о них как о нормах-принципах. В силу этого многие из них просто не могут выполняться непосредственно, особенно в случаях, требующих установления и реализации юридической ответственности.

В связи с этим и возникает необходимость в конкретизации конституционных норм в текущем законодательстве, причем не только в смысле уточнения содержащихся в них положений, но и их развития, даже дополнения определенным нормативным материалом. И это относится не только к конституционным нормам, предусматривающим издание так называемых органических законов, но и к нормам, закрепляющим основные права и свободы граждан. Едва ли могут возникнуть сомнения в том, что закрепленное в ст. 62 Конституции Республики Беларусь право каждого на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвоката, может реализоваться помимо его конкретизации в процессуальном законодательстве, в законе об адвокатуре.

Таким образом, обычной правовой формой реализации конституционных норм является их конкретизация в текущем законодательстве. Но это не значит, что нормы Основного Закона не могут и не должны применяться непосредственно. Суть проблемы заключается в том, чтобы определить условия, причем условия юридические, при которых это может или должно происходить. В противном случае не исключается игнорирование положений текущего законодательства и даже правовой произвол.

Теория и практика конституционного строительства, судебная практика позволяют сделать следующие выводы.

В правоприменительной и прежде всего в судебной практике непосредственное действие конституционных норм допустимо и даже необходимо в случаях пробелов в действующем законодательстве. Речь в данном случае идет о применении права по аналогии. Как известно, в таких случаях применяются общие или отраслевые принципы права. А конституционные нормы, в первую очередь определяющие основные права и свободы граждан, как раз и исполняют роль таких правовых принципов.

Вторым условием непосредственного применения конституционных норм является несоответствие Конституции норм текущего законодательства. Если при рассмотрении конкретного дела суд приходит к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции, он, согласно ст. 112 Основного Закона, принимает решение в соответствии с Конституцией и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным. Конституционные нормы применяются также Конституционным Судом при рассмотрении дел о конституционности нормативных актов в государстве и при даче заключений о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции Республики Беларусь (ст. 116 Конституции).

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями, принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Беларусь, 2005. – 64 с.
2. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: Учебник / Г.А. Василевич. – Минск : Книжный дом, 2010. – 768 с.
3. Коваленко А.И. Конституционное право Российской Федерации. М. : Артания, 1999. – 314 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л.В. Лазарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Новая правовая культура, Проспект, 2009. – 816 с.
5. Пугачев, А.Н. Конституционное право: учеб.-метод. комплекс для студ. юрид. специальностей : в 3 ч. Ч. 1 : в 3 кн. Кн. 1: Теоретические основы / А.Н. Пугачев, И.В. Вегера. – Новополоцк : ПГУ, 2009. – 364 с.
6. Чиркин, В.Е. Конституционное право России : учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристь, 2004. – 463 с.

ПОНЯТИЕ СГОВОРА В УГОЛОВНОМ И АНТИМОНОПОЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Махнёва Д.Ю., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Мартынюк А.И.*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Статья 245 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) устанавливает уголовную ответственность за установление или поддержание монопольных цен путем сговора индивидуальных предпринимателей или должностных лиц юридических лиц о деятельности на совместном рынке.

В уголовном праве понятие сговора об установлении или поддержании монопольных цен трактуется как достижение согласия между двумя или более субъектами хозяйствования о единых для участников сговора мо-

нопольных ценах на товары и услуги, обращаемые на совместном рынке [1, с. 556]. На наш взгляд, «достижение согласия» происходит в устной форме. Следует отметить, что Н.А. Бабий в определении сговора указал, что это не только достижение согласия, но и заключение соглашения, что вполне может быть оформлено в письменной форме [2].

В Законе Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. № 2034-ХІІ «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» термин «сговор» не употребляется. В статье 6 указывается: «Запрещаются и в установленном порядке признаются недействительными вступление в объединения или их создание (существование), заключение и осуществление в любой форме соглашений (согласованных действий) между хозяйствующими субъектами, договоренность осуществлять или осуществление других видов координированной деятельности, если это имеет целью или результатом (может иметь своим результатом) необоснованное (искусственное) повышение, снижение или поддержание цен, в том числе на аукционах и торгах». Можно заметить, что здесь речь идет о заключении соглашений или согласовании действий, что в теории уголовного права признается сговором.

Министерством предпринимательства и инвестиций Республики Беларусь в Инструкции по выявлению и пресечению антиконкурентных соглашений (согласованных действий) о ценах, утвержденной постановлением Министерства предпринимательства и инвестиций Республики Беларусь от 28 апреля 2000 года № 9 (далее – Инструкция), определено два типа ценовых соглашений: горизонтальные и вертикальные.

Горизонтальные соглашения между хозяйствующими субъектами предполагают вступление в объединения или их создание (существование), заключение и осуществление в любой форме соглашений (согласованных действий) между хозяйствующими субъектами, договоренность осуществлять или осуществление других видов координированной деятельности, если это имеет целью или результатом (может иметь своим результатом) необоснованное (искусственное) повышение, снижение или поддержание цен, в том числе на аукционах и торгах. Данный вид соглашений направлен на поддержание чрезмерно высоких или чрезмерно низких цен. В первом случае целью соглашения обычно является получение дополнительной прибыли за счет потребителя. Во втором случае договоренности между хозяйствующими субъектами направлены на ограничение доступа на рынок новых хозяйствующих субъектов.

Вертикальные соглашения между хозяйствующими субъектами представляют собой полностью или частично достигнутые в любой форме соглашения (согласованные действия) хозяйствующих субъектов, один из которых занимает доминирующее положение на товарном рынке, а другой является его контрагентом, если такие соглашения (согласованные действия) имеют либо могут иметь своим результатом устранение, ограничение конкуренции или воспрепятствование ее установлению или развитию.

Как видно, в Инструкции речь идет о достигнутых в любой форме соглашениях (согласованных действиях).

Но уже в п. 2 Инструкции указано: «Формой ценовых соглашений является сговор по определению цен на товары и оказываемые услуги, устанавливаемый в устном или письменном виде», а в пп. 2.1 п. 2: «Формой ценовых соглашений является также обмен информацией в области цен. Многосторонний обмен информацией монополистами рассматривается как свидетельство сговора».

Таким образом, в антимонопольном законодательстве сговор отождествляется с обменом информацией, заключением соглашения (достижением согласия). На наш взгляд, следует обратить внимание на необходимость согласованности понятия «сговор» в уголовном и антимонопольном законодательстве.

Список использованных источников

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

2. Бабий, Н.А. Преступления против порядка осуществления монополистической деятельности и добросовестной конкуренции (комментарий к ст. 245 «Установление или поддержание Монопольных цен» главы 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» Уголовного кодекса Республики Беларусь) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

ХОЛДИНГ КАК СУБЪЕКТ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Радьков К.М., студент юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Мартынюк А.И.*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Возможности осуществления предпринимательской деятельности субъектами хозяйствования весьма разнообразны. Довольно интересным способом ведения предпринимательской деятельности нами видится право объединения нескольких субъектов хозяйствования в холдинг.

Правовая основа функционирования холдинга базируется на Указе Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2010 г. № 660 «О некоторых вопросах создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь» (да-

лее – Указ). Согласно п. 1 и п. 2 Указа, холдинг представляет собой объединение юридических лиц, при этом сам холдинг юридическим лицом не является. В национальном законодательстве понятия такой организационно-правовой формы, как организация без статуса юридического лица нет. Так, например подраздел 2 раздела I Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), определяющий лиц – участников гражданских правоотношений, такого понятия не содержит. Исходя из изложенного, объем прав и обязанностей холдинга следует определять в первую очередь, анализируя специальное законодательство, непосредственно регулирующее правовое положение холдингов.

Особое правовое положение холдингов, исходя из того, что они не являются юридическими лицами, заключается в следующем:

- холдингу не требуется формировать уставный фонд;
- холдинг не может эмитировать ценные бумаги;
- холдинг не может совершать сделки от своего имени;
- холдинг не вправе выступать нанимателем в трудовых отношениях;
- создание холдинга происходит по правилам, отличным от правил создания юридических лиц.

Таким образом, в рамках белорусской правовой системы, холдинг следует рассматривать исключительно как форму управления капиталом, в которой управляющая компания, исходя из поставленных перед ней целей и задач, координирует деятельность участников холдинга.

Вследствие такой консолидации теоретически может возникнуть монополия на товарном рынке, например различные производители однородной продукции под видом холдинга, фактически могут выступать картелем или синдикатом, – т.е. монополистическим объединением, которое, как отмечает О.А. Беляева, основывается на соглашениях и согласованных действиях, ограничивающих конкуренцию, направленных на установление (поддержание) цен, скидок, надбавок; повышение (снижение), поддержание цен на аукционах и торгах; раздел рынка по территориальному принципу, объему продаж и закупок, ассортименту товаров; ограничение доступа на рынок другим хозяйствующим субъектам; отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями [1, с. 289–290].

Именно благодаря этому, на наш взгляд, законодатель устанавливает государственный контроль за созданием холдингов. Так пункт 1 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. № 2034-ХІІ «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон) устанавливает, что в целях предупреждения возникновения и предотвращения усиления доминирующего положения на товарных рынках в Республике Беларусь осуществляется государственный контроль за созданием, реорганизацией и ликвидацией хозяйствующих субъектов. Пункт 2 ст. 11 Закона устанавливает, что создание, реорганизация холдинговых компаний, союзов, ассоциаций и других объединений хозяйствующих субъектов осуществляются после получения согласия антимонопольного органа, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь.

Приведенные требования Закона являются превентивными мерами для недопущения создания монополии под видом холдинга. Однако создание холдинга не является обязанностью для субъектов хозяйствования, это их право. На стадии согласования совместной деятельности субъекты хозяйствования будут выступать объектом регулирования п. 2 ст. 11 Закона при условии создания ими холдингов и других объединений хозяйствующих субъектов. Соответственно, если они этого не сделают, то и субъектами антимонопольного регулирования в рассматриваемом контексте они не будут.

Холдинг как форма объединения субъектов хозяйствования предполагает наличие управляющей компании, которая принимает решение о создании холдинга и является управляющей в силу возможности оказывать влияние на решения, принимаемые участниками холдинга. Создание холдинга, на наш взгляд, может быть опосредовано двумя ситуациями:

одно из юридических лиц, потенциальных участников холдинга подпадает под критерии управляющей компании, согласно пп. 1.1 п. 1 Указа;

никто из потенциальных участников холдинга не подпадает под критерии управляющей компании.

Если в первом случае решение о создании холдинга принять будет довольно просто, то во втором, для того чтобы объединиться в холдинг, потенциальным участникам нужно будет сначала создать управляющую компанию, и, как следствие, потерять часть своей независимости.

Ввиду необходимости потери независимости, такая форма объединения может быть неприемлемой для некоторых потенциальных участников. Ранее в белорусской правовой системе существовала такая форма объединения юридических лиц, как хозяйственная группа, управление которой могло происходить, например, путем вынесения совместного решения участниками хозяйственной группы. Именно форма управления разными видами объединений, как отмечает Я.И. Функ, теоретически могла выступать объективной основой их разграничения между собой [2, с. 42–45].

Полагаем, что отсутствие в правовой системе приемлемой формы для объединения юридических лиц (без образования юридического лица) подталкивает субъекты хозяйствования к тому, что они будут согласовывать свою деятельность не путем вхождения в объединение или его создание, а каким-то другим способом. Таким образом, мы считаем необходимым расширить перечень форм объединений юридических лиц с правом самостоятельного принятия решения относительно способа управления таким объединением.

Подчеркнем, что вхождение в холдинг является правом, однако содержание договоров, соглашений, сделок между субъектами хозяйствования может свидетельствовать о том, что они выступают именно как холдинг (или другое объединение коммерческих организаций). В этой связи мы предлагаем заимствовать из такого гра-

жданско-правового института как сделки правило, закрепленное в п. 2 ст. 171 ГК, согласно которому притворная сделка, т.е. сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа сделки применяются относящиеся к ней правила.

Таким образом, при наличии достаточных оснований полагать, что субъекты хозяйствования выступают как какое-либо объединение, мы предлагаем применять к ним правила, определенные для соответствующих объединений с момента возникновения таких оснований, а так же считаем необходимым принудить таких субъектов хозяйствования зарегистрировать в установленном порядке фактически существующие объединения.

Подводя итог, обобщим сделанные нами выводы:

во-первых, на наш взгляд, следует увеличить перечень видов объединений юридических лиц с расширением возможных форм управления такими объединениями;

во-вторых, предлагаем считать объединение юридических лиц возникшим не с момента его государственной регистрации, а с момента наличия достаточных оснований считать, что объединение имеет место быть. Определение таких оснований считаем возможным выделить лишь после более глубокого анализа деятельности как холдингов, так и объединений, признанных монополистическими.

Список использованных источников

1. Беляева, О.А. Предпринимательское право : учеб. пособие / О.А. Беляева. – 2-е изд., испр. и доп.– М. : ИНФРА-М, 2009. – 339 с.

2. Функ, Я.И. Об исключении из белорусской правовой системы финансово-промышленных групп (комментарий к Закону Республики Беларусь от 9 июля 2012 года № 388-З / Я.И. Функ // Промышленно-торговое право. – 2013. – № 1.

ЭКСПЕРТИЗА ВЕЩЕСТВ И МАТЕРИАЛОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Пашко М.Н., студент юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: Стороженко С.Н., магистр юридических наук, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Вещества и материалы как источники информации о способе совершения и сокрытия преступления, преступнике, обстоятельствах преступного события используются давно. Так, еще в средние века исследование количественного состава золотых монет или ювелирных изделий позволяло установить факт их подделки. Морфологический анализ драгоценных камней давал возможность решать вопросы установления их подлинности и стоимости похищенного или выявленного. Однако как часть криминалистической техники раздел «Криминалистическое исследование веществ и материалов» сформировался в последние двадцать пять лет.

Предметом криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий (далее – КЭМВИ) являются фактические данные, устанавливаемые путем экспертного исследования вещественных доказательств в виде всевозможных веществ, материалов, изделий и их частей, а также предметов – носителей микрообъектов с помощью использования методов специальных естественных и технических наук, приспособленных к решению криминалистических материаловедческих задач.

Задачи КЭМВИ определяются в каждом конкретном случае ситуационно, в зависимости от обстоятельств дела. Правильно поставленная работа с материально-фиксированными источниками информации о событии преступления, заключающаяся в собирании (обнаружении, фиксации, изъятии) и предварительном исследовании материальных следов преступления, является необходимым условием для успешного выявления и расследования широчайшего спектра преступлений.

Методика обнаружения, фиксации и изъятия вещества или материала зависит от его природы, количества и той розыскной или доказательственной информации, которую следователь рассчитывает получить при их исследовании. Однако существует ряд общих рекомендаций.

Пятна и капли, образованные веществами (например, лакокрасочных или горюче-смазочных материалов), можно рассматривать с традиционных позиций трасологии, т.е. с точки зрения механизма их образования, а также как объекты криминалистического исследования веществ и материалов, изучая их состав, структуру и свойства.

Обнаружение значительных количеств веществ и материалов не вызывает больших затруднений. Сложнее обстоит дело с их фиксацией и изъятием. Вещества и материалы могут быть токсичными, агрессивными, быстро переходящими из одного агрегатного состояния в другое, что требует особых навыков при работе с ними на месте происшествия, соблюдения специальных мер безопасности. Неправильные действия по изъятию агрессивных веществ, оказывающих воздействие на упаковочные материалы (кислоты, щелочи и др.), может привести к их видоизменениям.

Сложности иного порядка возникают при работе с микроколичествами веществ и материалов (микрообъектами).

Обнаружение микрообъектов во время осмотра места происшествия является неотложной задачей, поскольку

ку при последующих операциях они могут быть утеряны или их местоположение изменено.

При обнаружении микрообъектов должны соблюдаться ниже следующие правила.

1. Все предметы первоначально осматриваются без каких-либо перемещений (в состоянии статики) либо перед этим под них помещают чистый лист глянцевой кальки или плотной бумаги.

2. Прикасаются к объекту чистыми инструментами (пинцеты, препаровальные иглы).

3. В случае возможности работы с объектами с помощью пальцев рук, использование резиновых перчаток обязательно.

4. Исключается соприкосновение разных частей предмета, его наружных и внутренних сторон.

Анализ экспертной практики показывает, что вопросы эксперту часто формулируются неточно, без должной определенности, например: «Что представляет собой данное вещество (фрагменты, частицы)?» или «Каким веществом образованы пятна?». Подобные вопросы не позволяют конкретизировать задачу исследования, а также существенно усложняют и замедляют ее решение, поскольку круг веществ и материалов весьма обширен. Другая ошибка – формулировка вопросов типа: «Одинаковы ли (однородны, сходны, идентичны) по химическому (элементному, молекулярному) составу данные вещества или материалы?». Вывод эксперта об одинаковом составе или однородности данных образцов веществ весьма труден для оценки и использования, поскольку лицо, назначившее экспертизу, не является специалистом в данной области знания и не может однозначно утверждать, достаточно ли этих сведений для отнесения сравниваемых объектов к одному виду, группе, единому источнику происхождения.

Правильнее задавать эксперту вопрос об общей родовой, групповой принадлежности объектов, общем источнике происхождения, принадлежности к продукции данного предприятия, одной партии, серии и пр.

Исходя из реальных достижений науки сегодня возможно применение современных методов исследования предметов, поступающих на экспертизу, но при этом возникает целый ряд различных противодействий.

Во-первых, нет исходных эталонов драгоценного металла, так называемых контрольных образцов, по причине их высокой стоимости, без которых невозможно применение эмиссионного спектрального анализа, так как данный метод является разрушающим.

Во-вторых, недостаточное обеспечение методическим материалом.

В-третьих, в связи с неограниченным поступлением большого количества товаров из иностранных государств возникает проблема индивидуализации предметов массового производства.

Поэтому проведение экспертизы, например, в целях доказать наличие в товаре опасных для организма человека веществ, во многих случаях оказывается попросту бесполезной, так как установить производителя без основополагающих данных весьма проблематично.

Необходимо отметить, что следователь не должен оставлять без внимания вопросы, которые могут быть решены на основе современных достижений криминалистической техники, отказываясь от производства экспертизы по мотивам быстроты и оперативности следствия. Полученные в ходе проведенной работы данные свидетельствуют о том, что нередко следователи с большим опозданием назначают криминалистические экспертизы, либо вообще не прибегают к помощи эксперта, довольствуясь свидетельскими показаниями, признанием обвиняемыми своей вины, информацией, полученной при осмотре места происшествия.

Следует констатировать, что не единичны случаи, когда следователями не назначаются экспертизы, хотя в том и существует необходимость, а ограничиваются другими, менее информативно значимыми доказательствами.

Таким образом, устранение вышеназванных недостатков приведет к наиболее эффективным результатам при проведении КЭМВИ.

Повышению эффективности КЭМВИ, на наш взгляд, будет способствовать оснащение экспертных лабораторий полным комплексом оборудования, необходимого для производства всех подвидов КЭМВИ, развитие методической и методологической базы данного вида исследований с целью последующей стандартизации исследований и создание автоматизированных рабочих мест эксперта по подвидам КЭМВИ.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ МЕТОДОМ ДНК-АНАЛИЗА

Снитко А.И., студент юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Стороженко С.Н.*, магистр юридических наук, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Началом истории ДНК следует считать 1869 год. Именно в этом году швейцарским ученым Иоганном Фридрихом Мишером была открыта ДНК. Однако, лишь в 40-х гг. XX в. ученые доказали, что именно ДНК является носителем генетической информации. Первым человеком, который обосновал возможность идентификации личности с использованием методов молекулярной генетики, был английский профессор Алек Джеффрис. Он обнаружил, что, несмотря на то что ДНК всех людей более чем на 99 % идентичны, в них существуют такие участки, которые индивидуальны у каждого человека. Именно индивидуальность структуры участков ДНК позволяет использовать их для идентификации.

В Беларуси первые генотипоскопические экспертизы начали проводиться в начале 90-х гг. прошлого века. Несмотря на высокую стоимость биологического исследования число экспертиз с каждым годом растет. Так, если в 1995 г. в ГЭКЦ было выполнено 9 генотипоскопических экспертиз, то в 2012 г. – более 900 экспертиз.

Предметами-носителями генетического материала (ДНК) являются любые выделения человеческого организма или частицы его тканей и органов. Даже в потожировых следах теоретически могут быть ядро-содержащие клетки. Идентификация личности на основании данных ДНК-анализа выполняет следующие основные задачи:

- установление половой принадлежности биологических следов и объектов;
- установление индивидуально-конкретного тождества биологических следов и объектов;
- установление биологического родства (отцовства, материнства и др.);
- установление генотипа неизвестных биологических объектов.

Если говорить о причинах, по которым именно молекула ДНК используется в идентификации, то следует выделить уникальность индивидуальной ДНК (в мире каждый человек генетически индивидуален, кроме однояйцевых близнецов), генетическое постоянство организма (генетическая информация, в отличие от состава белков или жиров, не изменяется в течение жизни, а также в зависимости от типа клеток, из которых была выделена ДНК), чувствительность метода (для современных методов ДНК-анализа достаточно даже нескольких капель крови, или образца слюны, которой наклеивалась почтовая марка на конверт), а также относительную стабильность молекул ДНК (молекула ДНК обладает повышенной устойчивостью к воздействиям окружающей среды).

Такое свойство ДНК, как стабильность, является для криминалистов ценным, поскольку позволяет проводить идентификацию по прошествии даже большого срока давности или когда останки человека не могут быть опознаны никакими другими методами (например, в случае авиакатастроф).

Следует отметить, что сегодня успешно анализируются застарелые пятна биологических жидкостей, любые смеси биологических выделений одного и того же индивидуума, а также биологические следы, содержащие загрязнения различного рода (красители с одежды, примеси почвы и т.п.).

Также современные методики позволяют выделить ДНК из смешанных биологических выделений двух и более лиц. Эта сложная процедура, в большинстве случаев которой возможно лишь выявление профиля. Сложности возникают в связи с тем, что различно количественное соотношение биологического материала, следовательно, профиль будет выявляться лишь там, где он превалирует.

Что касается лабораторных ошибок, то теоретически их возможность никогда нельзя исключать при проведении анализа. Ошибки могут возникать на каждом из этапов экспертизы – от сбора образцов до вынесения итогового заключения. К счастью или к сожалению (если таковые имели место, но не установлены) случаев лабораторных ошибок в Республике Беларусь не выявлено.

Если говорить о проблемах, то они в основном экономического характера. Нередко отправляют на экспертизу большое количество объектов, не решив изначально проблему групповой принадлежности. На проведение анализа каждого объекта затрачивается большое количество денежных средств, а также времени.

Следует отметить, что сегодня в деятельности органов уголовного преследования успешно функционирует автоматизированная система генно-дактилоскопических учетов (АИСГДУ), которая в 2012 г. была реорганизована в программно-аппаратный комплекс автоматизированной системы ДНК – АС ДНК.

База данных ДНК формируется из информации, непосредственно направляемой для постановки на учет, а также из информации, получаемой в процессе проведения генотипоскопических экспертиз.

База АС ДНК содержит информацию о 17363 генотипов биологических следов с мест нераскрытых преступлений. В 2012 г. поставлено на учет свыше 5 тыс. объектов, 1574 генотипа неопознанных трупов, из них в 2012 г. было поставлено 772. На учет в базу АС ДНК поставлено более 92 тыс. лиц, из них в 2012 г. свыше 13 тыс. представляющих оперативный интерес, и более 10 тыс. родственников, пропавших без вести.

Практически все сотрудники, выезжающие на ОМП, генотипированы с целью исключения генотипа лиц, осуществляющих обнаружение, осмотр, фиксацию и изъятие объектов.

С использованием данных системы установлены совпадения 428 (в 2011 г. – 261) следов с мест нераскрытых преступлений с генотипами лиц. Из них: по убийствам – 52; по изнасилованиям – 28; по разбоям – 14; по кражам – 237. При этом 202 генотипа близких родственников, без вести пропавших лиц, совпали с генотипами неопознанных трупов.

Однако исследования специалистов и зарубежный опыт показывают, что для полноценного функционирования системы АС ДНК необходимо поставить на данный вид учета, как минимум, от 5 до 10 % населения республики, т.е. еще от 400 тыс. до 1 млн человек. Безусловно, расширение данного вида учета в таких масштабах потребует серьезных финансовых затрат, но и эффективность раскрываемости преступлений будет прогрессивно возрастать.

Практика показала, что ДНК-анализ наиболее эффективен в выявлении и расследовании убийств, изнасилований, разбоев, краж, а также в установлении личности неопознанных трупов. В последнее время успешно решаются вопросы формирования доказательной базы изобличения браконьеров и похитителей домашнего скота с помощью экспертиз ДНК-анализа. Это направление также требует соответствующего организационного и методического обеспечения.

В заключение хотелось бы отметить следующее.

1. Несмотря на относительно небольшой исторический отрезок времени использования метода ДНК-анализа

в выявлении и расследовании преступлений, он показал себя как наиболее перспективный вид исследований и ведения криминалистических учетов.

2. Современные реалии тактики и стратегии противодействия преступности требуют дальнейшего организационно-методического совершенствования метода ДНК-анализа и основанного на нем вида криминалистического учета не только в масштабах нашей республики, но и в рамках межгосударственного информационного банка данных криминалистических и иных учетов.

3. Способы обнаружения, фиксации, изъятия, особенности постановки на учет и возможности данного вида исследования должны получить должное отражение в научной и методической криминалистической литературе.

4. Спектр направлений формирования доказательственной базы с использованием ДНК-анализа может и должен быть расширен за счет применения к составам преступлений с осмотров мест происшествий которых изъяты биологические следы не только человека, но и различных представителей животного мира.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ОТКАЗА ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Васильева Л.М., студентка 1 курса ОДО филиала ФГБОУ ВПО «ТюмГУ» в г. Шадринске
Научный руководитель: *Соколова Н.В.*, к.ю.н.

Любой человек должен думать о том, что он живет в социальной среде и должен выполнять те законы, которые принимаются государством. Один из важнейших вопросов, находящихся в ведении государства – обеспечение правопорядка, который невозможен без соблюдения законов гражданами страны, в том числе и закона, регулирующего вопросы содействия органам правопорядка со стороны гражданского общества.

Следует подчеркнуть, что актуальной проблемой современного общества является факт отказа граждан от дачи показаний и от содействия в процессе расследования уголовных дел, причем многие из них оправдывают свой поступок такими словами: «Это не мое дело!».

Исходя из этого, можно подразделить позиции людей на этот счет по следующим позициям:

отказ от дачи показаний – это долг перед обвиняемым, т.е. эти люди руководствуются особыми нормами морали (если я не помогу, мне так же не помогут, случись аналогичная ситуация со мной);

из опасения за себя, человек соглашается дать показания только при условии, что он будет находиться под защитой государства (эти требования основываются на положениях ст. 12 Всеобщей Декларации прав человека) [1];

не дают показаний ни при каких условиях по своим личным соображениям.

К сожалению, не каждый знает, что отказ от дачи показаний – это преступление. Лишь ряд лиц, указанных в ст. 51 Конституции Российской Федерации, не несет ответственности за отказ от дачи показаний: «Никто не обязан свидетельствовать против самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом»[2]. Круг близких родственников определен в ч. 4 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК), «супруг, родители, усыновители, дети, усыновлённые, родные братья и сестры, дедушка и бабушка, внуки»[4]. Кроме того, в ч. 3 ст. 56 УПК РФ допросу в качестве свидетелей не подлежат лица:

«1) судья, присяжный заседатель – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу;

2) адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием;

3) адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи;

4) священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди;

5) член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без их согласия – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий»[4].

При этом закон не предоставляет иммунитета при привлечении к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний помощникам адвокатов, переводчикам, законным представителям, попечителям, работникам органов опеки и попечительства и иным лицам, присутствующим при встрече адвоката со своим подзащитными.

Так что же такое показания? И что такое отказ от дачи показаний?

В соответствии со ст. 79 УПК Российской Федерации:

Показания свидетеля – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями ст. 187–191 и 278 УПК.

Свидетель может быть допрошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями.

Отказ от дачи показаний – это заявление о нежелании дать показания по делам в целом или в некоторых его моментах, т.е. преступление против правосудия, которое совершается свидетелем или потерпевшим.

Представляется, что отказ от дачи показаний является следствием следующих причин:

боязнь за свою жизнь, за жизнь своих близких;

давление со стороны обвиняемого;

по состоянию здоровья (ногу отрезало, головная боль, боль в желудке);

зная, что показания помогут следствию и догадываясь о том, что его отказ может помешать раскрытию дела, свидетель умышленно отказывается от дачи показаний.

Если причинами отказа послужило давление физического или психологического характера принуждения к отказу, то вопрос об уголовной ответственности свидетеля или потерпевшего решается, исходя из положений ст. 40 УК Российской Федерации, там же следует рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела на лиц, которые принуждают потерпевшего или свидетеля к уклонению от дачи показаний.

Согласно ст. 308 УК Российской Федерации отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний наказывается штрафом в размере до 40 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев.

Таким образом, перед тем, как отказаться от дачи показаний, необходимо подумать не только о тех причинах, которые послужат этому действию, но и о тех последствиях, которые возникнут при совершении данного преступления.

Насколько реальны опасения людей за свою жизнь? ...

В России ежегодно 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел, в том числе и по особо тяжким преступлениям. Из них каждый пятый получает угрозы с целью изменения либо отказа от даваемых показаний [5].

К сожалению, значительное количество граждан, ставших жертвами преступлений или ставших их свидетелями, не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь мести со стороны преступников либо не веря в эффективность государственной защиты.

Страх за свою жизнь и за жизнь своих родных и близких является главной причиной существования Программы защиты свидетелей. Свидетель вправе сообщить правоохранительным органам о своих опасениях и попросить государство о защите от преследователей.

Государственной защите, в соответствии с Федеральным Законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», подлежат следующие участники уголовного судопроизводства:

потерпевший;

свидетель;

частный обвинитель;

подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено; эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог;

гражданский истец, гражданский ответчик;

законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя[5].

Осуществляя меры безопасности в отношении защищаемого лица, государство может:

1) обеспечить личную охрану, охрану жилища и имущества;

2) выдать специальные средства индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;

3) обеспечить конфиденциальность сведений о защищаемом лице;

4) переселить человека на другое место жительства;

5) заменить документы;

6) изменить его внешность;

7) изменить место работы (службы) или учебы;

8) временно поместить в безопасное место;

9) применить дополнительные меры безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Мы считаем, что разработанная в России программа защиты свидетелей несовершенна. В частности, практически не применяются предусмотренные в программе такие меры безопасности, как замена документов, изменение внешнего вида, смена места работы и др. Именно из-за неэффективности действия Программы защиты свидетелей люди зачастую отказываются от дачи свидетельских показаний.

Председатель Ассоциации адвокатов «За права человека» Евгений Архипов утверждает, что российская программа практически не претворяется: «На нее не хотят расходовать деньги, к тому же следователи, отказывающиеся в защите, не подвергаются за это наказанию. Иногда защищают свидетелей, дающих показания против организованных преступных группировок (ОПГ) или террористов. А огромному количеству людей, крайне нуждающихся в помощи, отказывают. Но и свидетельствующим против ОПГ не всегда спасают. Если у главарей высокие связи – свидетель беззащитен. По причине незащищенности огромное количество людей отказывается от ранее данных показаний в суде»[6].

Согласно российскому общественно-политическому интернет изданию («Свободная пресса») в бюджет на обеспечение безопасности «заложено» на 200 млн рублей меньше, чем под прошлую программу (на период с 2009 до 2013 г. был выделен 1 млрд 600 млн рублей, на новую программу предоставят 1 млрд 400 млн)[6].

Несмотря на прогнозируемый рост количества лиц, которых придется охранять, в десять раз сокращено фи-

нансирование покупок техники для подразделений защиты[6].

Исходя из этого, можно сказать, что финансирование играет немаловажную роль в осуществлении этой программы. Его сокращение будет отрицательно влиять на людей, так как может не хватить денег или соответствующей техники для защиты того или иного человека и гражданина, нуждающегося в этом. Для решения данной проблемы стоит увеличить финансирование для этой программы, чтобы как можно больше людей могли бы получить защиту от преступников.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ declhr.shtml.

2. Конституция Российской Федерации: приняты всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (в ред. от 30 декабря 2008 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>

3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20 августа 2004 г., № 119-ФЗ (ред. от 30.11.2011 г. № 352-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://base.garant.ru/12136633/>

4. Уголовно-процессуальный кодекс : Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ (ред. от 05.04.2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/>.

5. Российское агентство международной информации «РИА Новости» – URL// <http://ria.ru/spravka/20120922/756478738.html>

6. Российское общественно-политическое интернет-издание «Свободная пресса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://svpressa.ru/society/article/62738/>

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Гудиленко Н.А., студент юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Сузак И.А.*, старший преподаватель кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В Республике Беларусь продолжается работа по оптимизации правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства). Было принято два нормативных правовых акта: Указ Президента Республики Беларусь от 5 февраля 2013 г. № 63 «О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства)» (далее – Указ № 63) и постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 4 декабря 2012 г. № 107 «Об утверждении Инструкции о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам».

Так, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 415-З) под термином «банкротство» подразумевается неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда о банкротстве с ликвидацией должника – юридического лица, прекращением деятельности должника – индивидуального предпринимателя [1].

Необходимо обратить внимание на то, что Указ № 63 вступил в силу 8 февраля 2013 г. и распространяет свое действие на отношения, возникшие с 25 января 2013 г. Он направлен на реализацию положений Закона № 415-З. Указ № 63 объединил в себе нормы указов Президента Республики Беларусь от 12 ноября 2003 г. № 508 «О некоторых вопросах экономической несостоятельности (банкротства)» и от 25 июня 2010 г. № 328 «О некоторых мерах по оптимизации проведения процедур экономической несостоятельности (банкротства)», которые признаны утратившими силу.

По своей структуре Указ № 63 состоит из трех блоков, нормы которых регулируют различные вопросы, касающиеся процедур экономической несостоятельности (банкротства).

В соответствии с пп. 1.1 п. 1 Указа № 63 государственная регистрация создания капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест, незавершенных законсервированных капитальных строений (далее – объекты недвижимого имущества), переданных в соответствии со ст. 98 Закона № 415-З, на которые отсутствуют правоудостоверяющие документы, и возникновения прав на них осуществляется в установленном порядке по заявлению принимающей организации на основании технических паспортов, составленных по заявлению этой организации, и передаточных актов [2].

При этом согласно пп. 1.1 п. 1 Указа № 63 принимающая организация в отношении передаваемых капитальных строений (зданий, сооружений) должна дополнительно представить выписку из решения местного исполнительного и распорядительного органа о возможности использования передаваемых эксплуатируемых капи-

тальных строений (зданий, сооружений) по назначению в соответствии с единой классификацией назначения объектов недвижимого имущества [3].

В пп. 1.2 п. 1 Указа № 63 говорится о второй группе норм, что устанавливает для процедуры ликвидационного производства особенности государственной регистрации создания предприятия как имущественного комплекса должника, принадлежащих ему капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест, незавершенных законсервированных капитальных строений без наличия документов, удостоверяющих их государственную регистрацию, и возникновения прав на них при продаже [3]. В данном подпункте отмечается, что регистрация осуществляется по заявлению покупателя при наличии определенного пакета документов.

Третья группа норм регламентирует особенности государственной регистрации создания капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест, незавершенных законсервированных капитальных строений, составляющих нереализованное недвижимое имущество должника, на которое отсутствуют правоудостоверяющие документы, и возникновения прав на них: государственная регистрация создания и возникновения права осуществляется в установленном порядке по заявлению кредитора на основании технических паспортов, составленных по заявлению кредитора, договора, заключенного между этим кредитором и антикризисным управляющим, протокола собрания кредиторов, на котором было принято решение в соответствии с ч. 4 ст. 150 Закона № 415-З, и передаточных актов. В отношении капитальных строений (зданий, сооружений) кредитором дополнительно представляется выписка из решения местного исполнительного и распорядительного органа о возможности их использования по назначению в соответствии с единой классификацией назначения объектов недвижимого имущества [4].

В процедуре конкурсного производства обороты по реализации предприятия как имущественного комплекса должника и прибыль от его реализации не подлежат обложению налогами, сборами (пошлинами) [3].

Министерство экономики Республики Беларусь постановлением от 4 декабря 2012 г. № 107 утвердило Инструкцию о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам (далее – Инструкция).

Инструкция устанавливает порядок определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору (далее, если не указано иное, – признаки банкротства), а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам. Она обязательна к применению управляющими, а также экспертами при определении наличия (отсутствия) признаков банкротства в случаях и на основаниях, установленных Законом Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [5].

В Уголовном Кодексе Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрена уголовная ответственность по ст. 238 УК «Ложная экономическая несостоятельность (банкротство)», ст. 239 УК «Сокрытие экономической несостоятельности (банкротства)», ст. 240 УК «Преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство)».

К признакам ложной экономической несостоятельности (банкротства) относятся:

отсутствие неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер, на дату обращения должника в хозяйственный суд с заявлением о своей экономической несостоятельности (банкротстве);

наличие у должника возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме на дату обращения должника в хозяйственный суд с заявлением о своей экономической несостоятельности (банкротстве) и представление должником в хозяйственный суд документов, содержащих недостоверные сведения о составе его имущества и (или) обязательств [5].

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК «Ложная экономическая несостоятельность (банкротство)», является установленный порядок признания банкротом индивидуального предпринимателя или юридического лица. Объективную сторону по ч. 1 ст. 238 УК образует подача в хозяйственный суд:

заявления должника о своей экономической несостоятельности (банкротстве);

иных документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер, в целях признания этого должника экономически несостоятельным (банкротом) (ложная экономическая несостоятельность (банкротство)).

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 238 УК, относится к числу преступлений с формальным составом. Оно считается оконченным с момента осуществления указанных деяний, наступления каких-либо последствий не требуется.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 238 УК, образует ложная экономическая несостоятельность (банкротство), повлекшая причинение ущерба в особо крупном размере. Ущербом в особо крупном размере признается ущерб на сумму, в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 238 УК, имеет материальный состав. Оно считается оконченным с момента наступления указанных последствий [6, с. 207].

Субъект преступления специальный, им могут быть только индивидуальные предприниматели, а также должностные лица юридического лица, уполномоченные в соответствии с действующим законодательством на

представление документов о банкротстве.

Субъективная сторона преступления включает два обязательных признака: вину в форме прямого умысла и цель – признание должника экономически несостоятельным (банкротом) [7, с. 538].

Признаками преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства) и препятствования возмещению убытков кредитором является неплатежеспособность должника, вызванная действиями (бездействием) его собственника, учредителей (участников) должника, индивидуального предпринимателя или иных лиц, в том числе руководителя должника, имеющих право давать обязательные для должника указания либо имеющих возможность иным образом определять его действия [5].

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 240 УК «Преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство)», являются экономические интересы субъекта хозяйствования и его кредиторов.

Объективная сторона преднамеренного банкротства включает в себя: действие – создание или увеличение неплатежеспособности индивидуального предпринимателя или юридического лица; последствия – ущерб в крупном размере; причинную связь между действием и последствием. Состав преступления материальный. Признается оконченным с момента наступления последствий.

Субъектами могут выступать индивидуальный предприниматель, должностное лицо юридического лица, учредитель (участник) либо собственник имущества юридического лица, кроме субъектов хозяйствования, к которым не применяется законодательство о банкротстве.

Субъективная сторона преступления включает в себя вину в форме прямого умысла на создание или увеличение неплатежеспособности и цель виновного удовлетворить такими действиями личные интересы или интересы иных лиц [7, с. 541].

Признаком сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) должника – юридического лица является сокрытие его собственником, учредителями (участниками) должника или иными лицами, в том числе руководителем должника, имеющими право давать обязательные для должника указания либо имеющими возможность иным образом определять его действия, неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер, путем представления сведений, не соответствующих действительности, искажения бухгалтерской отчетности и иным способом за исследуемый период.

Признаком сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) должника – индивидуального предпринимателя и юридического лица, применяющего упрощенную систему налогообложения, является сокрытие его собственником, учредителями (участниками) должника, индивидуальным предпринимателем или иными лицами, в том числе руководителем должника, имеющими право давать обязательные для должника указания либо имеющими возможность иным образом определять его действия, неплатежеспособности должника путем представления сведений, не соответствующих действительности, искажения бухгалтерской отчетности и иным способом за исследуемый период [5].

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 239 УК «Сокрытие экономической несостоятельности (банкротства)», являются интересы кредиторов субъекта хозяйствования.

Объективная сторона преступления включает в себя следующие признаки: действия по сокрытию банкротства, последствия в виде ущерба в крупном размере и причинную связь между действиями и последствиями. Состав преступления материальный.

Субъект преступления специальный, в его качестве могут выступать индивидуальный предприниматель, должностное лицо, учредитель или собственник юридического лица, если субъекты хозяйствования находятся в состоянии банкротства.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной виной. Помимо предвидения причинения ущерба сознанием виновного лица должны охватываться характер совершаемых деяний и факт пребывания субъекта хозяйствования в состоянии экономической несостоятельности. Мотивы и цели сокрытия банкротства не имеют значения для квалификации и учитываются при назначении наказания [7, с. 539].

Таким образом, правовое регулирование отношений в сфере экономической несостоятельности (банкротства) осуществляется в совокупности Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», Указом Президента Республики Беларусь от 5 февраля 2013 г. № 63 «О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства)», постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 4 декабря 2012 г. № 107 «Об утверждении Инструкции о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредиторам, а также подготовки экспортных заключений по этим вопросам», нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь, иными законодательными актами.

Список использованных источников

1. Об экономической несостоятельности (банкротстве) : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г., № 415-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

2. Ганаго, А.Б. Комментарий к Указу Президента Республики Беларусь от 5 февраля 2013 г. № 63 «О неко-

торых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства)» / А.Б. Ганаго // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

3. О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства) : Указ Президента Республики Беларусь от 5 февраля 2013 г., № 63 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

4. Амельчя, Ю.А. Комментарий к Указу Президента Республики Беларусь от 5 февраля 2013 г. № 63 «О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства)» / Ю.А. Амельчя // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

5. Об утверждении Инструкции о порядке определения признаков ложной и преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредиторам, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам : Постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 4 декабря 2012 г., № 107 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

6. Круглов, В.А. Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / В.А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2012. – 592 с.

7. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

СООТНОШЕНИЕ РАБОТЫ И УСЛУГИ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Безуглая О.Д., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Маньковский И.А.*, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Филологически понятие «работа» толкуется многозначно. Одно из толкований исходит из смыслового поля: занятие, труд, деятельность. Взятое в этом значении понятие «работа» включает в себя все виды предметно-практической деятельности, в том числе и услуги.

При определении услуг акцент делается на то, что это действие, приносящее пользу, помощь другому [1]. Ясно, что в подобном контексте данные понятия связаны между собой так, что полезная для другого услуга выступает частным случаем (обратной стороной) работы. Если же речь идет о договорных работах и услугах, т.е. тех, которые производятся и оказываются для других лиц – заказчиков, то, по мнению М.И. Брагинского, различие между понятиями «работа» и «услуга» не прослеживается и само их разграничение оказывается в значительной мере бесперспективным. Тем не менее в гражданском законодательстве они применяются в разных значениях и с разным смыслом.

В силу многозначности их содержания законодатель воспользовался этим при регулировании всего многообразия общественных отношений, которые складываются при выполнении работ и оказании услуг. Взятые в таком значении, они предстают уже разными понятиями. И здесь важно учесть то обстоятельство, что упоминаемые в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) работы и услуги как объекты гражданских прав должны охватывать все возможные виды работ и услуг, опосредуемые законодательством. Для выполнения такой нагрузки соответствующие понятия должны иметь в известной мере общий (абстрактный) характер.

Понятием «работа» охватываются все виды подрядных работ, в том числе и деятельность, осуществляемая по договорам на выполнение проектных и изыскательских работ и по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (гл. 38 ГК). Понятие «услуга» включает в себя также транспортные услуги, экспедиционные услуги (гл. 40 и 41 ГК), возмездное оказание услуг (гл. 39 ГК).

Особенность подрядной деятельности заключается в том, что ее результатом является имущество, способное обращаться на рынке товаров (исключая объекты, изъятые из гражданского оборота). Поэтому на первый взгляд могло бы показаться, что законодатель, относя работы к объектам гражданских прав, допустил некоторую избыточность. Действительно, результаты работ рассматриваются как вещи, а они закреплены в ГК как объекты гражданских прав. Однако без понятия «работа» нельзя представить подрядную деятельность. По характеру правового регулирования она существенно отличается от купли-продажи готовых товаров. Поэтому именно работу как созидательную стадию в развивающемся объекте подрядного отношения законодатель и выделил в качестве объекта гражданских прав [2].

Подобный объект характерен также для проектно-изыскательских, научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, хотя эти виды деятельности имеют определенные особенности. Речь идет о том, что начальная, промежуточная и конечная стадии развития объекта имеют идеальную форму. Задача заказчика, исполнение задания и передаваемая заказчику документация (проектная, технологическая, конструкторская, отчет о НИР и т.п.) есть не что иное, как новое знание, информация, которые могут впоследствии найти то или иное воплощение в конкретном материальном объекте. Результатом данных работ является иде-

альный объект, выраженный с помощью определенных знаковых систем (языковых, графических и т.п.) на материальном носителе и способный обращаться как товар.

Товарные качества таковой объект приобретает не потому, что информация зафиксирована на определенном носителе, а потому, что она обладает стоимостью. Овеществленный результат подрядных работ, как и всякий товар, одновременно имеет и стоимость, и потребительную стоимость, тогда как идеальный результат (интеллектуальный продукт) обладает лишь стоимостью. Овеществленный результат образуется лишь вследствие практического воплощения, освоения интеллектуального продукта. Важно подчеркнуть, что овеществленный и идеальный результаты вышеназванной деятельности в принципе имеют самостоятельный оборот на рынке товаров.

К объектам гражданских прав согласно ГК, на что указывалось выше, отнесены также услуги: транспортные, экспедиционные, иные (возмездное оказание услуг). Особенностью транспортных и экспедиционных услуг как объектов гражданских прав является оказание их в сфере предметно-практической деятельности при отсутствии результата в виде вещи, товара, пригодного к продаже. Не создавая нового овеществленного результата, транспортная услуга тем не менее имеет своим следствием некоторые изменения в вещно-предметном мире: грузы, пассажиры, почта и багаж перемещаются в пространстве. Потребительная стоимость услуги определяется ее ценностью для грузовладельца, пассажира, отправителя почты и багажа. Стоимость подобной услуги проявляется в затратах общественно необходимого труда на перевозку (экспедирование) соответствующих объектов. Величину стоимости возможно установить на основе транспортных тарифов, цен на транспортно-экспедиционное обслуживание. При грузовых перевозках стоимость находит прямое выражение в повышении цены перевозимых товаров. Наличие стоимости и потребительной стоимости услуги позволяет, на наш взгляд, относить услуги, как и работы, к имущественной группе объектов гражданских прав [3].

По общему правилу услуга не имеет овеществленного результата, являясь операцией, обладает свойством неосвязаемости и этим кардинально отличается от наиболее распространенных объектов гражданских прав – вещей. Услуга проявляется в ее эффекте, который воспринимается зачастую на уровне чувств. Тут же проявляется другое ее свойство – трудность обособления и неотделимость от источника. Товар же, вещь может существовать отдельно от своего источника, т.е. производителя.

Еще одно свойство услуги – синхронность оказания и получения. Получение (принятие) ее заказчиком и процесс оказания услуги исполнителем обычно совмещены во времени. При этом только эффект услуги может сохраняться какое-то, возможно, непродолжительное время. Трудно представить ситуацию, при которой услуга будет оказываться в одно время, а приниматься – в другое. Принять услугу до того момента, пока не начат процесс ее оказания, невозможно. Принять услугу после того, как она оказана, также не представляется возможным. Допустимо получение в отдельных случаях эффекта от услуги по истечении некоторого периода времени с момента завершения процесса ее оказания. Из указанного вытекает свойство несохраняемости услуг.

Изложенное позволяет выделить следующие признаки, позволяющие отличить работу от услуги:

подрядчик, лицо, выполняющее работу, обязан не только осуществить предусмотренную соглашением сторон деятельность, но и сдать заказчику овеществленный результат своей деятельности;

исполнитель услуги выполняет только определенную деятельность и не обязан предоставлять какой-либо овеществленный результат.

Разграничение по указанному признаку является, бесспорно, единственным и отражается в ГК.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Т.В. Авдеева [и др.] ; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2011. – Т. 3. – 560 с.

2. Гражданское право : учебник : в 3 т. / В.В. Байбак [и др.] ; под ред. Ю.К. Толстого. – М. : Проспект, 2011. – Т. 1. – 784 с.

3. Гражданское право: учебник : в 2 т. / В.С. Ем [и др.] ; под ред. Е.А. Суханова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. – 958 с.

ГРАЖДАНСКАЯ ДЕЕСПОСОБНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Ефимова И.А., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Маньковский И.А.*, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Одним из важных вопросов в гражданском праве является определение дееспособности граждан. Еще в древние века сущность и содержание дееспособности волновало ученых-цивилистов. Но до сих пор этот вопрос остается дискуссионным и требует детального исследования.

Статья 20 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) гласит: дееспособность – способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т.е. по достижении 18-летнего возраста.

Одним из актуальных вопросов является возможность надления дееспособностью несовершеннолетних в возрасте до 14 лет (малолетних). Так, согласно мнению Ю.К. Толстого, малолетние считаются полностью недееспособными [1]. В соответствии с точкой зрения В.Ф. Чигира, малолетние являются частично дееспособными [2], что, по нашему мнению, в большей степени соответствует правовому положению указанной категории лиц.

При этом следует отметить, что согласно ст. 28 ГК Российской Федерации, частичная дееспособность возникает у малолетних в возрасте от 6 до 14 лет, в то время как в соответствии с ГК, частичной дееспособностью наделяются малолетние с рождения и до 14 лет. Адекватность белорусского законодательного решения действительны потребностям гражданского оборота вызывает некоторые сомнения.

Несовершеннолетние в возрасте до 14 лет вправе самостоятельно совершать:

мелкие бытовые сделки;

сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения или оформления либо государственной регистрации;

сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения.

В законодательстве нет определения понятия «мелкая бытовая сделка», что указывает на его (понятия) оценочный характер.

Согласно мнению, сложившемуся в юридической литературе, мелкая бытовая сделка должна быть направлена на удовлетворение мелких бытовых потребностей малолетнего.

В заключении можно сделать вывод о целесообразности закрепления в ГК минимального возраста, с которого гражданин наделяется частичной дееспособностью, а также максимальной суммы сделки, которую возможно совершать малолетним самостоятельно, что будет в большей степени соответствовать фактическим потребностям гражданского оборота.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учебник : в 3 т. / В.В. Байбак [и др.] ; под ред. Ю.К. Толстого. – М. : Проспект, 2011. – Т. 1. – 784 с.

2. Гражданское право : учебник : в 3 т. / А.В. Каравай [и др.] ; под общ. ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1. – 864 с.

ДОГОВОР ПОДРЯДА И ТРУДОВОЙ ДОГОВОР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Золотарь И.В., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Витушко В.А.*, д.ю.н., профессор, профессор кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Договор подряда является правовым средством, опосредующим процесс выполнения работы, что свойственно и трудовому договору, с которым договор подряда имеет много общих черт [1]. При этом следует отметить тот факт, что отличительным элементом двух анализируемых договоров является предмет. Так, И.А. Маньковский отмечает, что в качестве предмета трудового права выступают трудовые отношения между нанимателями и работниками, основанные на трудовом договоре (контракте), а основанием возникновения гражданско-правовых отношений является гражданско-правовой договор [2, с. 18]. При этом, В.Г. Статкевич указывает на то, что «договор подряда, предметом которого является выполнение работ по изготовлению, переработке (обработке) вещи или выполнение другой работы с передачей ее результатов заказчику, представляет собой один из самых распространенных видов договоров в хозяйственной деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей Республики Беларусь» [3].

Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 656 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) договор подряда определяется как соглашение, по которому одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику в установленный срок, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить ее (уплатить цену работы).

При этом согласно ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) трудовой договор признается соглашением между работником и нанимателем, в соответствии с которым работник обязуется выполнять работу по определенной одной или нескольким профессиям, специальностям или должностям соответствующей квалификации согласно штатному расписанию и соблюдать внутренний трудовой распорядок, а наниматель обязуется предоставлять работнику обусловленную трудовым договором работу, обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, локальными нормативными правовыми актами и соглашением сторон, своевременно выплачивать работнику заработную плату.

Деятельность, осуществляемая в рамках подрядных отношений, включает в себя самые разнообразные виды деятельности, конечным результатом которых является создание нового имущества по индивидуальным заказам, либо переработка, изменение уже созданного, или иной овеществленный результат, получаемый в процессе выполнения работы (преобразование, улучшение качеств и т.п.) [4, с. 362].

Если субъект гражданского права, нуждающийся в выполнении определенной работы силами третьих лиц, и лицо, имеющее желание соответствующую работу выполнять, планируют длительно и непрерывно сотрудничать, то наиболее оптимальной правовой формой урегулирования таких отношений будет оформление трудового договора.

Согласно точке зрения И.А. Маньковского, «по договору подряда заказчик не имеет права регламентировать процесс выполнения подрядчиком порученной работы, каким-либо образом влиять на ее ход, отдавать подрядчику обязательные для исполнения указания относительно организации процессов труда. В ходе выполнения подрядчиком порученной ему работы заказчик, согласно норме ст. 669 ГК, не имеет права вмешиваться в оперативно-распорядительную деятельность подрядчика, а в соответствии с нормой п. 3 ст. 657 ГК – определять приемы и способы выполнения подрядчиком порученной ему работы. При этом заказчику, согласно норме ст. 669 ГК, предоставлено право контроля сроков выполнения работы, определенных соглашением сторон» [4, с. 366].

Немаловажной особенностью подрядных отношений является принадлежность вещей, имущественных прав на объекты интеллектуальной деятельности, иных результатов, созданных подрядчиком. Так, при подрядных отношениях вещи, имущественные права на объекты интеллектуальной деятельности, иные результаты, созданные подрядчиком, принадлежат ему на праве собственности до момента передачи их заказчику, в отличие от трудовых отношений, где вещи, созданные по результатам трудового договора, имущественные права на объекты интеллектуальной деятельности (за исключением случаев прямого указания в договоре) принадлежат нанимателю [1].

Вознаграждение подрядчика в договоре подряда поставлено в прямую зависимость от достижения обусловленного договором результата работы, а в трудовом договоре работа оплачивается исходя из тарифной ставки (оклада) работника, доплат, надбавок и поощрительных выплат в соответствии с ТК, и не поставлено в зависимость от конкретных результатов труда [2; 4, с. 366].

И.А. Маньковский отмечает, что «вознаграждение работника поставлено в зависимость от процесса труда и в большинстве случаев не зависит от достижения определенного результата» [4, с. 367].

Трудовой договор заключается, как правило, на неопределенный срок, а договор подряда всегда носит срочный характер [5, с. 51].

Как отмечает А.А. Герасименко, «по договору подряда подрядчик выполняет определенную работу, которая имеет конкретное материальное выражение, по трудовому – работник выполняет трудовую функцию, т.е. выполнение определенной работы в рамках одной или нескольких профессий, специальностей или должностей соответствующей квалификации» [5, с. 51].

Необходимо отметить еще один важный момент, согласно которому условия трудового договора обязывают работника соблюдать внутренний трудовой распорядок, вовремя приходить на работу, вовремя уходить с работы, соблюдать трудовую дисциплину, подчиняться распоряжениям нанимателя и т.д. По условиям договора подряда заказчик, как правило, не контролирует процесс выполнения работы, ему все равно, каким образом подрядчик выполняет работу, но он вправе проверять ее ход и качество [5, с. 51].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что и в договоре подряда, и в трудовом договоре имеются свои плюсы и минусы.

Работая по трудовому договору, наниматель контролирует работника, что гарантирует ему качественно выполненную работу, иначе наниматель вправе лишить работника вознаграждения. По договору подряда заказчик может удостовериться в качестве выполненной работы, лишь получив ее в установленный срок и, при наличии недостатков, предъявить претензии либо не уплатить за ненадлежаще выполненную работу. В данном случае, бесспорно, выгоднее получать фиксированный нанимателем оклад.

Преимуществом договора подряда является неконтролируемость процесса выполнения работы заказчиком, а только ограниченность срока сдачи работы. Этот факт дает право подрядчику самостоятельно распределять интенсивность выполнения работы, тогда как при трудовом договоре работник должен отрабатывать определенное нанимателем количество часов и выполнять указанную работу.

Однако существуют строительные, проектные и изыскательские, бытовые и иные виды работ, суть которых заключается в строительстве дома, стрижке, ремонте чайника, починке обуви, пошивке платья, ремонте часов и многом другом, где не обойтись без применения договора подряда.

Список использованных источников

1. Винникова, Е.В. Экономические и юридические аспекты договора подряда с физическими лицами / Е.В. Винникова // Экономика. Финансы. Управление. – 2009. – № 7. – С. 108–112.
2. Маньковский, И.А. Гражданское право. Общая часть : в схемах : учеб. пособие / И.А. Маньковский, С.С. Вабищевич. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2012. – 184 с.
3. Статкевич, В.Г. Устранение недостатков работ, выполненных по договору подряда. Бухгалтерский учет и налогообложение у заказчика / В.Г. Статкевич // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
4. Маньковский, И.А. Курс гражданского права. Особенная часть : в 3 т. / И.А. Маньковский. – Минск : Молодежное, 2008. – Т. 1. – 512 с.
5. Герасименко, А.А. Особенности договора подряда / А.А. Герасименко // Охрана труда. – 2010. – № 11. – С. 49–63.

ДОГОВОР АРЕНДЫ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Зонтова М.Л., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Витушко В.А.*, д.ю.н., профессор, профессор кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Основой развития экономических отношений в условиях социально-ориентированной белорусской экономической модели являются гражданско-правовые договоры, в частности, такие как купля-продажа, поставка, аренда и др.

Процесс осуществления предпринимательской деятельности неразрывно связан с необходимостью использования различного рода зданий, сооружений, помещений, оборудования, транспортных средств, другого имущества, приобретение которого в собственность не всегда является целесообразным. В связи с этим активное развитие получили экономические отношения по передаче имущества во временное владение и пользование либо только в пользование на условиях платности и возвратности [2, с. 48].

Именно такой процесс перехода имущества от одних участников экономических отношений к другим на определенное время регулируется нормами договора аренды.

Согласно ст. 577 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование.

ГК предусматривает несколько видов договора аренды: прокат, аренда предприятия, финансовая аренда (лизинг), аренда транспортных средств и др.

Необходимо отметить, что осуществление предпринимательской деятельности, особенно в производственной сфере, связано с необходимостью использования субъектами хозяйствования единых имущественных комплексов, именуемых предприятиями [3, с. 294].

Согласно ст. 132 ГК предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности.

В свою очередь, регистрационные действия в отношении предприятия как имущественного комплекса совершаются регистратором республиканской организации по государственной регистрации в порядке, установленном Правительством Республики Беларусь.

После обязательной государственной регистрации предприятия оно может передаваться во временное владение и пользование на основании договора аренды предприятия.

В соответствии со ст. 627 ГК по договору аренды предприятия в целом как имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности, арендодатель обязуется предоставить арендатору за плату во временное владение и пользование земельные участки, здания, сооружения, оборудование и другие входящие в состав предприятия основные средства, передать в порядке, на условиях и в пределах, определяемых договором, запасы сырья, топлива, материалов и иные оборотные средства, права пользования землей, водой и другими природными ресурсами, зданиями, сооружениями и оборудованием, иные имущественные права, связанные с предприятием, права на обозначения, индивидуализирующие юридическое лицо, его товары (работы, услуги), и другие исключительные права, а также уступить ему права требования и перевести на него долги, относящиеся к предприятию. Передача прав владения и пользования находящимся в собственности других лиц имуществом, в том числе землей и иными природными ресурсами, производится в порядке, предусмотренном законодательством.

По договору аренды предприятия передается не просто имущественный комплекс, а действующее предприятие. По истечении срока аренды предприятия оно не становится собственностью арендатора и возвращается арендодателю. Это не значит, что арендатор не имеет права изменять состав имущественного комплекса, полученного в аренду [1, с. 214].

Предусмотренная нормами ст. 627 ГК возможность передачи имущественного комплекса во владение и пользование указывает на относительно длительный характер правовой связи, устанавливающейся между сторонами договора, и невозможность его заключения, например, на одну неделю. Вместе с тем следует отметить, что какие-либо ограничения по сроку заключения анализируемого договора правовые нормы не устанавливают [3, с. 297].

Что же касается правовой природы данного договора, то договор аренды предприятия является консенсуальным, взаимным, исключительно возмездным, взаимосогласованным и компромиссным.

Если говорить об элементах договора аренды предприятия, то в их состав входят стороны договора, предмет, цена, срок, форма и содержание договора.

В соответствии со ст. 627 ГК сторонами договора аренды предприятия являются арендодатель и арендатор.

В качестве предмета договора аренды предприятия выступает предприятие как единый имущественный комплекс [3, с. 298].

Одним из существенных условий договора аренды предприятия является арендная плата. При отсутствии согласованного сторонами в письменной форме условия о размере арендной платы договор аренды предпри-

ятия считается незаключенным [1, с. 216]. Определяя размер арендной платы, стороны должны руководствоваться нормой ст. 625 ГК «Размер арендной платы».

Срок договора аренды предприятия определяется его сторонами при заключении договора. Поскольку срок заключения договора аренды предприятия не является существенным условием этого договора, то при отсутствии в договоре срока он считается заключенным на неопределенный срок [1, с. 216].

Таким образом, договор аренды предприятия опосредует развитие экономических отношений и именно поэтому имеет большое значение для нормального развития гражданского оборота.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / А.В. Каравай [и др.] ; под общ. ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2002. – Ч. 2. – 1008 с.
2. Маньковский, И.А. Гражданское право. Особенная часть / И.А. Маньковский, С.С. Вабищевич. – Минск : Молодежное, 2009. – 280 с.
3. Маньковский, И.А. Курс Гражданского права. Особенная часть : в 3 т. / И.А. Маньковский. – Минск : Молодежное, 2008. – Т. 1. – 512 с.

ПОНЯТИЕ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФИКЦИЙ

Приболовец М., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Бондаренко Н.Л.*, д.ю.н., профессор, профессор кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Чаще всего под фикцией в праве понимают прием мышления, допускаемый или прямо предписываемый правовой нормой и состоящий в признании известного несуществующего факта существующим или, наоборот, существующего обстоятельства несуществующим. Фикции как юридико-технический прием имеют многовековую традицию. Данный метод был известен еще древнеримским юристам, которые, собственно, его и выработали.

Юридическая фикция со времен римского права прочно вошла в правовую традицию как юридико-технический прием. Широко используется она и в белорусском праве. Нельзя согласиться с некоторыми исследователями, утверждающими, что фикции исчерпали себя тем, что позволили римскому праву преодолеть свой консерватизм. Если мы откажемся от фикций, то придется навсегда забыть о таких правовых категориях, как юридическое лицо, представительство, снятие судимости, бездокументарные ценные бумаги и т.д. Фикции используются во всех без исключения отраслях права. Достаточно сказать, что более половины норм гражданского процесса построены на фикциях.

Причина распространения фикций заключается в том, что любое законодательство, будучи консервативной системой взаимосвязанных понятий и категорий, не всегда успевает за потребностями жизни, за вновь возникающими явлениями. Еще одна причина применения юридических фикций – следование принципу нормативной экономии в процессе разработки и введения в действие нормативных правовых актов.

Гораздо проще придать условный правовой режим объекту, для которого это не свойственно, чем создавать усложненные правовые конструкции, при помощи которых регулирование будет иметь громоздкий характер. Это то, что представляет из себя юридическая фикция.

Какие же проблемы можно выделить в процессе изучения «юридической фикции»? Первой из таких проблем является то, что многие путают ее с таким термином, как «юридическая презумпция». Вторая заключается в том, что ученые не могут сойтись во мнениях, чем же является юридическая фикция в праве – «нормой права или юридическим приемом». Именно эти две проблемы, на наш взгляд, наиболее важны в гражданском праве.

Юридическая презумпция – это такое предположение, косвенно или прямо закрепленное в правовой норме, в соответствии с которым определен порядок вещей в области общественных отношений признается обычным, нормальным и, в силу этого, не требующим доказывания.

Как отмечает И.Л. Ишигилов, «расхождение фикции и презумпции в научной литературе, по сути, происходит из-за того, что они понимаются в отрыве от процесса правового регулирования либо применительно к какой-то одной его стадии. Однако юридические фикции и презумпции на каждой из стадий правового регулирования предстают в определенном виде, присущем только этому этапу» [1, с. 41].

Правовое регулирование можно определить как осуществляемое государством при помощи права и совокупности правовых средств упорядочения общественных отношений, их юридическое закрепление, охрану и развитие [2, с. 529].

Большинство ученых-юристов связывают процесс «регулирования» с правотворческой деятельностью, общим действием права и его реализации, но некоторые (например, С.С. Алексеев, Л.С. Явич) не включают правотворчество в процесс правового регулирования: по их мнению, оно предшествует правовому регулированию.

Так, на стадии правотворчества юридические фикции, по мнению И.Л. Ишигилова, выступают как приемы юридической техники, с помощью которых существующее принимается за несуществующее, и наоборот. То

есть правовые фикции предшествуют правовым нормам и являются одним из способов их создания.

С позиции интегративного подхода юридическая фикция представляет собой многогранный правовой феномен, динамическая сущность которого предопределяет многообразие его проявления в качестве: средства юридической техники; нормы-фикции; субъекта, объекта правоотношений или юридического факта; акта реализации права, в том числе акта применения права. Такое интегративное понимание феномена юридической фикции с учетом сложной и комплексной природы данного феномена является наиболее адекватным и в практическом аспекте просто необходимо.

Однако, как отмечает Е.А. Джазоян, предлагаемые в таком подходе дефиниции «ограничиваются лишь внешним анализом фикции, трактуют ее как прием юридической техники, но не квалифицируя ее с содержательной стороны и не раскрывая ее функциональную направленность» [3, с. 18]. При этом сам ученый определяет фикцию как «средство юридической техники, основанное на предположении о фактах объективной действительности, сделанном осознанно, законно и без возможности опровержения, закрепленном в правовой норме или соглашении сторон» [3, с. 20].

Критики приведенного выше подхода считают, что «в этом случае допускается грубая методологическая неточность: смешиваются понятия фикции как средства юридической техники и формы ее отражения в виде правовой нормы». При этом они акцентируют внимание и на том, что правовая норма представляет собой общеобязательное правило поведения, установленное или санкционированное государством, фикция же в силу объективных причин правилом поведения быть не может [3, с. 18].

Однако такую позицию сложно признать обоснованной, поскольку общепризнанными являются и нетипичные правовые нормы, имеющие неклассическую структуру: нормы-дефиниции, нормы-принципы и др.

По нашему мнению, авторы проанализированных выше концепций говорят об одном и том же феномене, пытаясь найти его отличительные черты, выявив главное предназначение фикций. Поэтому разработка интегрированного подхода к пониманию юридической фикции на основании учета достижений каждого из разработанных подходов должна стать одной из основных задач современной юриспруденции.

Список использованных источников

1. Ишигилов, И.Л. Юридические фикции и презумпции на разных стадиях правового регулирования / И.Л. Ишигилов // История государства и права. – 2009. – № 21. – С. 41–44.
2. Скакун, О.Ф. Теория государства и права : учебник / О.Ф. Скакун. – Харьков : Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. – 704 с.
3. Джазоян, Е.А. Фикции в гражданском праве России / Е.А. Джазоян // Законодательство. – 2006. – № 8. – С. 17–23.

ДОГОВОР НА ОКАЗАНИЕ РИЭЛТЕРСКИХ УСЛУГ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Шумак И.А., студент юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Бондаренко Н.Л.*, д.ю.н., профессор, профессор кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

За последние пять лет в нашей стране появилось довольно много профессиональных посредников на рынке недвижимости – риэлторов, специализирующихся на таком виде предпринимательской деятельности, который заключается в предоставлении услуг по поиску вариантов по сделкам с недвижимостью (договоры купли-продажи, найма, аренды и пр.), оценке объекта недвижимости, юридическому сопровождению сделки, оформлению правоустанавливающих документов и т.д.

Не стоит отрицать, что деятельность профессиональных субъектов рынка недвижимости (риэлторов) необходима, так как позволяет участникам гражданского оборота, экономия время и средства, получать разнообразные услуги, касающиеся операций с недвижимым имуществом. Но при этом данная деятельность, равно как и любая другая профессиональная предпринимательская деятельность, должна четко и детально регулироваться государством.

Эффективное законодательное регулирование договорных отношений между риэлторами и их клиентами позволит не только оградить участников сделок с недвижимым имуществом от мошеннических действий, но и гарантировать получение ими действительно профессиональных и качественных услуг.

Риэлтерская деятельность – это посредническая деятельность коммерческой организации по содействию при заключении, исполнении, прекращении договоров на строительство (в том числе доленое), купли-продажи, мены, аренды, иных сделок с объектами недвижимости, правами на них (за исключением организации и проведения аукционов и конкурсов), в том числе:

- консультационные услуги по сделкам с объектами недвижимости;
- представление информации о спросе и предложении на объекты недвижимости;
- подбор вариантов сделки с объектом недвижимости, сделки с участием в строительстве объекта недвижимости;

организация и проведение согласования условий предстоящей сделки; помощь в подготовке (оформлении) документов, связанных с осуществлением сделки с объектом недвижимости, сделки с участием в строительстве объекта недвижимости, регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [1].

Законодательство Республики Беларусь не содержит отдельной нормы, закрепляющей четкое определение понятия «договор на оказание риэлтерских услуг».

Исходя из легального определения понятия «договор возмездного оказания услуг», содержащегося в п. 1 ст. 733 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), и дефиниции понятия «риэлтерская деятельность», приведенной в ч. 1 пп. 1.3 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 15 «О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 15) и абз. 3 п. 342 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности», по договору на оказание риэлтерских услуг исполнитель (риэлтерская организация) обязуется по заданию заказчика (потребителя услуг риэлтерской организации (далее – потребитель)) оказать риэлтерские услуги, в том числе по содействию при заключении, исполнении, изменении и прекращении договоров купли-продажи объектов недвижимости, мены, аренды, договоров на строительство (в том числе долевого), иных сделок с объектами недвижимости, правами на них, а заказчик (потребитель) обязуется оплатить эти услуги. Следует отметить, что ч. 1 пп. 1.3 п. 1 Указа № 15 из сферы посреднической деятельности риэлтерской организации исключены организация и проведение аукционов и конкурсов.

Договор на оказание риэлтерских услуг представляет собой разновидность договора возмездного оказания услуг и обладает всеми его родовыми признаками, которые закреплены в п. 1 ст. 733 ГК, и имеет соответственно в качестве предмета оказание риэлтерских услуг (включая совершение определенных действий в процессе посреднической деятельности). Вместе с тем следует обратить внимание на то обстоятельство, что в зависимости от того, какая именно риэлтерская услуга оказывается потребителю, процедура оформления и порядок исполнения обязательств риэлтерской организацией и потребителем имеют свои специфические особенности.

Отличительной особенностью многих договоров возмездного оказания услуг является то, что они являются договорами присоединения и (или) носят публичный характер, но законодательство Республики Беларусь не содержит прямых указаний на то, что договор на оказание риэлтерских услуг является договором присоединения.

Мировой опыт оказания риэлтерских услуг свидетельствует, что условия рассматриваемого договора по общему правилу определяются именно риэлтерской организацией как профессиональным участником гражданского оборота, обладающим необходимыми экспертными знаниями конъюнктуры рынка недвижимости. Что касается белорусских риэлтерских организаций, то практически все они используют в своей практике различные самостоятельные разработанные стандартные формы (проекты договоров), предлагаемые потребителю к подписанию исходя из потребностей последнего в оказании той или иной риэлтерской услуги (комплекса услуг).

Столь широко распространенное использование стандартных форм договоров в риэлтерской деятельности объясняется отсутствием утвержденного типового договора на оказание риэлтерских услуг, существованием закрытого перечня риэлтерских услуг, жесткой системой их тарификации, наличием значительного количества однородных, типичных сделок с отдельными видами объектов недвижимости, а также необходимостью унификации (стандартизации) процесса оказания услуг как составляющей корпоративной культуры [2, с. 49–60; 3, с. 70–73; 4].

Весьма интересен с теоретической и практической точек зрения вопрос об отнесении договора на оказание риэлтерских услуг к числу публичных договоров, т.е. подлежащих заключению риэлтерской организацией с любым потребителем, который к ней обратится.

В качестве оснований для признания договора на оказание риэлтерских услуг публичным можно рассматривать:

существование системы тарифов (ставок) на риэлтерские услуги, которой установлены одинаковые для всех потребителей цены на риэлтерские услуги, что полностью удовлетворяет требованию п. 2 ст. 396 ГК;

возложение на риэлтерскую организацию обязанности заключить с потребителем договор на оказание риэлтерских услуг [7].

Признание договора на оказание риэлтерских услуг публичным будет означать наличие у риэлтерской организации обязанности оказать риэлтерскую услугу любому лицу, которое к ней обратится, без права оказать предпочтение одному потребителю перед другим в отношении заключения договора, кроме случаев, предусмотренных законодательством (п. 1 ст. 396 ГК; ч. 3 п. 9 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров»). Если риэлтерская организация по каким-либо причинам откажется заключить договор, потребитель вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор на оказание риэлтерских услуг (ч. 2 п. 3 ст. 396, п. 4 ст. 415 ГК) [5].

Учитывая существование закрепленного в ч. 2 п. 3 ст. 396 ГК действенного механизма принудительного установления договорных отношений в судебном порядке, следует сделать важную оговорку, что договор на оказание риэлтерских услуг даже в случае признания его публичным может на совершенно законных основаниях и не быть заключен при отсутствии возможности оказать потребителю определенную риэлтерскую услугу и (или) обоснованном уклонении риэлтерской организации от заключения договора на оказание риэлтерских услуг [2].

Таким образом, несмотря на то что договору на оказание риэлтерских услуг присущи отдельные признаки

публичного договора, не имеется достаточных оснований, чтобы однозначно констатировать, что он является таковым.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в законодательстве Республики Беларусь имеются некоторые пробелы, в частности, отсутствует четкое определение понятия «договор на оказание риэлтерских услуг».

Следует отметить, что договор на оказание риэлтерских услуг представляет собой разновидность договора возмездного оказания услуг и обладает всеми его родовыми признаками, но процедура оформления и порядок исполнения обязательств риэлтерской организацией и потребителем имеют свои специфические особенности, что, по нашему мнению, нуждается в отдельной регламентации.

Проблемой является также отсутствие утвержденного типового договора, что нередко приводит к ошибкам в его составлении, а следовательно, к прямому или косвенному обману потребителей услуг риэлтерских организаций.

Список использованных источников

1. О риэлтерской деятельности : Указ Президента Республики Беларусь от 9 января 2006 г., № 15 // Нац. центр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 7. – 1/7130.
2. Серветников, А.А. Основание классификации гражданско-правовых договоров / А.А. Серветников // Правоведение. – 2004. – № 2 (253). – С. 49–60.
3. Чигир, В.Ф. Классификация гражданско-правовых договоров / В.Ф. Чигир // Юрист. – 2007. – № 1 (68). – С. 70–73.
4. Овсейко, С.В. Договор возмездного оказания услуг / С.В. Овсейко // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
5. О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2008 г., № 140 : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 14 марта 2008 г., № 386 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008. – № 69. – 5/27358.

ДОГОВОРА ПОДРЯДА: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ

Федорчук В., студентка юридического факультета Международного университета «МИТСО»

Научный руководитель: *Вабищевич С.С.*, к.ю.н., доцент, доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

В соответствии со ст. 656 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГП) по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику в установленный срок, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его (уплатить цену работы). Работа выполняется за риск подрядчика, если иное не предусмотрено законодательством или соглашением сторон.

По своей правовой природе договор подряда является двусторонним, консенсуальным и возмездным. Существенными условиями договора признаются: предмет, срок, цена.

Гражданский кодекс выделяет следующие виды договора подряда: бытовой подряд, строительный подряд, подряд на проектные и изыскательские работы, подрядные работы для государственных нужд [1, с. 361]

Пунктом 1 Указа Президента Республики Беларусь от 6 июля 2005 г. № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам» в целях обеспечения своевременного расчета с гражданами за выполненную работу, оказанную услугу и созданный объект интеллектуальной собственности по гражданско-правовым договорам и защиты их отдельных социально-трудовых прав установлено, что юридические лица и индивидуальные предприниматели, представляющие работу гражданам по гражданско-правовым договорам, предметом которых является выполнение работ, оказание услуг и создание объектов интеллектуальной собственности, обязаны заключать с ними указанные договоры в письменной форме и определять в этих договорах условия, которые были установлены законодательством.

По договору подряда, помимо определенных законодательством, должны соблюдаться следующие условия:

порядок расчета сторон по гражданско-правовым договорам, включая суммы, подлежащие выплате;

основания досрочного расторжения гражданско-правового договора;

ответственность за неисполнение заказчиком обязательств по оплате выполненной работы, оказанной услуги либо созданного объекта интеллектуальной собственности в виде неустойки в размере не менее 0,15 % невыплаченной суммы за каждый день просрочки;

обязательство заказчика – юридического лица или индивидуального предпринимателя, предоставляющего работу гражданам по гражданско-правовым договорам, по уплате за них в установленном порядке обязательных страховых взносов на государственное социальное страхование в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь;

обязательства сторон по обеспечению безопасных условий работы исходя из обязанностей сторон гражданско-правового договора и ответственность за их невыполнение [2, с. 19].

Обязательства сторон по обеспечению безопасных условий работы исходя из обязанностей сторон гражданско-правового договора и ответственность за их невыполнение определяет ст. 13 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 356-З «Об охране труда».

В ходе исполнения договора подряда подрядчик обязан:

выполнить работу по заданию заказчика качественно и в срок;

если иное не предусмотрено договором, выполнить работу своим иждивением, т.е. из своих материалов, своими силами и средствами, при этом он несет ответственность за ненадлежащее качество предоставленных материалов и оборудования;

если работа выполняется из материалов заказчика, экономно и расчетливо использовать предоставленный материал, вернуть его остаток и представить отчет об израсходовании после окончания работы;

если иное не предусмотрено законодательством, выполнить работу за свой риск, т.е. принять на себя все неблагоприятные последствия, которые могут возникнуть вследствие случайных обстоятельств в ходе выполнения работы до сдачи выполненной работы заказчику.

Заказчик в свою очередь обязан:

оплатить результат работы;

оказывать подрядчику содействие в выполнении работы;

принять выполненную работу [3, с. 318].

Необходимо отметить, что договор подряда имеет ряд существенных признаков, позволяющих отграничить его от трудового договора. Так, договор подряда, согласно ст. 657 ГК, заключается на изготовление или переработку (обработку) вещи либо на выполнение другой работы с передачей ее результата заказчику, а также по договору подряда, заключенному на изготовление вещи, подрядчик передает права на нее заказчику. Если иное не предусмотрено договором, подрядчик самостоятельно определяет способы выполнения задания заказчика.

Согласно ст. 656, 657 ГК договор подряда заключается на переработку (обработку) вещи либо на выполнение работы с передачей ее результата заказчику (построенный дом, изготовленное изделие, написанное произведение). Существенное условие договора подряда – результат выполненной работы и передача результата заказчику. Не допускается заключать договор подряда на работу, которая носит постоянный характер.

Таким образом, на основе анализа ст. 657 и 658 ГК, а также Указа Президента Республики Беларусь от 6 июля 2005 г. № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам» можно сделать вывод о том, что деятельность, осуществляемая в рамках подрядных отношений, не выступает в качестве самостоятельного вида экономической деятельности, а включает в себя самые разнообразные виды деятельности, конечным результатом которых является создание нового имущества по индивидуальному заказу либо переработка или изменение уже созданного, или иной о вещественный результат, получаемый в процессе выполнения работы.

Следовательно, исполнитель, который заключает договоры подряда, направленные на получение прибыли, должен обладать легитимной возможностью осуществления соответствующих видов экономической деятельности.

Список использованных источников

1. Маньковский, И.А. Курс гражданского права. Особенная часть : в 3 т. / И.А. Маньковский. – Минск : Молодежное, 2008. – Т. 1. – 512 с.

2. Юстыця Беларусі. – 2012. – № 9. – С. 19.

3. Витушко, В.А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2. Особенная часть : в 2 кн. / В.А. Витушко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2012. – Кн. 1. – 536 с.

РАЗВИТИЕ МЕЩАНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Юрочкин С.М., студент 2 курса юридического факультета БГУ

Научный руководитель: *Мельник Н.Н.*, к.соц.н., доцент кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО»

Мещанство являлось сословием в том смысле, что оно было наследственным и до 5 октября 1906 г. исключало принадлежность к другому сословию. Однако считать мещан сословием в соответствии с действовавшим законодательством нельзя потому, что они не обладали никакими сословными правами и приписка какого-либо лица, «обязанного избрать род жизни» например, (питомец воспитательного дома), к мещанству ничего в его правовом положении не меняла.

Введение «Временных правил» 1882 г., запрещающих проживание евреев вне городов, не повлияло на изменение юридического статуса местечек [5, с. 37, 82].

При рассмотрении вопроса о применении Городового положения 1870 г. в Северо-Западном крае генерал-адъютант Потапов отмечал, что «если признанно будет нужным не сливать их с городами в отношении общественного управления, то в сем случае разорвется и последняя, существующая ныне связь их с городами и, таким образом, они останутся без всякого управления. Если же предлагается возможность установить самостоятельного устройства местечек, не стесняясь представленным проектом положения о них, то применение начал городского положения в местечках с устройством самоуправления их на этих началах было бы вполне желательным» [1, с. 6]. Вопрос о предоставлении местечкам общественного управления неоднократно рассматривался в комиссиях по вопросу о введении городского положения 1870 г. в городах Северо-Западного края.

Городовое положение 1870 г. предоставляло право создавать мещанские общества в городах и местечках из постоянно жительствующих мещан как христианского, так и нехристианского вероисповедания [2, ст.4 п.1]. Еврейские и белорусские общества объединялись в одно. В местечках, имеющих не менее десяти мещанских дворов или отдельных домохозяев, постоянно проживающие мещане создавали самостоятельное мещанское общество [2, ст.4 п.1].

В тех же местечках, население которых не достигало указанного количества, мещане «приписывались» к мещанским обществам городов или др. местечек, в которых существовало мещанское самоуправление. 18 августа 1876 г. Министерство внутренних дел дало разъяснение о том, что местечки с населением менее 10 мещанских дворов не создают отдельных обществ, а соединяются в одно [3, с. 3].

Положение 1870 г. определяло, что «правительственные установления, земские и городские учреждения обязаны оказывать содействие к исполнению законных требований мещанских сословных учреждений» /2, № 54640/.

Органами мещанского самоуправления являлись: «в многолюдных мещанских обществах - мещанская управа, в малолюдных - мещанский староста и его помощники [4, ст. 667,668].

На председателя мещанской управы или мещанского старосту возлагалась ответственность за сбор мещанского общества и порядок при проведении собрания.

Основанием для производства выборов служил именной список, составленный всем обществом. Избиратели приводились к присяге перед началом выборов, каждый в соответствии со своим вероисповеданием. Выборы производились баллотировкой шарами. Избранными считались те, кто набрал наибольшее число избирательных шаров, чем неизбирательных. Если же этих кандидатов было недостаточно, то выбирались кандидаты из тех, кто набрал наибольшее количество баллов из полученных неизбирательных голосов (ст. 621, 623, 632, 662).

Мещанский староста и его помощники избирались из благонадежных лиц, на один год (ст. 662, 663, 668, 669). Там, где создавались мещанские управы, избирались мещанские депутаты на три года по одному от каждого пяти дворов.

Жалобы на нарушения при проведении выборов рассматривались губернским по городским делам присутствием.

Мещанские старосты утверждались в должности губернатором (ст. 663, 669). После принятия присяги в мещанском управлении лица, избранные для службы, приступали к исполнению своих обязанностей. Запрещалось совмещать должности по службе в мещанском самоуправлении отцу с сыном, тестю с зятем, родным братьям, дядям с племянниками по мужской линии, т.е. предотвращалась семейственность (ст. 600).

Таким образом, закон предоставлял избирательные права всем членам мещанского общества, достигшим 25 лет, в отличие от выборов в городские думы, где предусматривалось наличие имущественного ценза для избирателей.

Освобождение от должности производилось только по болезни или же при выбытии из членов общества на законных основаниях. По распоряжению губернского правления эти места занимались кандидатами до новых выборов (ст. 647).

Мещанский староста, члены мещанских управ, помощники мещанских старост и др. «за противоправные действия, медленность или неисполнение законных предписаний» подвергались взысканиям на основании общих законов.

Должностным лицам мещанского общественного управления не полагалось государственного содержания, но мещанское общество своим приговором могло определить определенные суммы на нужды управления (ст. 637).

На мещанское общественное управление возлагались следующие обязанности: «1) попечение обо всех делах относящихся к мещанскому сословию; 2) принятие от губернского начальства указов и предписаний, а от других установлений требований и приведение их в исполнение на законных основаниях; 3) собрание и представление по принадлежности, а равно содержание в порядке и исправности ревизских сказок своего сословия; 4) содержание ведомостей о мещанах: по именам, семействам, летам и прочим, с означением особ престарелых и обедневших, и сведений о поведении и занятиях мещан, 5) созыв в потребных случаях, мещанского общества или же особых выборных депутатов, охранение порядка в собрании и свидетельствования, что приговор мещанского общества подписан теми лицами, которые находились в собрании; 6) раскладка, с согласия общества государственных и общественных повинностей с мещан и т. д.» [4, ст. 666].

Центральное место в делопроизводстве мещанских управ занимали журналы заседаний и приговоры мещанских обществ. В соответствии с регламентом, они вычитывались в начале каждого очередного собрания, утверждались и в виде копий вносились в специальные годовые книги. Каждый журнал фиксировал дату проведе-

ния, список присутствующих и вопросы, рассматриваемые в заседании мещанской управы, высказанные предложения, формулировки окончательных решений. Эти документы дают возможность расширить информационный фон мещанских заседаний.

Другой формой регистрации заседаний мещанской управы и мещанского общества были приговоры. В сравнении с журналами заседаний приговоры имеют более лаконичный характер, однако они содержат в себе следующий блок информации: дату заседаний, высказанные предложения, формулировки окончательных решений. Приговоры подразделялись на «увольнительный, приемный, на раскладку денежных повинностей, на расходование сумм на общественные нужды и др.». Здесь необходимо также отметить, что делопроизводство велось отдельно по христианскому столу и отдельно по еврейскому.

Заседания мещанской управы подразделялись на обыкновенные и чрезвычайные. Мещанскому старосте как председателю управы принадлежал общий надзор и контроль над деятельностью управы. Дела между членами управы распределялись так, чтобы каждый вел отдельное направление деятельности. Канцелярия управы обязана была составлять доклады, справки, исполнительные бумаги и вообще все дела, имеющие отношения к мещанскому управлению. Дела в канцелярии управы распределяли председатель и члены [3, с. 80–82].

Все дела, принадлежащие к мещанскому управлению, решались мещанской управой, постановлениями присутствия или же исполнялись по резолюции председателя членами управы. Там, где не была учреждена мещанская управа, все дела вел мещанский староста. На мещанского старосту, как председателя управы, возлагались следующие дела: «1) исполнение предписаний губернского руководства, которые утверждались постановлениями присутствия; 2) предоставление губернскому руководству дел, не требующих рассмотрения в управе; 3) решение всех исполнительных вопросов, составление срочных справок, ведомостей, сведений и т.д.» [3, с. 85].

Таким образом, мещанское самоуправление решало вопросы приема и увольнения из общества, выдавало паспорта и справки, вело списки членов общества, распределяло и собирало налоги с членов общества, решало вопросы, связанные с исполнением членами общества воинской повинности.

Создание мещанских обществ и активное развитие института мещанского самоуправления и его практическая деятельность в местечках и городах Беларуси оказывало прогрессивное влияние на формирование института самоуправления на территории Беларуси.

Список использованных источников

1. Материалы относящиеся до нового общественного устройства в городах империи : в 6 т. – СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1878. – Т. 5. – 290 с.
2. ПСЗРИ.- Собр. II. - СПб., - Т. 50. 1875.- № 54640.
3. Сборник узаконений и правительственных разъяснений о управлении в мещанских обществах. – Витебск. Губернская типография, 1882. – 100 с.
4. Свод Законов Российской империи /Законы о состояниях/. Т. IX.- СПб., 1876. – 315 с.
5. Шыбека, З.В. Гарады Беларусі /60 – я гады XIX – пачатак XX ст. / З.В. Шыбека. – Мінск : Эўрафорум, 1997. – 292 с.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. КОНСТИТУЦИОННАЯ ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	3
Кивель В.Н. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЛИЧНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	3
Василенко А.А., Бозэр А.Т. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	6
Мельник Н.Н. РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЕССИИ БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	8
РАЗДЕЛ II. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	11
Матвийчук С.Б. ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ (УЧРЕДИТЕЛЕЙ) ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА	11
Кучура П.И. АНАЛИЗ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО СПОСОБА РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ	13
Ярмоц Е.Н. ОТРАЖЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРИНЦИПОВ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В НОРМАХ БЕЛОРУССКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	15
РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	18
Колосовский В.В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОБЩИХ ПРАВИЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	18
Корнеев С.В. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖДЕТ БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ.....	23
Мартынюк А.И. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА КАК ПРИЗНАКА ОБЪЕК- ТИВНОЙ СТОРОНЫ УГОНА ЛИБО ЗАХВАТА С ЦЕЛЬЮ УГОНА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОДВИЖНОГО СОСТАВА, ВОЗДУШНОГО ИЛИ ВОДНОГО СУДНА	26
Стороженко С.Н. ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКАЯ РЕГИСТРАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СТАНОВЛЕНИЕ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ	29
Сугак И.А. КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 328 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	32
РАЗДЕЛ IV. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА УЧАСТНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	36
Новикова С.И. ТРУДОУСТРОЙСТВО ИНВАЛИДОВ: НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ.....	36
РАЗДЕЛ V. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	39
Каташук Д.В. ИМУЩЕСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	39
РАЗДЕЛ VI. СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА	41
Лагун Н.И. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ.....	41
Ласюк О.И. ИНСТИТУТ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	43
Каспирович А.А. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ЗВУКОЗАПИСИ И ИНЫХ НОСИТЕ- ЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	45

Станкевич М.В. ИНСТИТУТ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В СЛУЧАЕ НЕЯВКИ СТОРОН НА СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО	46
Щербитова Е.С. ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	49
Бондаренко А.А. ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ НОРМ КОНСТИТУЦИИ	51
Махнёва Д.Ю. ПОНЯТИЕ СГОВОРА В УГОЛОВНОМ И АНТИМОНОПОЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	52
Радьков К.М. ХОЛДИНГ КАК СУБЪЕКТ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	53
Пашко М.Н. ЭКСПЕРТИЗА ВЕЩЕСТВ И МАТЕРИАЛОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	55
Снитко А.И. СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ МЕТОДОМ ДНК-АНАЛИЗА	56
Васильева Л.М. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ОТКАЗА ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ	58
Гудиленко Н.А. ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)	60
Безуглая О.Д. СООТНОШЕНИЕ РАБОТЫ И УСЛУГИ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	63
Ефимова И.А. ГРАЖДАНСКАЯ ДЕЕСПОСОБНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ	64
Золотарь И.В. ДОГОВОР ПОДРЯДА И ТРУДОВОЙ ДОГОВОР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	65
Зонтова М.Л. ДОГОВОР АРЕНДЫ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	67
Приболовец М. ПОНЯТИЕ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФИКЦИЙ	68
Шумак И.А. ДОГОВОР НА ОКАЗАНИЕ РИЭЛТЕРСКИХ УСЛУГ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	69
Федорчук В. ДОГОВОРА ПОДРЯДА: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ	71
Юрочкин С.М. РАЗВИТИЕ МЕЩАНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	72